

Василий Аксенов

Звездный билет (сборник)

«ЭКСМО»

Аксенов В. П.

Звездный билет (сборник) / В. П. Аксенов — «Эксмо»,

ISBN 978-5-425-07735-6

Блистательная, искрометная, ни на что не похожая, проза Василия Аксенова ворвалась в нашу жизнь шестидесятых годов (прошлого уже века!) как порыв свежего ветра. Номера «Юности», где печатались «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», зачитывались до дыр. Его молодые герои, «звездные мальчики», веселые, романтические, пытались жить свободно, общались на своем языке, сленге, как говорили тогда, стебе, как бы мы сказали теперь. Вот тогда и создавался «фирменный» аксеновский стиль, сделавший писателя знаменитым. Пусть и нынешний читатель откроет для себя мир раннего Аксенова и его героев, по сути так похожих на нынешних молодых людей.

ISBN 978-5-425-07735-6

© Аксенов В. П.

© Эксмо

Содержание

Звездный билет	5
Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	18
Часть II	24
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	54
Часть III	66
Глава 9	66
Глава 10	73
Часть IV	76
Глава 11	76
Глава 12	87
Глава 13	99
Апельсины из Марокко	107
1. Виктор Колтыга	107
2. Николай Калчанов	115
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Василий Павлович Аксенов

Звездный билет (сборник)

Звездный билет

Часть I Орел или решка?

Глава 1

Я человек лояльный. Когда вижу красный сигнал «стойте», стою. И иду, только когда вижу зеленый сигнал «идите». Другое дело мой младший брат. Димка всегда бежит на красный сигнал. То есть он просто всегда бежит туда, куда ему хочется бежать. Он не замечает никаких сигналов. Выходит из булочной с батоном в хлорвиниловой сумке. Секунду смотрит, как заворачивает за угол страшноватый сверкающий «Понтиак». Потом бросается прямо в поток машин. Я смотрю, как мелькают впереди его чешская рубашка с такими, знаете ли, искорками, штаны неизвестного мне происхождения, австралийские туфли и стриженная под французский ежик русская голова. Благополучно увильнув от двух «Побед», от «Волги» и «Шкоды», он попадает в руки постового. За моей спиной переговариваются две старушки:

– Сердце захолонуло. Ну и психи эти нынешние!

– Штаны-то наизнанку, что ли, надел? Все швы наружу.

Зажигается зеленый свет. Я пересекаю улицу. У будки регулировщика Димка бубнит:

– И паспорта нету, и денег...

Я плачу пять рублей и получаю квитанцию. Дальше мы идем вместе с моим младшим братом.

– Чудак, – говорит он мне, – деньги мильтону отдал. Вот чудак!

– Увели бы тебя сейчас, – говорю я.

– Как же, увели бы!..

Димка свистит и смотрит по сторонам. Бросает пятак газировщице, пьет «чистенькую». Я жду, пока он пьет. Идем дальше. Приближаемся к нашему дому.

– Как диссертация? Назначили оппонентов? – спрашивает Димка.

– Да, назначили.

– Хорошие ребята?

– Кто?

– Оппоненты – приличные ребята? Не скоты?

– Классные ребята, – в тон ему усмехаюсь я, вспоминая оппонентов.

– Ну, блеск! Поздравляю. С тебя причитается.

Мы входим в наш дом, поднимаемся по лестнице.

– Чем сегодня кормите? – спрашиваю я.

– Не беспокойся, все твое любимое, – язвительно отвечает Димка. – Уж мы с мамочкой постарались. «Витенька любит печенку» – и я еду за печенкой. «Ему сейчас нужны витамины» – и я иду на рынок за витаминами для вас, сэр. «Он терпеть не может черствого хлеба» – и я бегу в булочную. Советские ученые могут спокойно работать, не беспокоясь насчет еды.

Вот в чем секрет наших успехов. Я обеспечу вам калорийную пищу, дорогие товарищи, я, скромный работник кастрюли! Только поскорее придумайте, как забросить человека в космос, и забросьте меня первым. Мне это все надоело.

Он стал мрачно острить, мой младший брат. Мама все время пытается воспитывать его на моем положительном примере. Всякий раз, когда мы собираемся за столом всей семьей, она начинает курить мне фимиам. Оказывается, я стал человеком благодаря трудолюбию и настойчивости, которые проявлялись у меня в раннем детстве. «Без пяти минут человеком», – говорит отец, намекая на еще не защищенную диссертацию.

Тогда Димка начинает ехидничать. «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан!» – хохочет он. Несколько лет назад, когда я играл в водное поло в команде мастеров, Димка боготворил меня. А сейчас я даже не знаю, как он ко мне относится. Димка недоволен своей жизнью. Вот злится, что мать гоняет его за покупками. Я могу сказать ему, что маме надо помогать, что я сам бы помогал ей, если бы больше бывал дома, что он напрасно опустил руки и тянет выпускные экзамены на сплошные тройки, ведь надо подумать и о будущем, и вообще-то, старик, действительно надо быть немного понастойчивее. Но я не говорю ему ничего. Я только смеюсь и хлопаю его по спине. И мрачная маска, такая смешная на его семнадцатилетнем лице, сползает. Он улыбается и говорит:

– Слушай, старик, не подкинешь ли ты мне четвертную?

Я подкидываю ему четвертную.

После обеда я ухожу в свою комнату и сажусь к окну бриться. Бреюсь и поглядываю в окно. Через двор напротив сидит у окна и бреется закройщик дядя Илья. А внизу, под окном, бреется лицо свободной профессии – мастер художественного слова Филипп Громкий. Я услышал зловещее гудение его электробритвы за несколько секунд до того, как включил свою.

У нас внутренний четырехугольный двор. В центре маленький садик. Низкий мрачный тоннель выходит на улицу. Наш папа, старый чудак, провожая гостей через двор, говорит: «Пройдем через „патио“...». А проходя по нашим длинным, извилистым коридорам, он говорит, что один воин с кривым ятаганом сможет сдержать здесь натиск сотни врагов. Таким образом он выражает свою иронию по отношению к нашему дому, который до революции назывался «Меблированные комнаты «Барселона»». Я поселился здесь двадцать восемь лет назад, сразу же после выхода из роддома. Спустя одиннадцать лет то же самое сделал Димка. В нашем доме мало новых жильцов, большинство – старожилы. Вот появляется из-под арки пенсионерка княжна Бельская. Она несет бутылку кефира. Ее сухие ноги в серых чулках похожи на гофрированные трубки противогаза. Много лет княжна проработала в регистратуре нашей поликлиники и вот теперь, как всякий трудящийся, пользуется заслуженным отдыхом.

Это час возвращения с работы. Торопливой походкой заочника проходит шофер Петя Кравченко. Пробегают две девушки – Люся и Тамара, продавщицы из «Галантереи». Один за другим проходят жильцы: продавцы, и рабочие, и работники умственного труда, похожие на нашего папу. Есть среди наших жильцов и закоренелые носители пережитков прошлого: алкоголик Хромов, спекулянт Тима и склочница тетя Эльва. Преступный мир представляет недавно вернувшийся из мест не столь отдаленных Игорь-Ключник.

Все эти люди, возвращаясь откуда-то от своих дел, проходят в четыре двери и по четырем лестницам проникают внутрь нашей доброй старой «Барселоны», теплого и темного, скрипучего, всем чертовски надоевшего и каждому родного логова.

Я выключаю электробритву и смотрю на себя в зеркало.

Я выгляжу точно на двадцать восемь лет. Почему-то никто никогда не ошибается, угадывая мой возраст.

Под окном – посвистывание. По двору прогуливается друг и одноклассник моего Димки Алик Крамер. Я вижу сверху его волосы; разделенные сбоку ниточкой пробора, очки; фестивальным платком на шее и костлявые плечи, обтянутые джемпером. Появляется Димка. На нем вечерний костюм и галстук-бабочка. Одетый точно так же, подходит верзила-баскетболист Юрка Попов, сын нашего управдома. Компания закуривает. Я прекрасно помню, как приятно курить, когда наконец отвоюешь это право. И ребята, видно, наслаждаются, закуривая на глазах всего дома. Но они очень сдержанны, немногословны, как истинные денди. Забавно! Впрочем, и мы были такими же примерно.

– Как дела, Юрка? – спрашивает Алик. – Поверг ты наконец реактивного Галачьяна?

– Ты же знаешь мои броски с угла, – отвечает Юрка.

– Я знаю также его проходы по центру.

– Я его зажал сегодня, – говорит Юрка. Забыв про новый костюм, он показывает, как проходит к щиту его соперник Галачян, тоже кандидат в сборную, и как он, Юрка, зажимает его. Алик убеждает Юрку играть так, как играет всемирно известный негр Уилт Чемберлен. Димка прерывает их:

– Планы на вечер есть?

Юрка поправляет галстук и огорченно говорит:

– Конь мой сегодня дома.

Конь – это значит отец. Великая радость, когда уходит конь. Ребята бросаются к телефонам: «Хата есть!» Приезжают смирные девочки, одноклассницы. Танцуют. Кто-то на секунду выключает свет. Ребята лезут целоваться. Девочки визжат.

– Пойдемте в кафе, – предлагает Димка.

– В кафе! – свистит Юрка. – У меня всего десятка.

– Я тоже сегодня стеснен в средствах, – говорит Алик, – двенадцать.

– Сорок, – небрежно бросает Димка.

Немая сцена под окнами.

– Мать дала пятнадцать, – поясняет Димка, – четвертную... четвертную вчера выиграл в бильярд.

– Разогни, – говорит Юрка.

– Не веришь? Выиграл у одного режиссера.

– У какого же это режиссера? – изумляется Алик. Он постоянно снимается в массовках на «Мосфильме», пишет сценарий и говорит: «У нас, в мире кино...»

– У молодого режиссера, – говорит Димка спокойно. – Забыл фамилию.

Я высовываюсь из окна:

– Добрый вечер, джентльмены! Куда собираетесь? На бал или в бильярдную?

У Димки падает изо рта сигарета. Мне почему-то хочется немного поиздеваться над ним.

– Виктор, Димка тут загибает, что у режиссера выиграл, – говорит Юрка.

– Конечно, – отвечаю я. – Дима – молодец! Не так просто выиграть в бильярд у режиссера.

– Это смотря у какого, – глубокомысленно замечает Юрка.

– У любого, – говорю я. – Правда, Алик? Что у вас, в мире кино, думают по этому поводу? Легко выиграть у режиссера?

– Практически невозможно, – отвечает Алик.

– А вот Дима выиграл. Горжусь своим младшим братом. Все бы вы были такими.

– Галка идет, – мрачно говорит Димка и тайком показывает мне: «Заткнись!»

Цок-цок-цок. На каблучках-гвоздиках подходит Галина Бодрова, прелестная девица современной конструкции. Мне очень нравится Галинка. Все светлеет вокруг, когда она

появляется. Помоему, даже Димкина физиономия светлеет, когда появляется Галя. Когда-то они дрались здесь же, под этими окнами.

– Привет, мальчики! – говорит Галя. – Здравствуйте, Виктор! – машет мне рукой.

Я улыбаюсь ей. Димка смотрит на меня с угрозой. Он боится, что я продолжу разговор о режиссере.

– У миледи новое платье, – говорит Алик.

– Нравится? – Галка делает круг, как манекенщица.

– Это кстати, – говорит Юрка, – мы сегодня в кафе потянемся.

– Нет, – говорит Галя, – мы пойдем в кино. Я хочу посмотреть новую картину «Весенние напевы».

– Ха! – Алик полон пренебрежения. – Очередная штамповка.

– А я хочу ее посмотреть!

– Алька прав, – говорит Димка, – нечего там смотреть. Сплошные напевы. Хоровые напевы, танцы и поцелуйчики.

– А чего тебе еще надо, Дима? – спрашивает Галя и смотрит на него.

– Мне? – Димка смущен. – Что мне надо?

– А тебе что нужно, Алик?

– Мне нужен психологизм, – обрывает Алик.

Мне становится немного жаль Димку. Алик вот твердо знает, что ему нужно. Психологизм ему нужен. А Димка, бедняга, не знает. Особенно когда Галя вот так смотрит на него.

Юрка вынимает из кармана монету.

– Ну что ж. Кинем?

Монета взлетела вверх почти до моего окна.

– Орел! – кричит Галя.

– Решка! – говорит Димка.

Все бросаются к упавшей монете. Галя весело хохочет и хлопает в ладоши. Ничего не поделаешь: фатум! Придется идти смотреть новую кинокомедию «Весенние напевы», штампованную и лишенную психологизма. Я слышу, как Галя тихо говорит Димке: «Тебе не везет в игре», и вижу, как Димка краснеет. Когда они все проходят под арку, я кричу:

– Дима, ты не знаешь фамилии режиссера этой комедии? Как он в смысле...

Димка выскакивает из-под арки и показывает, как он, вернувшись домой, свернет мне шею.

Сегодня суббота. Я повязываю галстук и отправляюсь на свидание с Шурочкой. Шурочка – это моя невеста. Прошу прощения за несовременный термин, но мне нравится это слово – «невеста».

Я замешкался на углу, и теперь приходится пережидать бесконечный поток машин. А Шурочка уже вышла из метро и стоит на другой стороне. Ловлю себя на том, что опять рассматриваю ее. Определенно она мила, эта девушка в узком красном платье. Чрезвычайно мила и одета со вкусом. Я знаю, что, когда мне не захочется рассматривать ее вот так, словно мы чужие, тогда я на ней женюсь. Черт возьми, долго это будет продолжаться? Жизни нет из-за этих машин. Там, на другой стороне, какой-то длинный сопляк осмотрел Шурочку, словно лошадь, и хихикнул. Подошли еще двое. Я побежал через улицу.

Длинный взял Шурочку за руку, и в этот момент я отшвырнул его плечом.

– Пойдем, Витя, – сказала Шурочка, – пойдем.

Я повернулся к парням. У всех троих вместо галстуков висели на шее шнурки, а один был даже с усиками. Мой Димка ни за что не нацепил бы на себя шнурок. Все, что угодно, он может нацепить на себя, но не такую похабную веревочку. Парни смотрели на меня, словно прикидывали, на что я способен. Потом они поскуchnели и равнодушно отвернулись.

Мы входим в парк. Я люблю красные дорожки парка, и его аккуратные клумбы, и фонтаны, и лебедей, люблю ходить по аллеям и останавливаться возле киосков, аттракционами пользуюсь изо всех сил и пью пиво, люблю ходить в парк с Шурочкой.

У входа возле столба с репродуктором стоит толпа. Лица у всех какие-то одинаковые.

– Любого агрессора, проникшего на нашу священную, обильно смоченную кровью землю, ждет плачевная участь. Мы имеем в распоряжении достаточно сил и средств для того, чтобы...

Я слушаю голос диктора и смотрю вокруг на лица людей. Потом смотрю вдаль, где на фоне вечернего неба вращается гигантское «колесо обозрения». В шестидесяти четырех кабинках этого колеса сейчас беспечно хохочут и ойкают от притворного страха люди. Из глубины парка несется джазовая музыка, движется колесо, и движется весь наш шарик, начиненный загадочной смесью. Движется парк, и мы движемся, люди в парке. Там мы смеемся, а здесь мы молчим. Соотношение всех этих движений – попробуй разобраться. Джаз и симфония. Вот оно, наше небо, пригодное для фейерверка и для взлета больших ракет.

Глава 2

Я люблю этот город вязевый.
Пусть обрюзг он и пусть одрях,
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах, —

вспоминаю я, наблюдая бесконечную карусель машин на привокзальной площади. Отсюда, с моста, виден большой кусок этого «вязевого» города. Вокзал еле успевает откатывать людские волны помпами электричек. Автомобилям несть числа. Площадь слепит огнями, неподвижными и мелькающими, а на горизонте исполинские дома мерцают, как строй широкогрудых рыцарей. Дремотная Азия! Поэт, вы не узнаете вашего города. Пойдемте по улицам. Вам немного не по себе? Вам страшно? Я понимаю вас. Я понимаю страх и растерянность приезжих на этих улицах. Мне, может быть, самому бы было страшно, если бы я не любил этот город. Именно этот город, который забыл, что он был когда-то тихим и «вязевым».

– Пойдем, – говорит Борис, – что ты оцепенел? Не люблю я, когда ты так цепенеешь.

Мы спускаемся в метро. В потоке людей идем по длинному кафельному коридору. Навстречу нам другой поток. Если прислушаться, шлепанье сотен шагов по кафельному полу напечет шум сильного летнего дождя. Обычно мы, москвичи, не слышим этих звуков. Для нас это тишина. Мы реагируем только на резкие раздражители. Я мечтаю о дожде, может быть, поэтому я его и слышу. Он настигает совсем недалеко от дачи, и ты таким мокрым чучелом вваливаешься на веранду, где пьют чай. Я мечтаю об отпуске.

Мы выходим на нашей станции. Встаем в очередь к газетному киоску, потом – в очередь к табачному киоску. На площадке возле станции, как всегда вечером, полно молодых ребят. Они сидят на барьере и стоят кучками. Усмехаясь, разглядывают выходящих из метро. Девушкам вслед летят реплики, междометия, иногда посвистывание. Лучшее вечернее развлечение – поторчать у метро.

– Посмотри на них, – говорит Борис, – посмотри на их лица. Просто страх берет.

– Брось! – говорю я. – Нормальные московские ребята. Просто выпендриваются друг перед другом, вот и все.

– Нормальные московские ребята! – восклицает Борис. – Ты считаешь этот сброд нормальными московскими ребятами?

– Конечно! Самые обычные ребята.

– Нет, это выродки. Накипь больших городов.

– Ну тебя к черту, Борька! Димку моего ты, надеюсь, знаешь?

– Ну?

– Смею утверждать, что он самый нормальный московский малый. А он тоже часто торчит здесь, и, если бы ты его не знал, не отличил бы от всех. И в его адрес метал бы свои громы и молнии.

– А что твой Димка?

– Ну, что Димка?

– Он недалеко от них ушел. Тоже хорош твой Димка!

– Ну знаешь, Борис!..

– А что? Скажешь, у Димки есть какие-то жизненные планы, какие-то порывы, есть что-то святое за душой? В голове у него магнитофонные ленты, девчонки и выпивка. Аттестат получил позорный...

– Довольно! – резко обрываю я. – Хватит о нем!

Черт его знает, каким он стал, этот мой друг Боря. Тоже позор! Любит, видите ли, «правду-матку в глаза резать».

Мы подходим к нашему дому. Борис должен взять у меня кое-какие книжки.

– Слушай, – говорю я ему после долгого молчания, – хочешь узнать, о чем думает мой Димка? – Говорю это так, как будто сам прекрасно знаю, о чем он думает. – Посидим у нас в садике минут пятнадцать. Он там в это время всегда бывает. Поговорим с ним.

– Тебя задели мои слова? – спрашивает Борис.

– Чепуха! Все же давай посидим в садике.

Мы входим в наш «патио» и садимся на скамейку в глубине сада, под цветущим кустом сирени.

«Барселона» живет вечерней жизнью, как и все дома в Москве. Всеми тремя этажами, сотней окон она смотрит себе внутрь. За шторами двигаются люди, наяривают телевизоры.

В противоположном углу двора два приятеля Гера и Гора налаживают на подоконнике магнитофон. Сейчас будут оглушать весь двор музыкой. Пока не придет дворник.

Под аркой зажигаются фары. Во двор въезжает новенькое такси. Сгусток энергии и комфорта двадцатого века на фоне наших облупленных стен.

Из дверей выскакивает мастер художественного слова Филипп Громкий со своими элегантными чемоданами.

– Далеко, Филипп Григорьевич? – спрашивает дядя Илья.

– В турне, друзья. Рига, Таллин... На Балтику, друзья.

– Филипп! – кричит наш папа. – Ионами на взморье попользуйся. Подыши как следует. Лучшее лекарство для нас с тобой.

– Что же вы раньше не сказали, Филипп Григорьевич, что в Ригу едете? – обиженно говорит спекулянт Тима.

– Программа у вас та же? Новенькое что-нибудь выучили? – интересуется шофер Петя Кравченко.

– Товарищ Громкий, а за электричество вы заплатили? – светским тоном осведомляется тетя Эльва.

«Барселона» провожает своего любимца, свою звезду. Громкий машет шляпой вокруг. Самый громадный город – это просто тысяча деревень. Ну чем наша «Барселона» не деревня?

Шофер включает счетчик, нажимает стартер. Фыркнув, голубой автомобиль исчезает под аркой. Так каждую весну артист на виду всего дома отбывает «в странствия» по приморским районам. Он будет пересаживаться с самолета в поезд и с поезда в такси, жить в гости-

ницах, обедать в ресторанах, купаться в соленых морских волнах и дышать ионизированным воздухом взморья. Осенью он вернется, и жители «Барселоны» будут его приветствовать.

В садике появляется вся Димкина компания и он сам. Я ни разу не видел Галю с подругами. Она ходит только с Димкой, Аликом и Юркой. И ребята не отстают от нее. Трудно понять: ухаживание это или продолжение детской дружбы. Они занимают скамейку недалеко от нас. Нас они не видят или просто не хотят замечать.

Вот уже десять минут Гера и Гора крутят магнитофон, а дворника все нет. Видимо, «Барселону» охватило в этот вечер лирическое настроение.

Джазовые синкопы бьют в землю, точно град, словно отбойный молоток, вгрызаются в стены и взмывают вверх, пытаюсь расшевелить неподвижные звезды, подчинить их себе и настраивать попеременно то на лирический, то на бесноватый лад. Три пары остроносых ботинок и одна пара туфелек отбивают такт. Лица ребят нам не видны, они в тени сирени. Их голоса мы слышим только в перерывах между музыкой.

ДИМКА. На Балтику помчался Громкий. Эх, ребята!

ЮРКА. А что ему не ездить? Жрец искусства.

АЛИК. Тоже мне искусство! Читать стихи и строить разные рожи. Примитив!

ГАЛЯ. А почему бы тебе, Алик, не выучить пару стихов? Выучи и поезжай на Рижское взморье.

ДИМКА. Алька и так знает больше стихов, чем самый Громкий из всех Громких.

– Паблито, – призывно поет магнитофонная дева.

– Паблито, – говорит она задумчиво.

– Па-аблито! – кричит что есть мочи.

Почему я вдруг решил поговорить с Димкой? Только лишь потому, что меня задела слова Бориса? «Пойдем, ты узнаешь, о чем он думает». Как будто я сам это знаю. Что я знаю о своем младшем брате? До какого-то времени я вообще его не замечал. Знал только, что с ним хлопот не оберешься. Потом он немного подрос, и мы стали с ним слегка возиться. Но у меня всегда были свои крайне важные дела. И вдруг младший брат приходит и просит на минутку твою бритву. А однажды ты видишь, что он лежит на диване с совершенно потерянным видом и на твой вопрос бурчит: «Отстань». И как-то раз ты замечаешь его в толпе возле метро. Ты ухмыляешься – «племя младое, незнакомое» – и думаешь: «А может быть, и на самом деле незнакомое?» У тебя наука, диссертация, ты, в общем, на самом переднем крае, а у него аттестат сплошь в тройках. О чем он думает? Мы, Денисовы, интеллигентная семья. Папа – доцент, а мама знает два языка. Димка прочел все, что полагается прочесть мальчику из «приличной» семьи, и умеет вести себя за столом, когда приходят гости. Но воспитали его «Барселона», и наша улица, и наша станция метро. В какой-то мере стадион, в какой-то мере танцевальная веранда в Малаховке, в какой-то мере школа. Звучит кощунственно. Его должна была воспитывать главным образом школа. А, брось! Ты сам еще не так давно учился в школе.

– Паблито... – совершенно изнемогая, шепчет магнитофонная дева.

АЛИК. Я не понимаю, почему стонет Юрка. Все лето будет кататься со сборной, а потом его как выдающегося спортсмена примут куда-нибудь без экзаменов.

ДИМКА. Верно, что ты стонешь? В Венгрию едет, а стонет еще.

ЮРКА. Галачян в Венгрию едет, а не я.

ГАЛЯ. Что ты, Юрик!

ЮРКА. То, что ты слышишь. Галачяна в сборную включили. Говорят, он тактику лучше понимает. Конь мой ликует. В институт поступишь, человеком станешь, хватит, говорит, мяч гонять.

Труба. Звук трубы летит в небо. Он стремительно набирает высоту, как многоступенчатая ракета, выходит на орбиту и кружится, и кружится, и замирает, и на смену ему прихо-

дит глухой рокот контрабаса. И новые взлеты трубы. И жизнь идет. А Юрку не включили в сборную. Это трагедия, я его понимаю. Гудит саксофон. И жизнь идет. Младший брат недоволен жизнью. Что ему нужно, кроме трубы, контрабаса и саксофона? Попробуй-ка поговорить с ним об этом. Он засмеется: «Чудишь, старик!» – и попросит четвертную. Это очень трудно – иметь младшего брата! Лучше бы мы с ним родились близнецами. Жизнь идет, и трубы сейчас звучат несколько иначе, чем одиннадцать лет назад.

ЮРКА. Были бы деньги, накирлялся бы я сейчас.

ДИМКА. Только и остается.

АЛИК. Давай, Юрка, вместе готовиться во ВГИК, на сценарный факультет!

ГАЛЯ. Лучше готовься вместе со мной на актерский. У тебя такая фигура!

ДИМКА. Я вам советую поступить в Тимирязевку. Говорят, там открылся новый факультет: тореадорский. У Юрки все данные для боя быков. А Галка поступит на пушной, будет демонстрировать шкурки песцов и лисиц. Тоже все данные.

ГАЛЯ. А ты куда, Димочка? На что ты можешь рассчитывать со своими данными?

Нахальный баритон в бешеном темпе уговаривает девушку. Перестань кукситься, забудь о разных пустяках и целуй меня. Чаше, целуй меня чаще. Только это тебе поможет. Гера и Гора неистовствуют, а дворника все нет. Неужели им удастся докрутить ленту до конца?

Борис рядом со мной молча курит. Я тоже молча курю.

ДИМКА. А в общем, куда нам поступать, решают родители. Ведь это же они, дорогие родители, финансируют все наши мероприятия.

ГАЛЯ. Представляете, мальчики, мама мне заявила: или в медицинский, или к станку.

АЛИК. Родители не могут понять, что нам чужды их обывательские интересы. Даже мой дед и тот гудит день-деньской: сначала приобрести солидную специальность, а потом пробуй свои силы в литературе.

ЮРКА. А мой конь уже все продумал. Надежды у него мало, что я поступлю, так он уже место мне подыскал для производственного стажа. Учеником токаря на какой-то завод. Дудки я туда пойду. Ишь ты, что придумал: учеником токаря!

Молчание.

ТЕТЯ ЭЛЬВА (*кричит из окна*). Тима, будьте любезны, позовите дворника.

ДИМКА. Все лето в Москве торчать. Эх, ребята!

Снова трубы, саксофоны и контрабас. В освещенное пространство в центре садика выходят, пританцовывая, Галя и Димка. Алик и Юрка хлопают в ладоши.

Из окон высовываются любопытные. Есть на что посмотреть. Димка блестяще танцует. В этом отношении он меня превзошел.

А как все-таки здорово! Сидят детишки и ехидничают, как сорокалетние неудачники, но вот возникает какой-то подмигивающий ритм, и... наш жалкий садик поднимается вверх, повисает над крышами, звезды пускаются вокруг в хороводе. Девушка и юноша танцуют, и весь мир надевает карнавальные маски. Молодость танцует при свете звезд у подножия Олимпа, полосы лунного света ложатся на извивающиеся тела, и пегобородые бойцы становятся в круг, стыдливо прячут за спины ржавые мечи и ухмыляются недоверчиво, но все добрее и добрее, а их ездовые уже готовят колесницы для спортивных состязаний. Ребята танцуют, и ничего им больше не надо сейчас. Танцуйте, пока вам семнадцать! Танцуйте, и прыгайте в седлах, и ныряйте в глубины, и ползите вверх с альпенштоками. Не бойтесь ничего, все это ваше – весь мир. Пегобородые не поднимут мечей. За это мы отвечаем.

– Галина! Иди сюда.

У входа в садик стоит Галина мать, инспектор роно.

– Ну что, мамочка? – заранее обиженным тоном говорит Галя и подходит к своей еще молодой и статной, одетой в серый костюм, как и положено инспекторам роно, маме. Та молча вынимает из сумочки платок и сильным злым движением снимает помаду с Галиных губ.

– Опять? Опять устроили дансинг у всех на глазах? Танцуешь с бездельниками, вместо того чтобы заниматься. Куда ты катишься, Галина? На панель? Немедленно домой!

– Совершенно согласна с вами, Зинаида Петровна. – Прямо над ними из окна высунулась тетя Эльва. – Только крутые меры. Надо мобилизовать общественность. А куда смотрит жэк? Вместо того чтобы организовать в нашем дворе разумные настольные игры, викторины, кроссворды, предоставляют поле деятельности двум негодьям с магнитофоном. Отравляют юные души тлетворной музыкой. Тима, вы сказали дворнику?

ТИМА. Да вот он сам, Степан Федорович.

ДВОРНИК (*навеселе*). Герка! Герка! Кончай тлетворную! Гони нашу! «Рябинушку»!

ДИМКА. Тетя Эльва, идемте танцевать! Герка, прибавь звука! Тетя Эльва хочет рок кинуть.

ТЕТЯ ЭЛЬВА. Тима, участкового позовите!

НАША МАМА. Дмитрий, домой!

ПЕТЯ КРАВЧЕНКО. Товарищи, у меня завтра зачет по сопромату.

Из-под арки появляется Игорь-Ключник.

ИГОРЬ. Граждане, что тут за шум? Что тут за шум, Тимка?

ТИМА. Кому Тимка, а отбросам общества...

ИГОРЬ. Слюшай ты, несимпатичный хулиган...

ТИМА. Бросьте, Игорь. Нам ли с вами?

ДЯДЯ ИЛЬЯ. Это ж ужас, что за дом! Боже ж мой, что за дом!

ДВОРНИК. «Рябинушку»!

ГЕРА (*в микрофон*). Концерт звукозаписи по заявкам жильцов нашего дома окончен. Пишите нам по адресу: «Барселона», радиоцентр.

ТЕТЯ ЭЛЬВА. Я на вас найду управу, развратники!

И все начинает затихать. Прикрываются окна, расходятся люди со двора. Это обычный воскресный вечер, но я чувствую, что Борис поражен. Наш дом постоянно поражает Бориса. Еще бы, ведь он живет на девятом этаже в могучем доме на Можайке, опоясанном снизу такой массой гранита, которой бы хватило на целую сотню конных памятников.

– Виктор, я, пожалуй, пойду, – говорит Борис.

– Пока, – говорю я, – до завтра.

Прямой и подтянутый идет мой друг Боря, надежда нашей науки. Ничего я ему не доказал. И вообще я, должно быть, никогда ничего ему не докажу.

ДИМКА. Проклятое дупло это, а не дом! Взорвать бы его к чертям!

АЛИК. Нельзя. Надо его оставить как натуру. Здесь можно снимать неореалистические фильмы.

ЮРКА. За год четыре дома на нашей улице снесли, а этот стоит.

ДИМКА. И даже не дрожит под ветром эпохи. Эпоха, ребята, мимо идет.

ЮРКА. Валерка переехал на Юго-Запад. Потрясные дома там. Во дворах теннисные корты. Блеск!

ДИМКА. Взорвем «Барселону»?

АЛИК. Да нельзя же, я тебе говорю, взрывать такую натуру.

ДИМКА. Сбежим?

ЮРКА. Окна там, что ты! Внизу сплошное стекло. Модерн!

АЛИК. Неужели и мы, как наши родители, всю свою жизнь проведем в «Барселоне»?

ДИМКА. Взорвем?

ЮРКА. Насчет всей жизни не знаю, а это лето точно. Галачян в Будапешт поедет, а я буду диктанты писать.

ДИМКА. Сбежим?

ЮРКА. Конь мой ликует...

ДИМКА. Сбежим?

АЛИК. Куда?

ДИМКА. Куда? Ну, для начала хотя бы на Рижское взморье.

ЮРКА. То есть как это так?

ДИМКА. А так, уедем, и все. Хватит! Мне это надоело. Целое лето вкалывать над учебниками, и ходить по магазинам, и слушать проповеди. Отдохнуть нам надо или нет? Никто ведь не думает о том, что нам надо отдохнуть. Дудки! Уедем! Ура! Как это раньше мне в голову не приходило?

АЛИК. А как же родители? Как же мой дед?

ЮРКА. А мой конь?

ДИМКА. Слезай с коня, иди пешком. Что вы, парни? Мы же мощные ребята, а ведем себя, как хлюпики. Вперед! К морю! В жизнь! Ура! Что я думал раньше, идиот!

АЛИК. А как же мое поступление во ВГИК?

ЮРКА. А мое в инфизкульт? Это тебе, Димка, хорошо. Ты еще ничего не придумал, куда идти.

ДИМКА. Институт! Смешно. В институты принимают до тридцати пяти лет, а нам семнадцать! У нас в запасе еще восемнадцать лет! Вы себе представляете, мальчики, как можно провести годик-другой? Мчаться вперед: на поездах, на попутных машинах, пешком, вплавь, заглатывать километры. Стоп! Поработали где-нибудь, надоело – дальше! Алька, вспомни про Горького и Джека Лондона. А для тебя, Юрка, это отличный тренинг. Или вы хотите всю жизнь проторчать в этом клоповнике?

ЮРКА. Законно придумал, Митька!

АЛИК. А на какие шиши мы поедем? Денег-то нет.

ДИМКА. Это ерунда. Продадим свои часы, велосипеды, костюмы, у меня немного скоплено на мотороллер. Это для начала. А потом придумаем. Главное – смелость. Прокоримся. Ура!

ЮРКА. Купите мне ружье для подводной охоты, и уж рыбкой-то я вас обеспечу.

АЛИК. А я буду продавать стихи и прозу в местные газеты.

ДИМКА. Ну, видите! А я на бильярде подработаю. Значит, едем?

Ребята склоняются друг к другу и что-то шепчут. Алик подбросил монетку и прихлопнул ее на колене. Димка пишет веточкой на песке. Я вижу, как в садик скользнула Галя. Она в стареньком платьице и драных тапках на босу ногу, но, ей-богу, ей не повредило бы даже платье, сшитое из бумажных мешков Мосхлебторга.

– Тише, ребята, – говорит она. – Я на минутку. Значит, едем завтра в Химки? Я скажу, что иду в библиотеку...

– В Химки, – говорит Димка, – в Химки. Ха-ха, она хочет в Химки!

– На нашей планете и кроме Химок есть законные местечки, – говорит Юрка.

– А не хочешь ли ты, Галка, съездить на остров Валаам? – вкрадчиво спрашивает Алик. – Знаешь, есть на свете такой остров!

Ребята загадочно хихикают и хмыкают. Еще бы, ведь перед ними открыт весь мир, а для Галки предел мечтаний – Химки.

– Что это вы задумали? – сердито спрашивает Галя и, как Лолита Торрес, упирает в бока кулаки.

– Сказать ей? – спрашивает Алик.

– Ладно уж, скажи, а то заплачет, – говорит Юрка. Димка кивает.

- Мы уезжаем.
- Что?
- Уезжаем.
- Куда?
- В путешествие.
- Когда?
- На днях.
- Без меня?
- Конечно.
- Никуда без меня не поедете!
- Ого!
- Не поедете!
- Ха-ха!
- Ты без меня поедешь?
- Видишь ли, Галя...
- А ты?
- Я?
- А ты, Димка, без меня поедешь?
- А почему бы и нет!

Ошеломленная Галя все-таки действует с инстинктивной мудростью. Расчленив монолитный коллектив, она отворачивается, топает ногой и начинает плакать. Ребята растерянно ходят вокруг.

- Мы будем жить в суровых условиях.
- В палатке.
- Питаться только рыбой.

– Хочу в суровые условия, – шепчет Галка, – в палатку. Рыбой питаться хочу! Мне надоело здесь. Мама при всех губы стирает. Какие вы хитрые, без меня хотели уехать!

- Постой, а как же театральный факультет? – спрашивает ее Алик.
- А вы как решили с экзаменами?
- Мы решили не поступать.
- Как?

– А вот так. Подбросили монетку, и все. Хватит с нас! Мы хотим жить по-своему. Поступим когда-нибудь, когда захотим.

- Я тоже хочу жить по-своему!

– Ладно, – говорит Димка, – берем тебя с собой. Только не хныкать потом. А в театральный ты все-таки поступишь. В Ленинграде. В конце концов, театральный – это не медицинский. Готовиться особенно не нужно. Глазки, фигурка – это у тебя есть. Вполне достаточно для поступления.

– Смотрите, он сделал мне комплимент! – восклицает Галя. – Слышите, ребята, Димка сделал мне комплимент! Спасибо тебе, суровый Дима.

- Кушай на здоровье. Я сегодня добрый.

– В основном ты прав, Димка, но не совсем, – говорит Алик. – Внешние данные – еще не все. Нужен витамин «Т» – талант. Мне один актер рассказывал, какие к ним применяли пробы. Например, предлагают сказать два слова «хорошая собака» с десятью разными выражениями. Восхищение, презрение, насмешка...

– Давайте Галку проэкзаменуем, – предлагает Димка. – Ну-ка, скажи с презрением: хорошая собака.

ГАЛЯ (*с презрением показывая на него*). Хорошая собака.

Юрка предлагает ей выразить восхищение.

ГАЛЯ (с восхищением показывая на Юрку). Хорошая собака!

– Ну, а теперь... – говорит Алик.

ГАЛЯ (с насмешкой показывая на Алика). Хорошая собака!

ДИМКА (показывая на Галю). Ребята, с возмущением!

ВСЕ (с возмущением). Хорошая собака!

ГАЛЯ. Хорошие вы собаки, без меня решили уехать!

Мы с Димкой идем по нашей ночной улице. Перешагиваем через лужи возле газировочных автоматов, подбрасывая носками ботинок стаканчики из-под мороженого. Мы с Димкой одного роста, и в плечах он меня скоро догонит.

– План в общих чертах такой, – говорит Димка. – Сначала мы едем на Рижское взморье. Отдохнем там немного – должны же мы, черт возьми, хоть немного отдохнуть! – а потом двинемся пешком по побережью в Ленинград. По дороге наймемся поработать в какой-нибудь рыболовецкий колхоз. Мне один малый говорил, что там можно заработать кучу денег. А потом дальше. Посмотрим Таллин и к августу будем в Ленинграде. Там отдадим Галку в театральный институт, а сами...

– А сами?

– А сами составим новый план.

– Отличный у вас план, – говорю я, – точный, детальный, все в нем предусмотрено. Кончатся деньги, появляется рыболовецкий колхоз. Вы забрасываете невод и вытаскиваете золотую рыбку. Чего тебе надобно, Димче? Прекрасный план!

– А, черт с ними, со всеми этими планами!

Я останавливаюсь и беру брата за лацканы пиджака:

– Слушай, Димка, когда ты был маленьким, я заступался за тебя и никому не давал тебя лупить.

– Ну и что?

– А то, что сейчас мне хочется дать тебе хорошую плюху.

– Попробуй только.

– Фу ты, дурак! – Я машу рукой. – О матери ты не подумал? Что с ней будет, когда ты исчезнешь?

– Поэтому я тебе все и рассказываю. Успокой ее, но, – теперь он берет меня за лацкан, – если ты настоящий мужчина и если ты мне друг, ты не расскажешь ей, где мы.

– Она все равно поднимет на ноги все МВД.

Димка словно глотает что-то и лезет в карман за сигаретами.

– Витя, пойми, я уже все решил, ребят поднял. Нельзя мужчине отступать.

– Мужчина! Убегать из дому принято в двенадцать-тринадцать лет, да и то в детских книжках. А в семнадцать лет – это, старик, нелепо. Прояви свою волю в другом. Попробуй все-таки поступить в институт.

– Да не хочу я этого! – отчаянно кричит Димка. – К черту! Думаешь, я мечтаю пойти по твоим стопам, думаешь, твоя жизнь для меня идеал? Ведь твоя жизнь, Виктор, придумана папой и мамой, еще когда ты лежал в колыбели. Отличник в школе, отличник в институте, аспирант, младший научный сотрудник, кандидат, старший научный сотрудник, доктор, академик... дальше кто там? Всеми уважаемый покойник? Ведь ты ни разу в жизни не принял по-настоящему серьезного решения, ни разу не пошел на риск. К черту! Мы еще не успеем родиться, а за нас уже все продумано, уже наше будущее решено. Дудки! Лучше быть бродягой и терпеть неудачи, чем всю жизнь быть мальчиком, выполняющим чужие решения.

Вот оно что! Тут, оказывается, целая жизненная философия. Вот, значит, как? Ты презираешь меня, Димка? Ты не хочешь жить так, как я? Ты считаешь меня...

Честно говоря, меня совершенно потряс Димкин монолог, и я молчу. Я не чувствую уже превосходства старшего брата. Со страхом я ловлю себя на том, что завидую ему, ему, юноше с безумными идеями в голове. Но что он знает обо мне, мой младший брат?

Мы медленно бредем к нашему дому, заходим под арку и при свете фонаря читаем рукописную афишу:

30 июня 1960 г. во дворе дома № 12 ВЕЧЕР МОЛОДЕЖИ.

Программа:

- 1. Встреча с т. Лямзиным Т. Т.**
- 2. Коллективная беседа «Поговорим о личном».**
- 3. Демонстрация к/ф «Микробная флора полости рта».**
- 4. Танцы под баян.**

Димка вынимает карандаш и пишет внизу плаката:

«Танцы откроет тетя Эльва, старая сопящая кобыла».

Ну, тут я не выдержал и дал ему слегка по шее.

Ребята сидят в моей комнате. Когда я вхожу, они даже не меняют поз. В общем-то, как это ни смешно, я дорожу тем, что они меня не боятся.

– Личности, титаны, индивиды, – говорю я им. Смеются. – Пиво, что ли, пили?

Заглядываю под кровать – бутылок не видно. Сажусь на подоконник и закурываю. За моей спиной двор «Барселоны», и дальше все окно закрыто стенами соседних домов. Неба не видно. Но если сесть спиной на подоконник, можно увидеть небольшой четырехугольник со звездным рисунком. Мне хочется предаться любимому занятию: лечь спиной на подоконник, положить руки под голову, ни о чем не думать и созерцать этот продолговатый четырехугольник, похожий своими пропорциями на железнодорожный билет. Билет, пробитый звездным компостером. Кажется, это есть в каких-то стихах. Никто не знает про этот мой билет. Я никому не говорю про него. Даже не знаю, когда я его заметил, но вот уже много лет, когда мне бывает совсем неважно, я ложусь на подоконник и смотрю на свой звездный билет.

Я слышу через форточку возню Геры и Горы. Что-то у них там сегодня не ладится. Обычно среди полной тишины вдруг раздается веселое лошадиное ржание, а сегодня Гера и Гора почему-то шепотом чертыхаются. Потом Гера говорит: «Ладно, заткнись. Включаю». Я слышу шелканье и гудение приемника. И вот двор «Барселоны» заполняется каким-то странным гулом. Это не наш гул, не земной. И... «Бип-бип-бип...» Кусок земного металла, жаркий слиток земных надежд, продукция мозга и мышц, смешанная с нашим потом и с кровью тех, которые этого уже не услышат. Кусок земного металла, полный любви, полный героизма, и счастья, и страдания. Весь он наш, плоть от плоти, и, двигаясь там, он хранит в себе память о наших руках и глазах, о смене наших настроений и о нашей дурной привычке курить табак. Он один там, в чужой среде, окруженный чужими металлами, озаряемый кострами чужих звезд, летит, и гудит, и дрожит от мужества, и трогательно сигнализирует: «Бипбип»...

– Черт вас возьми! – кричу я своему братцу и его друзьям и распахиваю окно. – Слушайте!

– Ну, слышим, – говорит Димка. – Космический автобус.

– Радиостанция «Маяк», – говорит Алик.

– Поймали наконец, молотки ребята! – довольно равнодушно басит Юра.

– Черт бы вас побрал! – говорю я. – Шпана! Личности! Индивидуумы!

– Ишь ты, как раскричался, – насмешливо говорит Димка. – Рановато ты воодушевился. Человека-то там нет.

Человека там нет! Там нет человека! Вот если бы сразу, сейчас, кто-нибудь слетал на Марс и вернулся оттуда с девушкоймарсианкой, тогда почтеннейшая публика, может быть, и удивилась бы. Так, слегка. Знаете, мол, вот забавная история: красотку с Марса привез себе один малый. Разучились удивляться чудесам. В мире чудес люди уже не удивляются чудесам.

– Вас не интересуют чудеса? – спрашиваю я.

– Какие же это чудеса? – удивляется Юрка.

– А ты думаешь, чудеса – это Змей-Горыныч и Баба-Яга?

Я вспоминаю, как несколько лет назад эти ребята построили в Доме пионеров яхту, управляемую по радио. Вот это было чудо! Какой восторг горел тогда в их глазах!

– Ребята, хотите я устрою вас работать на завод?

– Какой еще завод?

– Завод, где делают чудеса.

– Конкретней, – говорит Алик. – Что это за завод?

– Конкретней нельзя об этом заводе.

Я снова приоткрываю окно, и «бип-бип-бип» влетает в комнату. Многозначительно подмигиваю. Это мой последний козырь. Последний раз я пытаюсь отговорить их от задуманной авантюры.

– Да ну? – говорят ребята. – Можешь устроить на такой завод?

– Попытаюсь. Если станете людьми...

– Отпадает, – Димка машет рукой, – тогда отпадает.

– Почему отпадает? – говорю я, чувствуя себя последним кретином. – Выбросьте из головы свои дурацкие прожекты...

– Эх, жалко, – прерывает меня Юрка, – мы ведь скоро на Балтику уезжаем, Виктор. Если бы нам не надо было уезжать...

– Хватит дурачиться.

Молчат.

– Хотите работать на таком заводе?

Молчат.

– И уехать на Балтику тоже хочется?

Молчат.

– Роковая дилемма, значит? Подбросим монетку?

Молчат.

– Если орлом, то на завод. Идет?

Бросаю. Честно говоря, я немного умею бросать так, чтобы получалось то, что нужно.

Орел. Упала орлом.

– Бросай с трех раз, – хрипло говорит Димка. – Дай-ка лучше я сам брошу.

Кажется, он тоже немного умеет бросать так, чтобы получалось то, что ему хочется.

Глава 3

У меня в лаборатории можно снимать самый нелепый научно-фантастический фильм. Один только пульт чего стоит! Мигание красных лампочек и покачивание стрелок, больших и маленьких, кнопки, кнопки, рычажки... А длинный стол с приборами? А диаграммы на стенах? Но самое чудовищное и таинственное – это система приточно-вытяжной вентиляции. А звуки, звуки! Вот это потрескивание и тихое гудение. Потрясающую сцену можно было бы снять здесь. Запечатлеть, скажем, меня у пульта. Стою с остекленевшими глазами и с капельками холодного пота на лбу. Крупный план: капля течет по носогубной складке. Руки! Ходят ходуном.

Я люблю вдруг осмотреть свою лабораторию глазами непосвященного человека. Это всегда забавно, но священного трепета в себе я уже не могу вызвать. Все-таки я все здесь знаю, все до последнего винтика, до самой маленькой проволоочки. Любой прибор я смогу разобрать и собрать с закрытыми глазами.

Приборы, мои друзья! Вы всегда такие чистенькие и всегда совершенно точно знаете, что вы должны делать в следующую минуту. Разумеется, если вас включила опытная рука. Хотел бы я быть таким, как вы, приборы, чтобы всегда знать, что делать в следующую минуту, час, день, месяц. Но вам легко, приборы, вы только выполняете задания. До этого дня я тоже только выполнял задания, правда, не так точно, как вы, приборы. Что может быть лучше: получать и выполнять задания? Это мечта каждого скромного человека. Что может быть хуже самостоятельности? Для скромного человека, конечно.

Что может быть прекрасней, сладостней самостоятельности? Когда она появляется у тебя (я имею в виду это чувство наглости, решительности и какого-то душевного трепета), ты дрожишь над ней, как над хрупкой вазой. А когда кокнешь ее, думаешь: к счастью, к лучшему – хлопот не оберешься с этой штукой, ну ее совсем!

Так начинать мне этот проклятый опыт или нет?

Выхожу в коридор покурить. Монтер Илюшка сидит на подоконнике и зачищает концы провода. Начинаем обсуждать с ним перспективы футбольного сезона. Илюшка родился в Ленинграде и, хотя совершенно не помнит города, фанатически болеет за «Адмиралтейца». Я над ним всегда подтруниваю по этому поводу. Сегодня я говорю, что вообще-то «Адмиралтеец» – это здорово придумано, но можно было назвать команду и иначе. «Конногвардеец», скажем, или «Камер-юнкер». Илья кипит.

По коридору мимо нас проходят мой друг Борис и еще один сотрудник нашего института, очень важный. Ловлю конец фразы моего друга: «...чрезвычайно!»

«Люди работают, – думаю я, – вкручивают мозги членам ученого совета». Оставляю Илюшку с его грезами о победах «ленинградской школы футбола», с его уже зачищенными и еще не зачищенными концами и иду взглянуть на камеру. Заглядываю в окошечко. Там все в порядке. Вся живность здорова и невредима. Честно говоря, система у меня уже собрана, и остается только присоединить к ней кое-какие устройства камеры. Через несколько минут я могу начать свой опыт. Надо начинать, чего там думать! Ведь это же мой опыт. Первый опыт моей самостоятельности (я имею в виду это чувство). Я его придумал и продумал сам с начала и до конца. И он может меня погубить. Полтора часа будут гореть лампочки, покачиваться стрелки, тихо гудеть и щелкать разные приборы. Дня два на расшифровку результатов, и все станет ясно. Он или погубит меня или разочарует очень надолго. То есть меня-то он не погубит, я останусь цел, он просто может перечеркнуть последние три года моей работы. А если этого не произойдет, будет поставлен крест на моей самостоятельности. Странно работает моя голова; но это моя голова. Это мой опыт, и я уже стал фанатиком, я его уже люблю, хотя еще не соединил систему. Соединить или сначала... проверить еще раз записи?

Сажусь к столу и открываю (в который раз!) синенькую тетрадку. Я ее всю исписал в свободное время, в свободное от диссертации время, в вечернее время на третьем этаже «Барселоны» под веселое ржание магнитофона и вопли тети Эльвы. Луна вползала в железнодорожный билет над соседней крышей. Это чрезвычайно вдохновляло. Запах сирени и автомобильных выхлопов, сладковатый запах нечистот из-под арки, девушки цок-цок-цок каблучками прямо под окном, а на звонки Шурочки мама говорила, что я в библиотеке, насвистывание Димки, Алика и Юрки и их веселые голоса, «Рябинушка» и детский плач – вся симфония и весь суп «Барселоны» окружали меня и затыкали уши и ноздри. И я написал эту тетрадку, воруя время у своей диссертации. Зачем мне сейчас ее читать? Я знаю ее всю наизусть. Читать ее еще, перелистывать? Выбросить в форточку, и дело с концом!

– Разрешите полюбопытствовать, Витя?

На тетрадь из-за моей спины опускается широкая худая рука со следами удаленной татуировки. Это шеф. Что его занесло ко мне в это время? Шеф – мой друг и учитель и автор моей диссертации. Прошу не думать обо мне плохо. Диссертацию написал я сам. Я три года работал, как негр на плантации. Но работал я над гипотезой шефа, над его идеей. Три года назад он бросил мне одну из своих бесчисленных идей. Это его работа – подбрасывать идеи. Пользуясь спортивной терминологией, можно сказать, что шеф у нас в институте играет центра. Он распасовывает нам свои идеи, а мы подхватываем их и тащим к воротам. Это нормально, везде, в общем-то, делают так же. Но эта тетрадка – это мой личный мяч. Я сам пронес его через поле, и вот сейчас остановился и не знаю: бить или не бить?

Шеф быстро переворачивает страницы, а я волнуюсь и смотрю на его тупоносые башмаки и хорошо отглаженные серые брюки из-под белого халата. У шефа худые руки и лицо, но вообще-то он грузного сложения. Шеф – человек потрясающе интересной судьбы. Те, кто не знает этого, видят в нем обычную фигуру: профессор как профессор. Но я вхож к нему в дом и видел фотоальбомы. Серию старинных юношей с чубом из-под папахи и с хулиганским изгибом губ; выпученные глаза георгиевского кавалера; лихой и леденящий прищур из-под козырька, а нога на подножке броневика; широкогрудый, весь в патронных лентах; и еще один, в странной широкополой шляпе, видимо захваченной в театре, – и все это наш шеф. Когда я смотрю на теперешнего шефа, мне кажется, что все эти люди: драгун, революционер, красный партизан, голодный рабфаковец – разбежались и бросились в одну кучу с целью слепить из своих тел монумент таким, каков он есть сейчас: грузный, огромный, беловолосый и спокойный, в хорошо отглаженных серых брюках.

– Поздравляю, Витя! Неплохо вы развернули свою мысль.

– Вы одобряете?

– Да. Но не волнуйтесь, я эту тетрадь не читал. Поняли? И в глаза ее не видел и не заходил к вам.

– Я не понимаю.

– Не притворяйтесь. Прекрасно понимаете, что эта работа опровергает вашу диссертацию.

– Это я понимаю, но что же делать?

– Да делайте то, что начали. Я вижу, систему вы уже собрали. Ставьте опыт, но никому не говорите о результатах. Обнарудете их после защиты.

– Андрей Иванович!

– Не надо пафоса, Витя. Не люблю я таких восклицаний, как в пьесах.

– Я тоже не люблю, но... Как я смогу защищать диссертацию, если узнаю сегодня, что выводы неправильны? Наше дело... я говорю о деле, которым мы занимаемся...

– Вы думаете, выводы вашей диссертации будут сразу использоваться в нашем деле? Пройдет много времени, пока их начнут внедрять и тысячу раз еще проверят. А вы месяца через два после защиты опубликуете вот это, – он щелкает пальцем по синей тетрадке, – и все заговорят: мыслящий кандидат наук, многообещающий, мужественный, аналитический...

– Курс цинизма я проходил не у вас, – говорю я мрачно.

– Все дело в том, Витя, что вы гораздо больше многих других достойны называться кандидатом наук. Сколько вам можно еще тянуть? – сердито говорит шеф и направляется к двери.

– Андрей Иванович! – останавливаю я его. – Вы бы как на моем месте поступили? Вы бы зажали свою мысль, пошли бы против истинных интересов нашего дела ради какого-то фетиша?

С минуту шеф смотрит на меня молча.

– Друг мой Витя, не говори красиво, – произносит он потом и с саркастической миной исчезает.

Шеф ненавидит громкие слова и очень тонко чувствует фальшь, но сейчас он сам сфальшивил и поэтому злится. В самом деле, мы с ним сыграли какой-то скетч из сборника одноактных пьес для клубной сцены. Он играл роль старшего и умудренного друга, а я – молодого поборника научной правды. С первых же слов мы оба поняли, что играем дурацкие роли, но в этой игре мы искали нужный тон и, может быть, нашли бы его, если бы не мой последний вопрос. С него так и закапала патока. По ходу пьесы шеф должен был бы подойти, положить мне руки на плечи, этак по-нашему встряхнуть и сказать: «Я в тебе не ошибся».

Сейчас я поставлю этот чертов опыт. Плевать я хотел на сарказм шефа и на все фетиши на свете. С этого дня я совершенно самостоятелен в своих поступках. Я вам не прибор какой-нибудь.

Фетиш! Этот фетиш даст мне кандидатское звание, уверенность в себе и лишних пятьсот рублей в месяц. Сколько еще можно тянуть? Через два года мне будет тридцать. Это возраст активных действий. После тридцати о человеке уже могут сказать – неудачник. Тридцатилетние мужчины – главная сила Земли, они действуют во всем мире, осваивают Антарктиду и верхние слои атмосферы, добиваются лучших результатов во всем, женщины очень любят тридцатилетних, современные физики к тридцати годам становятся гениями. Нужно спешить, чтобы к тридцати годам не остаться за бортом. Тридцатилетние. Разными делами занимаются они в мире. И наряду со знаменитостями существуют невидимки, которые не могут рассказать о своем деле даже жене. Мы (я имею в виду ученых нашей области) тоже невидимки. Врач, казалось бы, самая скромная, будничная профессия. Но врач космический – это уже что-то. А рассказать никому нельзя. Мое имя до поры до времени не будет бить в глаза с газетных полос, но о нашем деле, когда мы добьемся того, ради чего работаем, закричат все радиостанции мира. Когда я слышу это «бип-бип-бип», у меня дыхание останавливается. Я представляю себе тот момент, когда ОТТУДА вместо этих сигналов раздастся человеческий голос. Это будет голос моего сверстника. Главное – это то, о чем я никогда не думаю, это то, что я иногда чувствую, когда лежу на подоконнике и смотрю на кусочек неба, похожий на железнодорожный билет, пробитый звездным компостером.

Я встаю, иду к камере и делаю то, что нужно для ее подключения к системе. Эх, Димка, бродяга, привести бы тебя сюда! Как ты смеешь презирать мою жизнь? Как ты смеешь говорить, что я всю жизнь жил по чужой указке? Был бы ты постарше, я бы ударил тебя тогда. Трепач! Все вы трепачи!

Итак, для постановки опыта все готово. Шурочка будет потрясена, когда узнает, что защита откладывается на неопределенное время.

Я устал от этих бесплодных раздумий. Хожу по лаборатории, руки в карманах. Выглядываю в коридор: нет ли там Илюшки или моего друга Бориса? Никого нет. Снова подхожу к камере и вынимаю монетку. Орел или решка? Так делает всегда эта гопкомпания. Подбросят монетку один или три раза – и порядок. Голову себе особенно не ломают. Орел – ставлю опыт! Решка – нет! Честно говоря, я немного умею крутить так, чтобы получалось то, что нужно.

– Витька, что ты делаешь?! – изумленно восклицает за моей спиной Борис. Он стоит в дверях и с тревогой смотрит на меня.

Монетка падает на пол и укатывается под холодильник.

– Пойдем покурим? – говорит Борис участливо.

– Не мешай работать! – ору я. – Что это за манера входить без стука?

Выталкиваю его в коридор, плотно закрываю дверь, подхожу к камере и соединяю ее с системой.

Пусть теперь все это шелкает, мерцает, качается и гудит. Что это здесь – кухня алхимика или бутафория марсианского завода? Надоедает в конце концов глазеть на непонятные

вещи. Пойду искать Илюшку. Полтора часа с ним можно говорить о богатырской команде «Адмиралтеец».

– Виктор, ваш брат просит вас к телефону! – кричат мне снизу. Я спускаюсь и беру трубку.

ДИМКА. Витя, мы уже на вокзале.

Я. Попутный вам в...

ДИМКА. Мы едем в Таллин.

Я. Почему в Таллин? Вы же собирались в Ригу.

ДИМКА. Говорят, в Таллине интереснее. Масса старых башен. А климатические условия одинаковые.

Я. Понятно. Ну, пока. Привет всем аргонавтам.

Вчера мы долго разговаривали с Димкой, чуть не подрались, но все-таки договорились писать друг другу до востребования. А ночью он пришел ко мне, сел на кровать и попросил сигаретку.

– Маму жалко, Витя, – сказал он басом. – Ты уж постарайся все это... сгладить как-то. Я молчал.

– Виктор, скажи ей... Ну что со мной может случиться? Смотри. – Он вытянул руку, на ладони его лежал динамометр. – Видишь? – Он сжал пальцы в кулак и потом показал мне стрелку. Она стояла на шестидесяти. – Что со мной может случиться?

– Извини меня, Дима, я же не знал, что ты выжимаешь шестьдесят. Теперь я вижу, что с тобой ничего не может случиться. Ты раздобишь голову любому злоумышленнику, посягнувшему на твой пояс, набитый золотыми динарами. А мама знает, что ты выжимаешь столько?

Димка встал. Всю последнюю зиму он возился с гантелями, эспандером и динамометром. Рельеф его мускулатуры был великолепен.

– Виктор, ты на меня злишься. Я тебе тогда наговорил черт знает что. Ты уж...

– Наш простой, советский супермен, – сказал я. – Ты понимаешь, что ты сверхчеловек? Когда ты идешь в своей шерстяной пополам с нейлоном тенниске, и мускулы выпирают из тебя, и прохожие шарахаются, ты понимаешь, что ты супермен?

Димка помялся в дверях, вздохнул:

– Ладно, Виктор. Пока.

Теперь я жалею, что говорил с ним так на прощание. У мальчишки кошки на душе скребли, а я не смог сдержать свою злость. Но ведь не по телефону же изъясняться.

В странном состоянии я вступаю под вечерние своды «Барселоны». Со двора вижу, что все окна нашей квартиры ярко освещены. Мгновенно самые страшные мысли озверевшей ордой проносятся в голове. «Неотложка», ампулы ломают руками, спины людей закрывают что-то от глаз, тазики, лица, лица мелькают вокруг. Прыгаю через четыре ступеньки, взлетаю вверх и, подбегая к нашим дверям, уже слышу несколько голосов. Быстро вхожу в столовую.

Нервы у меня прямо никуда. Надо же так испугаться. Мама разливает чай, папа курит (правда, ожесточенно, рывками). Вокруг стола, как и следовало ожидать, расселись «кони». Здесь Юркин отец – наш управдом, мать Гали и дедушка Алика, персональный пенсионер. Говорят все разом, ничего нельзя понять. Меня замечают не сразу. Я останавливаюсь в дверях и минуту спустя начинаю в общем шуме различать голоса.

МАТЬ ГАЛИ (*еще молодая женщина*). И она еще в чем-то обвиняет меня! Это безумное письмо! Вот, послушайте: «...ты не могла понять моего призвания, а мое призвание – сцена. Ты всегда забывала о том, что я уже год назад обрезала школьные косички».

ДЕД АЛИКА (*с пафосом 14-го года*). Позорный документ! А мой внук заявил мне на прощание, что солидные профессии пусть приобретают мещане, и процитировал: «Надеюсь, верую, вовеки не придет ко мне позорное благоразумье».

ОТЕЦ ЮРКИ (*старый боец*). Мало мы их драли, товарищи! Мой олух совсем не попрощался. Сказал только вчера вечером: «Не дави мне, папаша, на психику». Ну, я его... кхм... Нет, мало мы их драли. Решительно мало.

НАШ ПАПА (*мыслит широкими категориями*). Удивительно, что на фоне всеобщего духовного роста...

НАША МАМА (*это наша мама*). Какие жестокие дети...

Я вижу, что бурный период слез и валерьянки (то, что меня страшило больше всего) уже прошел, и в общем благополучно. Сейчас кто-нибудь скажет: «Что же делать?» И все будут думать, что делать, и, конечно, спросят совета у меня. А что я могу сказать?

Я сказал:

– Товарищи родители! – и посмотрел на Галину маму. Мы с ней немного флиртуем. – Товарищи родители, – сказал я, – не волнуйтесь. Делать нечего, и ничего не надо делать. Ребята захотели сразу стать большими. Пусть попробуют. И ничего страшного с ними не случится. Димка просил передать, чтобы вы не беспокоились, он будет писать мне. Парни здоровенные, и Галю, Зинаида Петровна, они в обиду не дадут.

Несмотря на мое выступление, родители возмущались еще очень долго. Часам к одиннадцати они перешли на воспоминания. Я прошел в свою комнату, открыл окно и лег спиной на подоконник.

Часть II Аргонавты

Глава 4

Они смотрели в окно вагона. Над Каланчевской уже зажглись неоновые призывы Гостраха, а небо было еще совсем светлым. Западный фасад высотной гостиницы весь пылал под солнцем слюдяным огнем.

И все это медленно-медленно уплывало назад.

Станционные пути и совсем рядом обычная московская улица. Огромный плакат на глухой стене старого дома: «Лучшие спутники чая». В космическом пространстве вокруг чашки чая вращаются его лучшие спутники: печенье, варенье, торт.

И все это медленно-медленно уплывало назад.

– Шикарно придумана реклама, – сказал Димка. – Надо бы всю рекламу построить по этому принципу. Лучший спутник мыла – мочалка, лучший спутник водки – селедка...

Но Галя, Алик и Юра не подхватили.

А потом все пошло быстрее и быстрее, трах-тах, тах-тах, тахтах, тах-тах... То вдруг открывалась дальняя перспектива Москвы, то окно закрывалось вагонами, стоявшими на путях, заборами, пакгаузами. Трах-тах, тах-тах, трах, свет, мрак, трах-тахтах, бараки, свет, трах-тах-тах, встречный паровоз.

Уходила Москва, уносилась назад. Центр, забитый автомобилями, и полные ветра Лужники, все кинотеатры и рестораны, киностудия «Мосфильм», Ленинская библиотека и Пушкинский музей, ГУМ, трах-тах-тах, все уже позади, и в каменном море четырехугольная «Барселона», волна и корабль, что качал нас семнадцать лет, мама, папа, бабушка, брат, все дальше и дальше улетят они, трах-тах-тах, свет, мрак, барак, новостройка, тах-тах, это еще Москва, трах-тах, вдруг лес, это уже не Москва, трах-тах-тах, встречная электричка.

Проводники таскали матрацы и комплекты белья. В обоих концах вагона скопились граждане со сверточками в руках. По очереди они исчезали и появлялись снова уже в роскошных полосатых одеждах. Весь вагон возился и извинялся, а трое парней и девушка все смотрели в окно на лес и поле, где временами появлялись и стремительно мчались назад последние островки Москвы.

Рядом скрипнула кожа, и Галя почувствовала, что кто-то деликатно взял ее за талию.

– Разрешите проследовать? – пророкотал ласковый командирский басок. Прошел мужчина в синем костюме и скрипучих сапогах. Налитая красная шея, пересеченная морщинами, напоминала поверхность футбольного мяча. Обернулся, скользнул зеленым глазом, поправил рыжий ус и сказал кому-то:

– Гарная дивчина.

Димка, взглянув на рыжего, вдруг почувствовал себя маленьким и беспомощным и со злости сжал кулаки. Галя прошла в глубь купе и села там у окна. Димка сел с ней рядом. Алик вытащил из рюкзака кипу газет и журналов – «Дэйли уоркер», «Юманите», «Юнгельт», «Паэзе сера», «Экран», «Курьер ЮНЕСКО» и «Юность»; Юрка вытащил из кармана «Советский спорт».

Напротив Гали и Димки сидели три парня в очень аккуратных костюмах. Двое из них все время посмеивались, вспоминая какую-то машину, которую они называли «самосвал ОМ-2870». Третий, белобрысый гигант, молча улыбался, поворачивая голову то к одному, то к другому.

– Лучшая марка из всех, что я знаю, – сказал первый парень и подмигнул Димке.

– Верно, – согласился второй.

– КПД самый высокий, поэтому и хороша эта машина в эксплуатации. – Первый опять подмигнул Димке.

– Что-то я не знаю такой машины, – мрачно сказал Димка.

Первый парень, худой и прыщавый, откинул со лба черную челку и выкатил на Димку лакированные глазки:

– Не знаешь? Слышишь, Игорь, человек не знает самосвала «ОМ-28-70»!

– Молодой еще, – улыбнулся Игорь, человек с крепким и широким лицом. Разговаривая, он поднимал ладонь, словно что-то на ней взвешивая. Он вытащил бутылку и показал. Оказалось, что самосвал «ОМ-28-70» – это «Особая московская» – 28 рублей 70 копеек. Страшно довольный, черноглазый малый безумно хохотал.

– Это нас вояки по дороге в Москву разыграли, – проговорил он задыхаясь. Отсмеявшись, предложил знакомиться. – Шурик, – сказал он и протянул руку Гале, которая все это время безучастно смотрела в окно.

Галя обернулась к нему холодным лицом манекена. Она умела делать такие лица.

– Александр Морозов, – поправился черноглазый и привстал. – А это мои друзья – Игорь Баулин и Эндель Хейс.

Галя небрежно кивнула головой и снова отвернулась. Димка разозлился на нее и сказал:

– Ее зовут Галка. А я Димка Денисов. А это мои друзья – Юрий Попов и Алик Крамер. Идите сюда, ребята!

Алик уже давно остро поглядывал из-за «Паэзе сера», изучал типажи. Юрка, не отрываясь от «Спорта», пересел поближе, ткнул в грудь Энделя Хейса и спросил взволнованно:

– Слушай, как ты думаешь: припилят наши в баскет американцев?

– Цто? – тонким голосом спросил гигант и покраснел.

– Он по-русски слабо кумекает, – улыбнулся Игорь.

Проводник принес чай. Черноглазый, несколько обескураженный каменным лицом Гали, вскоре снова разошелся. Он сыпал каламбурами, анекдотами, корчил такие рожи, что Юрка уже не спускал с него глаз. Алик положил газету на стол. Черноглазый ткнул пальцем в фотографию Брижит Бардо на первой странице и сказал:

– Артисточка эта на вас смахивает.

Напряженно прикрыл один глаз.

О, как Галя умеет улыбаться!

– Вы находите?

Черноглазый Шурик радостно засиял.

– Должен вам прямо сказать, что вы ужасно фотогигиеничны. Ха-ха-ха!

«Страшно люблю таких психов в компании», – подумал Димка.

Ребята охотно поддержали тон Шурика: дурачились изо всех сил. Игорь достал карты, а Алик стал учить новых знакомых играть во французского дурака. Даже огромный Эндель развеселился и пищал что-то своим тоненьким голоском. Начало путешествия складывалось приятно. Поезд летел в красной закатной стране. Электричество в вагоне еще не включили, и от этого было как-то особенно уютно. Тени на лицах и блики заката сквозь хвойный забор, вокруг блестят глаза, и открываются в хохоте рты. Какие славные ребята наши попутчики! И вообще все о'кей! В мире полно смешных и благожелательных людей. Поезда ходят быстро, в них уютно играет радио.

Я жду тебя, далекий ветер детства,
Погладь меня опять по волосам.

Все вскочили, отдавая честь, потому что вышел король, а Димка остался сидеть. Его затормошили, Юрка хлопнул картами по носу, но он отмахнулся.

Переулок на Арбате
С проходным нашим милым двором...

Димка встал.

– Я покурить. – И пошел в тамбур.

Поезда уходят быстро от родных мест, но в них есть радиоузлы, где крутят душещипательные пластинки. Черт бы их побрал! Иная песенка может выбить из колеи даже мужчину, выжимающего правой рукой шестьдесят.

– Ничего, это с ним бывает, – сказал Юрка, – поехали дальше!

И все закричали:

– Бонжур, мадам! – потому что вышла дама.

Димка курил в тамбуре, и ему было стыдно. «Видимо, я все-таки слабак, – думал он. – Всем ребятам тяжело, но они держатся. Даже Галка. А меня словно кто-то за горло взял, когда стали крутить эту пластинку: „Я жду тебя, далекий ветер детства, погладь меня опять по волосам“. Ветер детства, такого еще близкого, что там говорить! Он только там, этот ветер, больше нигде его нет для меня. Летает по переулкам медленно и властно, как орел. И вдруг со свистом – под арку „Барселоны“, а мама из окна:

– Дима, ужинать!

Ребята кричат:

– Димка, выйдешь?

– Дмитрий, сколько раз тебя нужно звать?

– Димка выйдешь?

А ветер детства уже заполнил все и распирает стены. Мама любила гладить по волосам до тех пор, пока я не устроил ей скандала из-за этого. Теперь ночью подходит и гладит – и ветер детства сквозь кирпичи и стекла... Все, покончено с этим ветром. Ему не долететь до Балтики».

Димка открыл дверь вагона, и резиновый ветер открытой земли дал ему в грудь.

Тра-ля-ля! Поехали исследовать разные ветры! Бриз – это прибрежный ветер. Муссоны дуют летом с моря на сушу, зимой наоборот. Пассаты – прекрасные ветры (это у Джека Лондона). Бора – в Новороссийске (где это он читал?). Торнадо – кажется, в прериях.

Географы и синоптики различают ветры по направлению и по силе. А кто их различает по запаху? Музыканты, что ли? Художники, наверное, умеют различать и по цвету. Боже мой, как только не пахнут ветры! Вот этот резиновый, на ощупь он каждую минуту разный. Сейчас дохнул морской травой и навозом. Опушка леса наполовину уже погружена в темноту, а лужа возле полотна пылает смесью всех цветов, словно палитра. И рядом апатичная лошадь с продавленной, как старый диван, спиной. Телега оглоблями вверх. Босой мальчишка. Одинокая изба по краю леса. Прошлогодний стог. Запах мокрой травы и навоза. Запах старины. До боли все это знакомо. Все это уже когда-то было. Когда? Попытайся вспомнить. Опушка мелькнула и исчезла. В дороге не только исследуют, но и вспоминают. К сожалению, никогда нельзя вспомнить до конца.

– Кукареку! – закричали в вагоне, потому что вышла десятка. Эндель опять зазевался. Брижит Бардо встала и, очень грациозно спотыкаясь, выбралась из купе.

Димка стоял лицом к двери и беспощадно дымил. Галя увидела его плечи, обтянутые черной фуфайкой, мускулистую шею, и ей неудержимо захотелось провести ладонью по его затылку снизу вверх, чтобы почувствовать мягкую щетку волос. Она это сделала. Димка резко повернул голову и отскочил.

– Ты что?! – гаркнул он. – Чего тебе надо?
– Дайте мне сигарету, капитан, – сыграла Галя.
– Ты уверена, что Брижит Бардо курит? – буркнул Димка и протянул ей сигарету.
Несколько минут они курили, молча глядя на огромную равнину, покрытую кустарни-

ком.

– Ты думал о доме? – вдруг спросила Галя, и Димка снова вздрогнул.

Он посмотрел ей в лицо и сказал:

– Да.

Галя отвернулась. Плечи ее дрогнули.

– Мне страшно.

– Что ты, первый раз из Москвы уехала?

– Конечно. Я дальше Звенигорода нигде не была.

Димка взглянул на Галино лицо, ставшее детским, и почувствовал себя слюнтяем и мягкотелым хлюпиком; ему захотелось вытереть этой девочке влажные глаза, погладить ее по голове и сказать ей что-нибудь нежное. Он ударил ладонью по ее плечу и бодро воскликнул:

– Не трусь, детка! Держи хвост пистолетом!

Галя отпрянула.

– Слушай, почему ты так со мной обращаешься? Я ведь тебе не Юрка и не Алик.

– Что я тебе сделал?

– Дима, мы ведь уже не дети.

– Это она мне говорит! Сама разнюнилась, как...

– Я не то имею в виду.

– А что ты имеешь в виду?

Брижит Бардо улыбнулась. Димка терпеть не мог этих ее улыбок, особенно когда она так улыбалась другим.

– Знаешь, – крикнул он, – лучше бы ты осталась дома!

Хотел уйти, но в это время в тамбур влезли Юрка, Алик Шурик, Игорь и Эндель, а потом полезли и другие пассажиры мужчины. Оказывается, поезд подходил к крупной станции.

Когда появились перрон и здание вокзала, Галя снова почувствовала, что ее деликатно взяли за талию, и прямо над ухом прогудел ласковый командирский басок:

– Разрешите продвинуться, землячка, не знаю, как величать.

Рыжий ус лез в глаза. Воняло сивухой. Юрка просунул вперед плечо и мощно притер рыжеусого к стенке. Галя оскорбительно засмеялась.

Внимание станционных служащих, местных жителей и железнодорожной милиции было привлечено весьма экстравагантной группой молодых людей. Удивительная златоволосая девушка в голубой блузке с закатанными рукавами и в черных брючках выше щиколотки прогуливалась по перрону в компании трех насупленных парней в черном. Один из парней носил очки и бородку. Поскольку на станции привыкли терпеливо относиться к пассажирам скорых поездов (к тому же, черт их знает, может, иностранцы), милиция и должностные лица сохраняли полное спокойствие, не выпуская в то же время указанную группу изпод цепкого наблюдения. На вокзальном скверике вокруг гипсовой девы с веслом собралось много местной молодежи.

– Э, ребята, смотри, какие гуси!

– Не гуси, а попугай.

– Ты его, приятель, примечай, может, он заморский попугай...

– Почему же попугай? Очень скромно и удобно одеты.

– Молчи, Зинка. Сама стилига.

- Девка-то, девка, Господи ты Боже мой!
- А этот очкарик с бородой в дядьки, что ли, собирается?
- Сейчас мода в Москве под Фиделя Кастро.

Ребята остановились возле скверика и эффектно «хлопнули» по стакану газировки.

Димка сказал:

- Волнение среди аборигенов.

Шурик, Игорь и Эндель долго не могли успокоиться, они охали и держались за животы.

- Господи, – пробормотал Шурик, – ну как же смешно жить на суше.
- Мы перегонщики.
- То есть?

– Перегоняем сейнеры на Дальний Восток. Из Ленинграда или ГДР гоним их на Камчатку.

– А вообще-то мы балтийцы, – сказал Игорь, – дети седой Балтики, так сказать. А это, – он улыбнулся и обнял за плечи Энделя, – прямой потомок викингов.

– Ваши предки тоже были застенчивыми? – спросила Галя у гиганта. – Как же они тогда разрушали и грабили города? И увозили женщин? А?

– Эсты не викинги. Тихие люди. Женщину не увозили. Всегда любили женщину, – в смятении залепетал Эндель.

От одного взгляда на него становилось жарко. Все засмеялись. Димка, Алик и Юрка переглянулись. Кто бы мог подумать, что эти ребята в аккуратных пиджачках перегоняют суда из ГДР на Камчатку через все моря и океаны!

- А вы, видно, студенты?
- Нет, мы школу кончили в этом году.
- В институт будете поступать или на производство?
- Ни то, ни другое.
- А что же тогда?
- Будем путешествовать. Мы туристы.

Алик поправил Димку:

– Какие же мы туристы? Туристы на время уходят из дому, а мы навсегда порвали с затхлым городским уютом и мещанским семейным бытом.

- Точно, – сказал Юрка.
- Мы пожиратели километров, – уточнил Димка.

– Вот дают! – восхитился Шурик Морозов. – Пожиратели! Ну и везет нам, ребята, в этот раз на суше! Сначала тот лейтенант, что сел в Иркутске, сказал, что он фаталист. Фаталист, понимаете? А теперь вот пожиратели километров. Все оригинальные личности попадают. Разрешите поинтересоваться: у вас, наверное, все не так, как у людей, а? Алик, ты как теоретик...

- У нас нет теорий, – отрезал Алик.
- А взгляды? На любовь, например, у вас какой взгляд?
- Любви нет, – отрезал Алик. – Старомодная выдумка. Есть только удовлетворение половой потребности.
- Правильно! – крикнул Димка. – Любви нет и не было никогда.
- Точно, – сказал Юрка, – нету ее.

– Маменькины сынки вы, вот вы кто, – сердито сказал Игорь. Он воспринимал все это крайне серьезно. – Я думал, вы ребята как ребята, а вы маменькины сынки. Не люблю таких. Блажь в голову пришла, и помчались, сами не знают куда. А деньги кончатся – побежите на телеграф. Милые родители, денег не дадите ли?

- Ошибаетесь, – сказал Алик, – мы сами себя прокормим. Мы труда не боимся.
- А знаете вы, что такое труд?

Димка понял: шутки в сторону. Ишь ты, уставился на Альку этот тип! Желваки на скулах катаются. Может, поучать собирается, влиять? Знаем мы таких! Идите вы все подальше!

– Представь себе, знаем! – крикнул он. – В школе проходили. Учили нас труду. Труд – это такой урок, на котором хочется все ломать.

– Э, – сказал Шурик, – так шутить нельзя.

– Нельзя, – твердо сказал Эндель.

Игорь посмотрел на Димку.

– Интересно, – медленно проговорил он, – едешь в поезде и не знаешь, кто напротив сидит.

– А сидит-то пережиток капиталистического сознания, – усмехнулся Димка.

– Хватит трепаться! – гаркнул Игорь. – Трепачи вы, голые трепачи! Поехали бы в Сибирь, посмотрели бы, что там молодежь делает!

– В Сибирь все едут, – сказал Юрка.

– Все едут на Восток, а мы вот на Запад, – засмеялся Димка.

– Сопляки!

– Но-но! – Юрка рассердился. – Полегче, ты, трибун!

– Говорю, что думаю, – буркнул Игорь и закурил.

– Держи при себе то, что думаешь.

– Не собираюсь.

– Схлопочешь!

– Что-о?

Игорь и Юрка уставились друг на друга. Через несколько секунд Игорь усмехнулся и откинулся.

– Свежий ты человек, Юра. Целина. Удивительное дело. Тебя бы к нам на судно. Вы вообще-то комсомольцы или нет?

– А ты, наверное, секретарь? Освобожденным секретарем работаешь? – спросил Димка.

– Не твоего ума дело. Тебя-то к судну и подпускать нельзя.

– А иди ты... в судно!

– Товарищи! – воскликнула Галя и хлопнула ладонью по столу. – Из-за чего вы ссоритесь, я не понимаю! Какие странные! Давайте лучше сыграем во французского дурака.

– Блестящая идея, – вяло откликнулся Шурик.

Игорь встал и ушел.

– Психованный он у вас какой-то, – сказал Юрка Шурику.

Шурик был растерян. Эти ребята ему почему-то нравились. Игорь зря орал. Не хватает у человека юмора, что поделаешь! Пожиратели! Вот потеха! На судне мы таких обламывали в два счета. И эти где-нибудь обломаются. И все-таки Игорь – молодчина.

Эндель Хейс, не краснея, посмотрел на ребят и встал.

– Игорь Баулин не психованный. Принципиальный. Принципы! – вы знаете, что это такое? Извините, пошел закуривать.

– От сна еще никто не умер, – пробормотал Шурик и взлетел на полку.

– Вот теперь и сыграем, – сказал Димка и стал раздавать карты.

Ночью поезд идет вдоль болот. Сделай себе щелку между шторами и смотри на залитые лунным светом кочки и лужицы. Ты лежишь в длинном пенале, набитом людьми, как перышками. Пахнет одеколоном и сыром «Рокфор». Рядом с тобой, за стенкой толщиной в сантиметр, лежит человек с железными челюстями и железными принципами. Все им ясно, железным. Плюс и минус. Анод и катод. Но все-таки это здорово – лежать в теплом пенале, а не блуждать где-то там, в мертвом болоте.

На перроне Таллинского вокзала Игорь крикнул весело (на его шее висела молодая женщина):

– Гуд бай, пожиратели!

– Пока, перегонщики! – проорал в ответ Димка и отсалютовал выхваченной из рюкзака поварешкой.

Глава 5

Ну вот он, морской пляж.

– Пляжи мне всегда напоминают битву у стен Трои, – сказал Алик.

– Мне тоже, – сразу же откликнулся Димка. – Помню, как сейчас: идем у стен Трои втроем: Гектор, Алик и я, а навстречу нам...

– Пенелопа! – воскликнула Галя и сделала цирковой реверанс.

– Ты хочешь сказать, Елена, – поправил Алик, – тогда я Парис.

– Я ухожу из Трои. Я Менелай, – заявил Димка.

– А я? А я кто буду? – заорал Юрка. – Меня-то забыли!

– Кем ты хочешь быть? Говори сам.

– Черт возьми! – Юрка зачесал в затылке. – Не помню ни одного. Мы же это в третьем классе проходили.

– Тогда ты будешь рабом и будешь сторожить колесницу, – сказал Димка.

– Я Ахилл! – заорал Юрка, потрясая ружьем для подводной охоты.

Димка моментально бросился на песок и схватил его за пятку.

Огромный пляж простирался на несколько километров к северо-западу, и все эти километры были забиты голыми людьми. Это был воскресный и невероятно жаркий для Прибалтики день. Мелкие волны размеренной чередой шли к пляжу, лениво сворачиваясь в вафли. На горизонте медленно перемещались, то сбиваясь в кучу, то вытягиваясь в красивую эскадру, белые треугольники яхт. И над всем этим на юго-западе висел голубой и зубчатый, как старая поломанная пила, силуэт Таллина, грозные камни Таллина.

Вчера ребята уже успели разбить палатку в лесу, в ста метрах от последнего дома пригородного курортного поселка Пирита. Галке, как она ни сопротивлялась, жить в палатке не позволили. Алик и Димка зашли в соседний дом и увидели хозяина, пожилого мужчину. Он сидел на корточках и фотографировал огромного доброго пса, лежащего на крыльце. По двору бегали еще две собачки, три кошки, павлин и жеребенок. Ребята представились хозяину и сказали, что они студенты-ихтиологи из Москвы и приехали сюда для изучения нравов рыб Финского залива. Хозяина звали Янсонс. Он сказал, что он анималист, что он охотно сдаст для девушки комнату на мансарде, жена будет только рада, денег не надо, – а ребятам он с удовольствием окажет помощь в благородном деле изучения нравов рыб Финского залива. Так что с устройством быта все произошло легко, как в сказке.

– Чудаки не дадут нам погибнуть, – сказал Димка, ликуя.

Ребята спустились с холма и направились в дальний конец пляжа, где еще виднелись островки свободной суши. Впереди шел Димка. На плече он нес рюкзак и ласты. Затем следовал Юрка с подводным ружьем. Алик независимо шествовал с пишущей машинкой. Замыкала отряд Галка. У нее на плече висела сумка с надписью «А».

– Приказываю установить наблюдение за заливом, – распорядился Димка, – при появлении судна Янсонса выкинуть международный сигнал: «К нам, к нам, дядя».

– Что делать женщинам, капитан? – приложив два пальца к виску, спросила Брижит Бардо.

– Раздеваться. Лечь в стороне, загорать и как можно реже давать о себе знать.

Они постелили полотенца, закопали в песок лимонад и улеглись в ряд, подставив спины солнцу.

– Сэр, я предлагаю провести общую политическую дискуссию, – сказал Алик, – пусть каждый внесет свои предложения на повестку дня.

– Проблема пищи, – сказал Димка.

– То есть финансовая проблема, – уточнил Юрка.

– А мне можно, капитан? – робко пискнула Галя. – Проблема равноправия женщин, капитан.

– Молчать!

Дебатировалась финансовая проблема. В наличии имелось 1500 рублей. Сумма сама по себе громадная, но на нее надо было прожить месяц вчетвером. Кроме того, имелось десять лотерейных билетов. Короче говоря, надо было дотянуть до тиража.

– Наши мысли не что иное, как электромагнитные колебания, – сказал Алик. – Если в день тиража мы напряжем свою волю, учетверенная мощность наших импульсов... Вам ясно? Телепатия и так далее. Выигрыш обеспечен.

– «Волгу» продадим, купим «Москвича» и на нем покатаем в Ленинград, – рассудил Димка.

– Дети, – сказала Галка, а Юрка захохотал.

– Вот с такими настроениями ни черта не выиграешь, – разозлился Алик.

– В общем, жрать пока надо поменьше, – попытокнул Юрка. – До тиража. Потом уж поедем.

– Ты же обещал нас всех кормить рыбой, – заметила Галя.

– Рыбы-то, пожалуйста, ешь сколько угодно.

– Да где она?

– Финского залива тебе хватит на ужин?

– Я не понимаю, что это вы так разволновались из-за этих дурацких денег? – сказал Димка.

– Правда, чего мы волнуемся? – улыбнулась Галя. – Ведь наш капитан обыграет всех на бильярде, а Алик наводнит местные газеты своими стихами, балладами, новеллами, баснями, шарадами.

– Ты вроде струсил, детка? Побежишь на телеграф, как говорил этот дубина Игорь!

Галя села, подняла голову, и лицо у нее стало таким, что ребята уткнулись в песок.

– Что мне трусить? Разве трусят, когда впервые видят море? И едут на поезде так далеко и... все вместе? Я ничего не боюсь, когда... Ой, мальчики, мне сейчас так... Боюсь только женоненавистников. – Она открыла глаза и улыбнулась Димке. – Но, к счастью, их не так много.

– Судно Янсонса в двух кабельтовых на норд-осте! – доложил Юрка.

Димка встал.

– Женщины и поэты остаются на берегу. Человек-амфибия и я идем на промысел. Сбор в шесть вечера возле автобусной остановки.

А Галя все сидела с таким лицом, что просто не было сил на нее смотреть.

К ногам Димки подкатился волейбольный мяч.

Ишь ты, сидит, размечталась! Актриса! Сидит и будто не видит этих типчиков, что перебрались к ней поближе со своим мячом.

– Уловил? – сказал Димка Юрке зловеще.

– К Галке хотят подклеиться. Ясно.

Трое парней, все как на подбор, стояли и ждали, когда Димка подаст им мяч.

– Покажем им?

– Пошли.

Димка небрежно одной рукой поднял мяч и, раскручивая его, пошел к парням.

– Подкинь мне вон на того пижона.

Покажем им, чертям, столичный класс! Ну-ка, давай, Юрка! Дима-а! Ничего, подождете, дойдет и до вас очередь. Еще заплачешь, пижончик. Давай, Димка! Юра-а! Выше! Узнаете, как клеиться к нашим девочкам! Разве Галка – твоя девочка? Просто товарищ, как Алька. Это ее личное дело. Ей небось нравится, что она пользуется успехом здесь. Давай-давай! Можешь ты кинуть как следует? Не нравится мне этот пижончик. Просто не нравится, и все. Галка здесь ни при чем. Ну, давай!

Трое парней довольно равнодушно смотрели, как изгилялись Димка и Юрка. Наконец Димка уловил темп, прыгнул и ахнул что есть силы прямо в того пижончика. Пижончик принял мяч, падая на спину, и покатился, как заправский защитник.

– Молодец! – закричала Галка.

Димка оглянулся на нее. Открыла глаза, спящая принцесса! Странно, что вот такие пижончики и пользуются у девчонок самым большим успехом. А взял он здорово. Молоток!

Мяч снова отскочил к Димке. Он поймал его и бросил далеко в сторону. Сказал пижончику:

– Что, вам места больше нет? У нас тут творческая личность, ему нужна тишина и чистый воздух. Понятно?

Ребята поговорили между собой по-эстонски, засмеялись и пошли туда, куда Димка забросил мяч.

– Молодец, – сказала Галя, – какой ты молодец, Дима!

– Слушай, детка, – Димка нахмурился. – Хочу тебя предупредить. Кончай, знаешь, свои закидоны глазками и прочие шуры-муры. Мы не собираемся тут за тебя кашу расхлебывать. Алька, смотри тут за ней!

Алик, ничего не замечая, словно одержимый, стучал на пишущей машинке.

– Ребята сами подошли, – сердито сказала Галя. – Что я их, звала?

– Ты хочешь сказать, что пользуешься успехом?

– А тебе, в конце концов, какое до этого дело?

– Алик, слышишь, Галка пользуется успехом.

Алик вздрогнул, посмотрел на них, лег на песок и сказал в бороду:

– Кому же еще пользоваться успехом, если не ей?

Димка не унимался:

– Юрка, ты слышишь: Галка-то наша пользуется успехом!

– А нет, что ли? – Юрка проверил снасть. – Ты думаешь, не пользуется?

– Конечно, пользуется. Я же и говорю, что пользуется.

Юрка перекинул через плечо ласты.

– Я считаю, – сказал он, – что в нашей школе больше никто и не пользовался таким успехом, как Галка. Вот, может, еще Боярчук.

– Боярчук... Люся? – встрепенулся Алик. – Да, да!..

– Нет! – торжественно заявил Димка. – Боярчук в счет не идет. Из нашей школы только Галка пользуется настоящим успехом. Боярчук ведь еще недоразвитая.

– В каком смысле? – Алик сел и уставился на Димку.

– В женском смысле, конечно. У Галки уже есть все, чтобы пользоваться настоящим успехом. А Боярчук, – Димка показал в воздухе, какая она, эта Боярчук. Плоская, мол.

Юра захохотал:

– В этом смысле точно!

Галя переводила взгляд с одного на другого. Она была поражена. Ребята, ее друзья, впервые при ней вели такой разговор. В поезде они трепались о любви, но это же был обыч-

ный треп. А теперь они говорят так о ней! Ее друзья! А Димка даже с какой-то злобой. Подлец!

– И все-таки глаза у Люси... Боярчук удивительные, – сказал Алик.

– Глаза! – засмеялся Димка. – Ха-ха, глаза! Что ты будешь с глазами-то делать? С одними глазами успеха не завоеешь. Наша Галка глазами, думаешь, всех покоряет?

Галя вскочила и ударила Димку по щеке:

– Дурак, дурак, дурак! – Отбежала в сторону и упала в песок. – Все вы дураки и щенки!

Димка стоял, закрыв рукой щеку и глаз, и одним глазом смотрел на все вокруг. В этот миг берег, и лес, и люди выглядели, как десять лет назад, когда он захлебнулся в воде и на мгновение потерял сознание. После этого все казалось вот таким, неузнаваемым.

– Идиотка! – крикнул он первое, что пришло в голову. И сразу все стало на место. Галкина золотистая голова покачивалась за бугром. Плюнет, что ли? Вот еще напасть с ней! А Алька-то какого черта смотрит, словно стервятник?

– Янсонс сигналил, – сказал Юрка, – пошли.

Алик с минуту смотрел им в спины, потом побежал и рванул Димку за плечо.

– Слушай, ты, ты! – пробормотал он. – Ты не прав насчет глаз! Глаза – зеркало души.

– Напиши это в стихах, – буркнул Димка.

– Не прикидывайся, Димка, что тебе наплевать на глаза.

– Отстань! Видишь, нам Янсонс сигналил.

– Да ладно вам, – сказал Юрка.

Они снова пошли к воде, но Димка обернулся. Бородатый черт смотрел им вслед. Теоретик! Любви нет. Удовлетворение половой потребности. А сам готов разреветься из-за глаз этой Боярчук.

– Слушай, Алька, скажи ей, что она права – я дурак. И все мы дураки. Скажи, чтоб не куксилась.

– И развези там киселя побольше, – добавил Юрка.

– Хорошо, вы дураки, – сказала Галя, – я это давно знала, но я не знала, что вы такие.

– Понимаешь, – Алик заглянул ей в глаза, – Димка стал какой-то странный. По-моему, он что-то затаил.

– Ты уверен?! – воскликнула Галя. – По-твоему, он что-то затаил?

Она посмотрела в море. Там, довольно далеко от берега, стояло судно Янсонса. По мелководью к нему бежали Юрка и Димка. Устроили вокруг себя настоящее безобразие, тучи брызг поднимают. Вот стало трудно бежать. Идут. Поплыли. Неужели Димка что-то затаил? Неужели это возможно?

– Я подозреваю, – сказал Алик, – я не хочу тебе говорить, это не по-товарищески, но мне кажется.

– Алька, можно тебя дернуть за бородку? Можно, а? Ну, маленький Алинька, можно разочек? Всего один разик?

– Хорошее судно у Янсонса, – сказал Димка, – и сам он дядька хороший.

– А что такое анималист? – спросил Юрка.

– По-моему, это что-то из зоотехники.

Янсонс сидел на корме своей голубой моторки. Издали, в курточке и восьмиугольной фуражке, он был похож на юношу. Моторка покачивалась на волнах. Голубые тени скользили по ее корпусу. Солнце отсвечивало вокруг в воде, вращалось маленькими волчками. Янсонс, загадочный анималист, сидел на корме и улыбался подплывающим ребятам из-за своей трубки.

«Стучит и стучит. Какой смешной этот Алик!» – подумала Галя.

Она уже два раза выкупалась. Поиграла в волейбол с теми ребятами. Ребята оказались рабочими с таллинского завода «Вольта». Они говорили по-русски с удивительно милым акцентом.

А Алик все стучал на своей машинке.

«Все-таки он молодец!» – подумала Галя.

Сценарист, беллетрист и поэт Александр Крамер за эти два часа написал уже один рассказ и три стихотворения: о трактористке, к Дню Военно-Морского Флота и к Дню физкультурника.

Бронзой мускулов,
День, звени!
Будут ли тусклыми
Наши дни?

Мускулы – тусклыми! Железная рифма. Отхватят с руками. 48 строчек по 5 рублей – 240! Неплохо за два часа! Конечно, это халтура, но кто не халтурил? И Маяковский себя смирял, становясь на горло собственной песне.

Десять окурков валялись рядом с ним на песке. Закуривая новую сигарету, он поднял вверх свою бородку (паршивенькая, надо сказать, боро денка!) и поправил синий платок на шее.

«Ну, а теперь начну что-нибудь настоящее, для души.

Каюта. Пахнет табаком. Шкипер спит. Волосы из ноздрей, как два маленьких взрыва. Заскрежетало.

Закручу психологический узел. Жена, любовница, семнадцатилетний сын, драка в портовом кабачке. Напишу в манере сюрреализма и pošлю Феликсу Анохину на рецензию. Ему понравится. Главное – психический автоматизм, всегда говорит он. Телеграфный язык современной прозы. Сделаю настоящую модернягу».

Алик сунул окурочок в песок и увидел великолепные остроносые туфли, медленно передвигающиеся по песку. Штаны тоже были стопроцентные, без манжет. Алик поднял голову выше и ахнул. Мимо него шел знаменитый сценарист и кинодеятель Иванов-Петров.

«На ловца и зверь бежит!» – сразу же подумал Алик.

Знаменитость отошла метров на десять и со слабым стоном повалилась на песок.

– Галка, видишь того человека? – горячо зашептал Алик.

– Шикарный дядечка, – равнодушно сказала Галя. Она лежала на животе, болтала ногами в воздухе и читала что-то по театру.

– Это же Иванов-Петров!

– Иванов да еще и Петров? Не может этого быть.

– Темная ты женщина! А еще актрисой собираешься стать!

Алик вскочил, подтянул шейный платок, пригладил волосы.

Темная женщина Галка! Не знает Иванова-Петрова! Это же авангард нашего искусства! Пойду пожму руку старику. Мы ведь с ним немного знакомы. Болтали тогда о «Сладкой жизни». Он рассказывал о фестивале в Каннах, а я тогда сказал...

Алик сказал тогда, что, по его мнению, Феллини – экзистенциалист. Правда, Иванов-Петров этого не услышал, потому что одновременно с Аликом заговорил режиссер Галанских. Иванова-Петрова окружала целая толпа маститых, и Алик бегал вокруг и вставал на цыпочки. Потом Алик снова сказал, что, по его мнению, Феллини – экзистенциалист, но тут заговорили один редактор и знаменитый оператор Пушечный. В третий раз до всех дошло. Все посмотрели на Алика и засмеялись, дубы, а Иванов-Петров, проходя к выходу,

хлопнул его по плечу. Знакомство, конечно, шапочное, но почему не поприветствовать старика Иванова-Петрова? Ему, наверное, будет приятно здесь, в Эстонии, увидеть своих с «Мосфильма».

Алик пошел на сближение.

«Главное, не терять независимости!» – думал он. Прошел мимо. Иванов-Петров лежал на спине. Алик влез по пояс в воду, окунулся, пошел обратно, небрежно хлопая ладонью по воде.

«Полная независимость», – думал он. Остановился над распростертым на песке телом и сказал громко:

– Ба, да это, кажется, Иванов-Петров!

Сценарист вздрогнул, но глаза не открыл. Алик растерялся.

– Ба, да это, кажется, Иванов-Петров! – сказал потише.

Сценарист открыл глаза.

– Привет! – сказал Алик и плюхнулся на песок рядом.

Иванов-Петров протянул ему руку.

– Давно здесь? – спросил Алик независимо, может быть, даже несколько покровительственно.

– Первый день.

– Творческая командировка? Или конференция?

– Да нет, брат, – виновато сказал Иванов-Петров, – жиры стоганть приехал. Засиделся. Думаю тут погулять, в теннис поиграть.

– Дело! – одобрительно сказал Алик.

– Ты меня прости, брат, – замялся кинодеятель, – память у меня что-то стала слабеть. Сорока еще нет, понимаешь ли, а вот... Ты в каком жанре трудишься?

– Почти во всех, – ответил Алик и с ужасом взглянул на Иванова-Петрова. – В основном сценарии. Думаю стать киносценаристом.

– Тяжело, – вздохнула знаменитость.

– Можно вам показать? – Алик независимо усмехнулся. – В порядке шефства посмотрите мои работы?

– Давай, брат, – снова вздохнул Иванов-Петров.

Юрка плыл под водой. Он дышал через трубку и смотрел вниз на песчаное и словно гофрированное дно. По дну скользила его тень, похожая на самолет. Перед самым носом, блестя, точно металлическая пыль, прошла стайка мелюзги. Внизу шмыгнула стайка мелочи покрупнее.

«Тюлька, – подумал Юрка. – Четыре рубля килограмм».

Дно было совершенно чистое: ни кустика, ни камушка. Черта с два подстрелишь на таком дне! Все равно что охотиться в парке культуры. Тоже мне Янсонс, знаток природы, куда привез! Ага, кажется, начинается! Внизу появились валуны и лужайки темно-зеленого мха, потом пошли какие-то кустики. Юрка посмотрел наверх. Там все сияло ярко и вызывающе. Здесь был другой, мягкий и вкрадчивый, мир. Юрка чувствовал все свое тело, легко проникшее в этот чужой мир. Он чувствовал себя гордым и мощным, как никогда, представителем воздуха и земли в этой иной стихии. Честно говоря, он ни разу в жизни не охотился под водой и, если уж совсем начистоту, впервые плавал с ластами и в маске. Но с детства он был страшно уверен в себе, считал, что любое дело ему по плечу. В пятом классе на уроке физкультуры он забрался на большой трамплин, как будто это было для него самое привычное дело. На баскетбольной площадке он чаще всех бросал по кольцу из любого положения. Он был самым высоким в классе, самым сильным, и он был кандидатом в молодежную сборную.

«Покупайте свежемороженую камбалу. Вкусно, питательно», – вспомнил Юрка плакат в магазине на их улице, когда увидел внизу несколько круглых и плоских рыб. Он нырнул, поднял ружье и выстрелил в самую крупную. Рыбы трепыхнулись и исчезли. Гарпун тоже пропал. А тут еще ахнул с моторки Димка. Он нырнул до самого дна, толкнул Юрку в плечо и, выпуская пузырьки, вознесся вверх. Наловишь с ними рыбы, с этими типами, Янсонсом и Димкой! Но где же гарпун?

Димка лежал на спине. Волны поднимали его, и тогда слева он видел желто-зеленую полоску берега, а справа – силуэт танкера, волны опускали его, и тогда он оставался наедине с небом. Вдруг он вспомнил стихи. Виктор на юге часто повторял это:

С этих пор я бродил
В полуночном пространстве,
В первозданной поэме,
Сложенной почти наобум,
Пожирал эту прорву,
Проглатывал прозелень странствий,
Где ныряет утопленник,
Полный таинственных дум.

Вот жизнь у этих утопленников! Наверное, это здорово – качаться все время на волнах и быть полным таинственных дум! Но еще лучше быть живым и вспоминать разные стихи про море. Алик знает целую прорву стихов и много о море. Виктор знает стихи, а Галка – наизусть «Ромео и Джульетту». Галка, Галка, какая ты молодец, что дала мне по щеке! Как это хорошо получилось! Как здорово все – я в море, а она на берегу.

Волна подбросила Димку. Танкер лез в гору, а две яхты ползли вниз. Пикировала здоровенная, похожая на гидроплан чайка. Совсем рядом подпрыгнула корма моторки. Две чаечки косо перерезали всю эту вихляющуюся картину и сели на воду.

«И летит кувырком и касается чайками дна, – снова вспомнил Димка стихи в даже испугался. – Что это сегодня со мной?»

Он перевернулся и поплыл. Вот жизнь!

Чайка, похожая на гидроплан, прилетела с моря, изящно сделала вираж и ушла обратно. Галя отбросила книжку и перевернулась на спину. Над головой прошли ботинки Иванова-Петрова и голые ступни Алика.

«Мальчики ловят рыбу, – улыбнулась Галя. – Посмотрим, что вы поймаете. А я? Поймаю ли я золотую рыбку? И где она плавает, моя? Море такое громадное. А может быть, она сама приплывет ко мне и скажет: „Чего тебе надобно, Галя?“ – „Я хочу, чтоб было душно и пахло цветами, и чтобы я стояла на балконе и смотрела на слабые огоньки Вероны“. А потом послышится шорох и появится Ромео. Он подойдет ко мне и скажет: „Кончай, детка, свои закидоны глазками и прочие шуры-муры“.

Он скажет это так же, как сказал сегодня, но на этот раз мы будем одни. А дальше уже все пойдет по Шекспиру. Но конец будет ненастоящий, так будет только на сцене. Вспыхнут все лампы, и мы встанем как ни в чем не бывало. Аплодисменты! Букеты! А в первом ряду аплодирует седой человек из кино. На самом деле это будет только начало».

К концу дня друзья подстрелили одну тощую камбалу. Они стыдливо завернули ее в газету и отнесли в палатку. Почистившись, пошли на автобусную останову.

Галя и Алик долго и противно смеялись. Юрка и Димка не ответили ни на один вопрос. Не станешь ведь рассказывать, как они без конца ныряли и, посинев от напряжения, пыта-

лись вытащить застрявший гарпун. И про улыбочки Янсонса тоже не расскажешь. Ведь не рассказывать же, ей-богу, про эту несчастную рыбешку, которую с грозным ревом и омерзительным сопением пожрал один из котов Янсонса. Абсолютно ни о чем нельзя было рассказать. Ведь если Галка начнет хихикать, ее не уймешь.

За спинами ребят гигантским веером колыхался закат. А прямо перед ними стояли красные сосны. А вот показался огромный венгерский «Икарус». Краски заката раскрасили его лобовое стекло. Замолчали Галка и Алик. Все четверо смотрели, как приближается автобус, и чувствовали себя счастливыми. Вот это жизнь! Горячий песок. Сосны. Чайки. Море. Автобус идет. Куда хочу, туда еду. Могу на автобусе, а могу и в такси. И пешком можно. И никто тебе не кричит: иди учи язык! И никто, понимаете ли, не давит на твою психику. И унижаться, выпрашивать пятерку на кино не надо. А впереди вечерний Таллин. Город, полный старых башен и кафе.

Они вошли в кафе. В зале были свободные столики, но они подождали, пока освободятся места у стойки. Места освободились, и они сели на высокие табуреты к стойке. Положили руки на стойку. Вынули сигареты и положили их рядом с собой. На стойку. Поверхность стойки была полированной и отражала потолок. Потолок весь в звездах. Асимметричные такие звезды.

Буфетчица занималась с кем-то в конце стойки, а ребята пока оглядывались, сидя у стойки. Кафе было замечательное.

– А вон наши красавцы с пляжа, – сказал Алик.

В дверях появились трое парней.

– Ишь ты, напыжились! – засмеялся Юрка.

– А как же! – усмехнулся Димка. – Смотрите, смотрите, мы идем в элегантных вечерних костюмах. Все трое в черных костюмах.

– Дешевые пиджоны, – сказал Алик.

– Они не пиджоны, а рабочие, – возразила Галя.

– Рабочие! Знаем мы таких рабочих!

Пиджоны-рабочие вежливо поклонились Гале. Брижит Бардо сделала салют ручкой и сказала первое эстонское слово, которое выучила:

– Тере – здрасте!..

Димка только покосился на нее. Те трое усадились на высокие табуреты, как будто им в зале мало места. Везде им места не хватает. Тот пиджончик, в которого Димка сегодня бил, оказался рядом. Ладно, лишь бы сидел тихо. Только бы перестал возиться и напевать. И пусть только попробует пялить глаза на Галку!

– Палун? – обратилась буфетчица к Димке.

– Коньяк, – сквозь зубы, резко так сказал он. – Налейте коньяку. Четыре по сто.

Вот как надо заказывать коньяк. Точно так.

– Смотри, что она наливает, – зашевелился Юрка. – «Ереванский»! 17.50 сто граммов! Эй, девушка, нам не...

Димка толкнул его локтем:

– Заткнись!

Юрка и Димка выпили свои рюмки. Алик не выносил спиртного. Он лизнул и что-то записал в блокнот. Юрка разлил его рюмку пополам с Димкой. Галя не допила, и Димка хлопнул и ее рюмку.

Пиджоны рядом пили кофе и какое-то кисленькое винцо.

В кафе громко играла музыка, какая-то запись. Это был рояль, но играли на нем так, словно рояль – барабан. Вокруг курили и болтали. И симпатичная буфетчица, которую Димка уже называл «деткой», поставила перед ними дымящиеся чашки кофе. Стояли рюмки

и чашки, валялись сигареты, ломтики лимона были присыпаны сахарной пудрой. Сверкал итальянский кофейный автомат. Сверкало нарисованное небо с асимметричными звездами.

Нарисованный мир красивее, чем настоящий. И в нем человек себя лучше чувствует. Спокойней. Как только освоишься в нарисованном мире, так тебе становится хорошо-хорошо. И совершенно зря «детка» Хелля говорит, что Димке уже хватит. Она ведь не понимает, как человеку бывает хорошо под нарисованными звездами. Она ведь ходит под ними каждый вечер.

– Пошли в клуб, ребята, – сказал Густав, этот милый парень с завода «Вольта», – пойдемте на танцы.

– А что у вас танцуют? – спросил Димка.

– Чарльстон и липси.

Вот это жизнь! Чарльстон и липси! Вот это да!

Ночью в палатке казначей Юрка долго возился, шуршал купюрами, светил себе фонариком.

– Не надо было пить «Ереванский», – прорычал он.

Но Димка в это время на древней ладье плыл по фиолетовому морю. Качало страшно. Налетели гидропланы противника. Стрелял в них из автоматического подводного ружья. Как у Жюль Верна, из-под воды. Небо очистилось, и проглянули великолепные асимметричные звезды. Все было нарисовано наспех, и в этом была своя прелесть. «Если уж пить, то только „Ереванский“, – сказала „деточка“ Хелля. А Галя погладила по затылку снизу вверх.

«Асимметрия – символ современности», – говорил в это время Алик Иванову-Петрову. «Тяжело мне, – стонал кинодеятель, – темный я, брат!»

«А что вы можете сказать о глазах? Глаза Боярчук – это вам что?»

«Они у нее симметричные? Старо, брат! Симметричные глаза не выражают нашу современность. В Каннах этот вопрос решен».

В ста метрах от палатки на мансарде янсонсовского дома Галя жмурилась от вспышек блицев и кланялась, кланялась, кланялась.

«Удивительная пластичность, – сказал седой человек из кино, – я еще не видел ни одной Джульетты, которая бы так великолепно танцевала липси». Он выхватил шпагу и отсалютовал. И вокруг началось побоище. Шпаги стучали, как хоккейные клюшки, когда в Лужниках играют с канадцами. Конечно, всех победил Димка. «Наш лучший нападающий, – сказал седой человек из кино репортерам. – Семнадцать лет, фамилия – Монтекки, имя – Ромео».

– Не надо было пить «Ереванский», – пробормотал Юрка, вытянулся на тюфяке и сразу же ринулся в бой с несметными полчищами камбалы.

Глава 6

Димка сидел на пляже и смотрел на море. Он внимательно следил за одной точкой, еле видной в расплавленном блеске воды. Она двигалась в хаосе других точек, но он ни разу не потерял ее из виду, пока она не исчезла совсем. Он подумал: нырнула Галка, интересно, сколько продержится, где это она так хорошо научилась плавать? Он увидел: в бледно-зеленом, переливающимся свете скользит гибкое тело. Он почувствовал: Галя! Галя! Галя! Он почувствовал страх, когда Галя вышла из воды и направилась к нему с солнечной короной на голубой голове, со сверкающими плечами и темным лицом. На пляже вдруг всех точно ветром сдуло. Исчезли все семьи и отдыхающие-одиночки, и кружки волейболистов, и мелкое жулье, и солидная шпана, и читающие, и курящие, подозрительные кабинки и спасательная

станция, слоны и жирафы с детской площадки, и сами дети, касса, дирекция, буфет и пикет милиции, все окурки, яичная скорлупа и бумажные стаканчики, лежаки, мачта, скульптурная группа, велосипеды и кучки одежды. Все. Идет Галя. С короной на голубой голове. С темным лицом.

Афродита родилась из пены морской у острова Крит.

А Галя?

Неужто в роддоме Грауэрмана вблизи Арбата?

В сущности, Афродита – довольно толстая женщина, я видел ее в музее.

А Галя?

Галя стройна, как картинка Общесоюзного Дома моделей.

Что бы я сделал сейчас, если бы был греком?

Древним, конечно, но юным и мощным, точно Геракл?

О Галя!

Я бы схватил ее здесь, на пустующем пляже.

На мотоцикле промчался бы с ней через Таллин и Тарту.

Снял бы глушитель, чтоб было похоже на гром колесницы.

Я бы унес ее в горы, в храм Афродиты.

Книгу любви мы прочли бы там от корки до корки.

Димка не был греком, он боялся Гали. Что он знал о любви? Он бросил Гале полотенце.

Она расстелила его на песке и села, обхватив руками колени.

– Ой, как здорово искупалась!

Она подняла руку и отстегнула пуговку под подбородком.

Стащила с головы голубую шапочку.

– Не смотри на меня.

– Это еще почему?

– Не видишь, я растрепанная! Дай зеркало и гребенку!

Димка засвистел, перекатился на другой бок и бросил ей через плечо зеркальце и гребенку. Он стал смотреть на свои сандалии, засыпанные песком, а видел, как Галя причесывается. В левой руке она держит зеркальце, в правой – гребенку, заколки – во рту.

– Теперь можешь смотреть.

– Неужели? О нет, нет, я боюсь ослепнуть!

«Смотри, смотри, смотри! – отчаянно думала Галя. – Смотри, сколько хочешь, смотри без конца! Можешь смотреть и прямо в лицо, а можешь и искоса. Смотри равнодушно, насмешливо, страстно, нежно, но только смотри без конца! Ночью и вечером, и в любое время!»

– Что с тобой? – спросил Димка холодея.

– А ничего. Не хочешь смотреть, и не надо, – проговорила она, чуть не плача.

Сегодня в четыре часа утра Юрка и Алик ушли на рыбную ловлю. Кто-то им сказал, что в озере Юлемисте бездна рыбы. А в девять часов Димка закутился под солнечным лучом, проникшим в палатку через откинутый полог. Луч был тоньше вязальной спицы. Он блуждал по Димкиному лицу. Димке казалось, что он стал маленьким, как червяк, и что он лежит у подножия травяного леса. Забавно, что трава кажется нам, червякам, настоящим лесом. Вокруг оглушительно, точно сорок сороков, гремели и заливались синие колокольцы. Солнечный луч полез Димке прямо в нос. Димка чихнул и проснулся. Рядом с его ложем сидела на корточках Галка. Она была в белой блузке с закатанными рукавами и в брюках. Она смеялась, как тысяча тысяч колокольчиков. Она щекотала Димкин нос травинкой. Димка знал, что такое жажда расправы. Она появлялась у него всегда, когда его будили.

– Ах ты, подлая чувиха! – заорал он и бросился на Галку. Хрипло ворча: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» – он сломил ее сопротивление. И вдруг он заметил, что Галка

во время борьбы не проронила ни звука. Вдруг он увидел ее странно увеличившиеся глаза. Вдруг он почувствовал под своими руками ее плечи и грудь. Он вылез из палатки и бросился бежать. Мчался меж сосен, прыгал через ручьи, выскочил на шоссе и снова – в лес. Он задыхался и думал: «Надо отрабатывать дыхание».

Через несколько минут, когда он снова сунулся к палатке, он увидел, что Галя лежит на спине и курит.

– Эй, пошли рубать! – крикнул он.

За завтраком было странно. Булка не лезла в рот, и все хотелось курить. Галя крошила булку в кефир и все смотрела в окно.

Ребята на озере Юлемисте ловят рыбу. Димка им завидовал. Они там просто ловят рыбу, а у него что-то случилось с Галей. Что же случилось? А стоит ли завидовать Юрке и Алику! Они там со своей идиотской рыбой, а он здесь с Галей.

И дальше все шло очень странно. Ни разу не появилась Брижит Бардо. Возле киоска Галя даже не обратила внимания на новые фотографии – Лоуренс Оливье и Софи Лорен. Она шла рядом с Димкой и покорно слушала его прогнозы Олимпийских игр. Димка же трепался без конца. Молол языком что-то о травяном хоккее. Напрасно эта игра не культивируется в Союзе. Он бы, безусловно, вошел в сборную страны. Болтал и думал: «Что же произошло?»

«Любовь! – грянуло из небес, когда Галя выходила из воды. – Начинается любовь, Димка. Эта девочка, которую ты десять лет назад нещадно избил за разглашение военной тайны. Эта девочка, которая была леди Винтер и Констанцией Бонасье одновременно и которой хотелось быть Д'Артаньяном. Но Д'Артаньяном был ты. Помнишь погоню за каретой возле Звенигорода? Эта девочка, которая передавала твои записки своей однокласснице, когда все у вас стали вдруг дружить с девочками и тебе тоже надо было с кем-то дружить. Не мог же ты дружить с этой девочкой, ведь ты ее видел каждый день во дворе. Эта девочка вдруг на сцене. Помнишь школьный смотр? Эта девочка вдруг в юбке колоколом, и туфельки-гвоздики. Ты помнишь, как пожилой пьяный пижон сказал в метро: „Полжизни бы отдал за ночь с такой крошкой“. Еще бы тебе не помнить: ты дал ему прямым в челюсть. Эта девочка... Ты полюбил ее. Ты и не мог полюбить никакую другую девочку. Только ее».

Галя чуть не плакала и смотрела на Димку.

– Пошли рубать, – сказал он, – время обеда.

– Не пойду.

– Почему?

– Дай лучше мне закурить.

– Ты сегодня уже пятую.

– Ну и что же?

– А то, что охрипнешь и тебя не примут в театральный институт. Вот будет смешно.

– Тебе уже смешно?

– Ага.

– Что же ты не смеешься?

– Ха-ха-ха!

– Тебе действительно смешно?

– Конечно, смешно.

– А я хочу плакать, – сказала она, как маленькая девочка.

– Пошли рубать.

Он встал и стал одеваться. Галя смотрела в море.

– Я хочу быть на яхте, – сказала она, – а ты?

– Не откажусь.

– Со мной?

– Можно и с тобой. – Димка больно закусил губу.

– Иди ты к черту! Я с тобой не поеду! – крикнула Галя и уткнулась лицом в колени. Димка помялся с ноги на ногу. Он уже не мог теперь грубо хлопнуть ее по плечу или потащить за руку.

– Ладно, Галя, я тебя жду, – промямлил он и поплелся наверх к лесу.

Ему было тошно и смутно. Галя его тоже любит – это ясно. И это у нее не игра. И она смелее его. Почему это так? Цинично треплешься с ребятами на эту тему, а любовь налетает, как поезд в кино. Почему ему страшно? Ведь он прекрасно знает, что это не страшно. Любовь – это... Любовь – это... Что он знает о любви?

Любовь! Что знает о тебе семнадцатилетний юноша из «приличной» семьи? О, он знает вполне достаточно. Соответствующие беседы и даже диспуты он посещал. Кроме того, ему вот уже больше года разрешается посещать кое-какие фильмы. Впрочем, он и до шестнадцати их посещал.

Он знает, как это бывает. Люди строят гидростанцию, и вдруг Он говорит: «Я люблю». А Она кричит: «Не надо!» или «А ты хорошо все обдумал?» А потом они бегают по набережной и все пытаются поцеловаться. Или сидят на берегу над гидростанцией, а сводный хор и оркестр главного управления по производству фильмов (дирижер – Гамбург) наяривают в заоблачных далях. И вот зал цепенеет: Он снимает с себя пиджак и накидывает его на плечи любимой. Наплыв.

О, семнадцатилетний юноша, особенно если он начитанный юноша, очень много знает о любви! Он знает, что раньше из-за любви принимали яд и взрывали замки, сидели в темницах, проигрывались в карты, шли через горы, моря и льды и погибали, погибали... Сейчас, конечно, все не так. Сейчас хор и гидростанция внизу.

Что он знает о любви? Массу, множество разных сведений. Любовь – это... Любовь – это... Любовь – это фонтан, думает он.

Галя оделась и идет, медленно вытаскивая ноги из песка. Димка смотрит на нее. Ему тошно и смутно. Он счастлив. Пусть эти дети ловят свою дурацкую рыбу. К нему идет любовь.

В лесу было душно. Сосны истекали смолой. Галя и Димка медленно брели, раздвигая кусты и заросли многоэтажного папоротника. Июль навалился душным пузом на этот маленький лес. Трудно было идти, трудно разговаривать и просто невозможно молчать.

– Божья коровка, улети на небо, там твои детки, кушают котлетки.

Одно неосторожное движение, и весь этот лес может зазвенеть. Курить нельзя: вспыхнет смола.

– Божья коровка, улети на небо, там твои детки кушают котлетки.

Божья коровка приподняла пластмассовые крылышки и стартовала с Галиной ладони вверх. Голубым тоннелем она полетела к солнцу.

– Что?! – закричала Галя. – Что, что, что?!

Она подняла лицо и руки вверх и закружилась.

Она кружилась, а папоротники закручивались вокруг ее ног, пока она не упала.

– Ой!

Димка ринулся в папоротники, поднял Галю и стал ее целовать.

– Дурак! – сказала она и обняла его за шею.

Кто-то совсем близко закричал по-эстонски, и женский голос ответил по-эстонски, и с пляжа донесся целый аккорд эстонской речи. Эстония шумела вокруг Гали и Димки, и им было хорошо в ее кругу, они стояли и целовались.

Но вот появились велосипеды. Это уже совсем лишнее.

– Бежим!

Лес гремел, словно увешанный консервными банками, и слепил глаза огненными каплями смолы.

Галя и Димка бежали все быстрее и быстрее. Они выскочили из леса и помчались к ресторану. Им страшно хотелось есть.

- Эти божьи коровки похожи на маленькие автомобили.
- Автомобиль будущего ползает и летает.
- Давай полетим куда-нибудь!
- В нашем автомобиле?
- Ну да.
- Шикарно!
- Ты меня любишь? Да. А ты меня? Да. Ну, так иди ко мне. Подожди, кто-то идет.

Проклятие!

- А тебе нравится Таллинн?
- Я его люблю.
- Хорошо, что мы здесь, правда?
- Очень хорошо.
- Завтра пойдем в «Весну»?
- Вдвоем?
- Ага.
- Блеск!
- Ты меня любишь? Да. А ты меня? Да. Ну, так иди ко мне. Подожди, кто-то идет.

Проклятие!

- Мы ведь все-таки поедем дальше?
- Конечно, через пару недель.
- Товарищ командир!
- Ладно тебе.
- В Ленинград. Здорово как!
- Сначала поработаем в колхозе.
- Ты меня любишь? Да. А ты меня? Ну, так иди ко мне. Подожди, кто-то идет. Проклятие!

Проклятие!

- Ты бы хотел играть со мной в одном спектакле?
- Ну еще бы!
- Кого бы ты хотел играть?
- Разве ты не знаешь кого!
- И я бы хотела играть с тобой.
- Ты меня любишь? Да. А ты меня? Подожди...
- Теря.
- Теря!
-? – спросил встречный.
- Не понимаю.
- Не скажете ли, который время?
- Девять часов тридцать минут.

Наконец они оторвались друг от друга. Внешняя среда ходила вокруг тяжелыми волнами. Димка с силой провел ладонью по лицу и устался на Галю. Она сидела, прислонившись к сосне.

- Знаешь, Галка, любовь должна быть свободной! – выпалил Димка.
- То есть? – Она смотрела на него круглыми невидящими глазами.

– Современная любовь должна быть свободной. Если мне понравится другая девчонка...

– Я тебе дам! – крикнула Галя и замахнулась на него.

– И если тебе другой...

– Этого не будет, – прошептала она.

«Монастырь св. Бригитты – памятник архитектуры XVI века. Находится под охраной государства».

Пятьсот лет назад здесь сгорела крыша и все внутри. Оконные рамы и двери были разбиты каменными ядрами. Остались только стены, четырехугольник огромных стен, сложенных из плохо обтесанных валунов.

Галя и Димка шли по тропинке, проложенной туристами внутри четырехугольника. Готические окна снизу доверху рассекали стены. Полосы лунного света – и крошечная тьма. Звезды над головой – и тишина. Только камешки откатываются из-под ног. Гале стало страшновато, она взяла Димку за руку.

– Ты довольна, что мы здесь? – спросил Димка.

– Да, – шепнула она.

– Почему ты говоришь шепотом?

– Я боюсь, что они нас услышат.

– Кто?

– Монахини, и монахи, и сам настоятель, и рыцари; погибшие у стен, и пушкеры...

– И звонари, и алебардисты, – продолжал Димка, – и старая Агата.

– Кто-о? – Галины глаза стали круглыми.

– Да старая черная Агата, – скороговоркой пояснил Димка и дальше таинственно: – Видишь, ходит она со связкой ключей? Рыжебородый Мартин, конюх магистра, говорил мне, что она помнит всех людей, замурованных в этих стенах.

– Ой, ой! – застонала Галя.

– Агата! – крикнул Димка.

– Ага! – рявкнула из угла старая Агата и гостеприимно обнажила желтую пасть.

– Ой! – закричала Галка и прижалась к Димкиному плечу.

– Пойдем. – Димка обнял ее за плечи и повел к выходу, под низкую арку. Там внизу сквозь ветви деревьев отсвечивала под луной, словно полированная, речушка Пирита. – Не бойся ты этих призраков! Пока ты мечтала о шекспировских спектаклях в этих стенах, я договорился со всей кодлой. Они нам не будут мешать. Нам никто не посмеет помешать.

– А туристы? Тут все окрестности кишат ими.

– Даже они.

Зарево Таллина на юго-западе, и черно-лиловая туча над ним. И все это рассекает силуэт мачт полузатоленного барка в устье реки. Галя и Димка, прижавшись друг к другу, лежат на песке. Димка давно забыл о страхе, томившем его в начале этого дня. Он пропал после первого же поцелуя. Он чувствует Галино тепло и видит ее всю. Она уже стала частью его самого. Вот она закрыла глаза. Спит. Димка встал, закурил и посмотрел на спящую Галю. Она лежала на боку, чуть согнув колени и вытянув вперед руки, словно и во сне искала его. Губы ее шевелились, словно и во сне шептали ему...

С сигаретой во рту Димка бешено полетел к морю. Вбежал по колени и, вытянув руки, упал вперед. Пошел на четвереньках по дну, потом поплыл, а когда снова встал на ноги, было по грудь. Повернулся к берегу. Галино тело темнело на песке. Димка поплыл обратно, потом побежал по мелководью, выскочил на берег.

Галя спокойно спала и уже не шевелила губами. Он достал из сумки новую сигарету. Мокрые штаны и рубашка прилипли к телу. Он стал мерзнуть. Это было прекрасно. Это было то, что нужно. Словно вытащил свою радость со дна моря.

Я хотел бы здесь насовсем остаться, у берега этого моря. С Галей, конечно.
Здесь все есть, что нам нужно на ближайшее тысячелетие. Что нам нужно еще?
Каждый вечер мы будем вместе купаться и заплывать за боны. А после лежать, обнявшись, и слушать море.
И видеть зарево Таллина.
И нюхать полоску гадости, что останется на берегу после отлива. И целоваться.
Без конца, без конца, без конца целоваться.
Кто помешать нам посмеет?
Некому нам мешать.
Может быть, призраки старые, ключницы и монахини?
С ними в контакт я вошел и мирно договорился.
Автобусы, что ли, нам помешают? Не помешают.
С ревом проносятся где-то вдали за лесом.
Война, что ли, нам помешает?
Войны не будет.
Море нам помешает?
Нет, оно помогает всем, кто тонуть не хочет.
Лишнее счастье нам помешает?
Мы никогда не будем сыты.
Голод нам помешать не может.
И деньги к чертовой матери!
Не помешают нам ни годы, ни войны, ни история и ни фантастика.
Агрессорам с дальних планет до нас не добраться.
Мы сами скоро там будет и наладим дружбу народов.
Межпланетную дружбу народов.
Надеюсь, что там найдется кусочек приличного моря, темного песка и сосны, а девушку я захвачу отсюда.
И сигареты «Лайка», что по два сорок пачка, пачек сто сигарет.

19 ЛЕТ НАЗАД, ЗА ДВА ГОДА ДО ИХ РОЖДЕНИЯ, В НЕСКОЛЬКИХ МИЛЯХ ОТСЮДА, В МОРЕ, САМОЛЕТАМИ «Ю-88» БЫЛ АТАКОВАН И ПОТОПЛЕН МАЛЕНЬКИЙ ПАРОХОД, НЕСУЩИЙ ФЛАГ КРАСНОГО КРЕСТА. ШЛЮПКИ БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ ИЗ ПУЛЕМЕТОВ.

Димка, голый по пояс, выкручивает свою рубаху, стучит зубами и думает: «Что помешать нам может?»

А что им действительно может помешать? Что и кто? Никто и ничто, потому что они пришли на этот берег из глубины веков и уйдут дальше в бездонную даль.

«Разве вот только туристы», – думает Димка.

Да, разве что туристы.

Глава 7

Старый Таллин сверху вниз – дым, черепица, камни, ликеры, глинт, оружие и керамика. По улице Виру мимо двух сторожевых башен, мимо ресторанов, кафе и магазинов, через Ратушную площадь на улицу Пикк. Или под воротами «Суур Раннавярв» мимо чудовищной башни «Пакс Маргарета» на ту же улицу Пикк. Словно ущелье, она рассекает старый город, и нет на ней ни одного дома моложе 400 лет. Золоченые калачи над тротуарами, голуби на

плитах мостовой. Вывески редакций, проектных организаций. Где же эти бургеры, хозяева домов, и булочки, и жестянщики, где «братья-черноголовые» и стражники, иноземные гости, в доспехах? Все это в глинте, а часть в музее. Хотите пойти в музей? Ну его к черту! Пошли на Тоомпеа!»

Теперь их было пятеро. К ним присоединилась высокая девушка по имени Линда. Вернее, ее присоединил к ним Юрка после одного танцевального вечера.

Есть в баскетболе прием, который называется «заслон». Нахальные мальчики применяют этот прием на танцах. Если с девушкой, которая вам понравилась, кто-то стоит, ваш товарищ подходит к этому типу и спрашивает спичек или где здесь туалет, короче говоря, делает «заслон». А вы тем временем приглашаете девушку. Конечно, все это не помогло бы, если бы Линда не узнала Юрку. Оказывается, она была на всесоюзных школьных соревнованиях по баскетболу, где на Юрку чуть ли не молились. В этом году Линда тоже окончила школу и собиралась поступать в политехнический институт. Она родилась и выросла в Таллине и взяла на себя обязанность гида.

– Вана Таллин! – иногда восклицала или шептала она, стоя на какой-нибудь возвышенности. Рассеянно приглаживала темные волосы. Была у нее особенность: она не щурилась на солнце. И когда она смотрела на него, не шурясь, у нее был неистовый вид. А вообще-то она была смиренная и немного печальная.

«Удивительная», – думал Алик, завидуя Юрке, что он такой высокий.

– Правда, забавная? – спрашивал Юрка.

Он приходил теперь в палатку в два часа ночи. Алик читал при свете ручного фонарика или слушал шум сосен и дальний голос моря. Иногда там вскрикивали буксиры. Алик поглаживал бородку и убеждал себя, что думает о проблемах современного стиля, и все в нем бурлило. Являлся Юрка, валился на свое ложе и начинал шумно вздыхать, напрашиваясь на разговор.

– Ну как? – спрашивал Алик.

– Порядок! – кричал Юрка и начинал хохотать. – Полный порядочек! Девочка что надо!

– Да брось ты!

– А что?

Алик злился на Юрку за его хохот и эти словечки. Но он знал, что, если бы у него появилась девочка, он так же бы хохотал и говорил бы примерно то же. Честно говоря, это противно. Это надоело уже. Влюбился, так и притворяйся. Можешь петь хоть всю ночь или поплачь. Делай что-нибудь человеческое. Все равно ведь не спишь до утра.

Димка приходил на час позже Юрки. Он не притворялся. Не говорил ни слова по ночам. Сидел возле палатки до зари. Курил. Может быть, это оттого, что у него началось что-то настоящее, мужское? И с Галей, с подругой их детских лет.

А с утра они были все вместе – на пляже, в столовой, в городе. Линда объясняла:

– На Выштороде жили рыцари, а в нижнем городке – купцы. Рыцари были не прочь пожить за счет богатых купцов. Тогда купцы построили свою крепость. Вы видите часть этой стены, которой когда-то был обнесен весь Таллин. Вот это орудийная башня «Кин-инде-Кэк». Над нижним городом доминирует башня Ратуши, на которой имеется флюгер в виде стражника городских ворот. Это символ Таллина – «старый Тоомас». Он не только показывает направление ветра, но также следит за порядком в городе и за тем, чтобы женщины не сплетничали. В былые времена сплетниц приковывали к стене Ратуши.

– Неплохо! – кричал Димка.

– А мужчин приковывали за измену женам.

– Вот тебе! – шептала Галя.

Убежденный модернист, Александр Крамер уже целый час сидел в Домской церкви и слушал орган. Он, поклонник джаза, слушал баховские фуги. На каждом шагу старый Таллинн изумлял его. Вот из-под арки жилого дома таращат жерла две чугунные пушки. Рядом вход в детскую консультацию.

– Простите, вы здесь живете? – спросил Алик женщину в зеленой шляпке. – Вы не можете сказать, что это за пушки?

– Не знаю.

– Но все-таки, откуда они? Кто их здесь поставил?

– Никто их здесь не ставил. Они давно здесь стоят.

– Давно? Да, уж наверное, лет триста, а?

– Я не знаю. Что вам надо, гражданин?

В самом деле, что нужно этому гражданину? Вот он идет, загадочный гражданин Алик Крамер. На щеках у него редкая бороденка, а на худой шее синий платочек. Прохожие обращаются на задумчивого семнадцатилетнего гражданина. Он останавливается у витрины магазина художественных изделий. Его внимание привлекает высокая керамическая ваза. В кармане у него сорок рублей. Их выдал ему Юрка для пополнения запасов сахара, чая и хлеба. Орел или решка? Искусство или жратва?

– Кокну я ее сейчас о твою черепушку, – задумчиво сказал Юрка, глядя на произведение искусства.

– Нежели ты не понимаешь? – воскликнул Алик. – Посмотри, какое удивительное сочетание современного стиля и национальных традиций!

– Мне пища нужна! – заорал Юрка. – Я не собираюсь терять форму из-за какого-то психопата!

Алик, презрительно улыбаясь, забрал вазу и пошел на почту. Он написал записку: «Люся, обрати внимание на удивительное сочетание современного стиля и национальных традиций». Упаковал вазу и написал адрес: «Москва... Л. Боярчук».

Линда – каменная женщина. Она сидит, печально поникшая, окруженная искривленными черными, фантастическими деревьями. Нужен закат, чтобы все было, как на самом деле несколько тысячелетий назад. Погиб Калев, белокурый гигант. Могучий Калев, любимый муж. Плачет Линда.

– И вот она плакала-плакала и наплакала целое озеро. До сих пор это озеро – единственный источник водоснабжения города.

Живая Линда повернулась к Юрке, мощному парню в красной рубашке с закатанными рукавами.

– Нравится тебе Линда?

– Которая?

– Вот эта.

– Каменная она.

– А другая?

– Вот эта?

– Ты с ума сошел!

– Тебе нравится Юрка? Ты им увлечена? – спросила Галя Линду.

– Да, – Линда, не отрываясь, смотрела на песчаную отмель, где Юрка, Димка и Алик ходили на руках, – но я его иногда не понимаю.

– Не понимаешь? Разве он такой сложный?

– Он часто говорит непонятно. Я русский язык знаю хорошо, но его я не понимаю. Недавно он назвал меня молотком. «Ты молоток, Линда» – так он сказал. Что ты смеешься?

Разве я похожа на молоток? А вчера на стадионе, когда «Калев» стал проигрывать, он сказал: «Повели кота на мыло». При чем тут мыло?

– Пора обедать, – сказала Галя. Ребята не шелохнулись. Алик лежал с карандашом в зубах, Димка читал Хемингуэя, Юрка старательно насвистывал знакомую песенку.

– Ну что же вы? Димка, Алик!

– Идите, девочки, мы потом, – буркнул Димка. Юрка протянул Гале десятку.

– Опять потом? Что с вами случилось?

– Я же тебе объяснил, детка. Я привык есть позже. У нас в доме всегда обед в пять. Мама накрывает, только когда вся гопкомпания в сборе. Я привык позже обедать. Я человек режима.

– Ну и я тогда пойду позже.

– Нет, ты пойдешь сейчас. Тебе тоже надо соблюдать режим, иначе в театральный институт не примут.

– А ну тебя! Алик, пошли обедать!

– Повыше, повыше забрало! – промычал Алик.

– Оставь его в покое. Не видишь, человек в прострации.

– Юра, ты не хочешь обедать? – спросила Линда. Юрка приподнялся и посмотрел на нее.

– Понимаешь, Линдочка, я за завтраком железно нарубался...

Линда в ужасе зажала уши и побежала к выходу с пляжа.

– Пусть вам будет хуже, – сказала Галка и побежала за Линдой.

Она догнала ее и обернулась. Ребята лежали в прежних позах. Костлявая рука Алика моталась в воздухе. Он всегда махал рукой, когда сочинял стихи. Галя посмотрела на десятку в своей руке.

– Линда, иди одна обедать. Мне надо, видишь ли... До вечера!

– Двухразовое питание укрепляет нервную систему. Нужно только привыкнуть, – сказал Димка.

– Это ты у Хемингуэя прочел? – спросил Юрка.

Алик встал, поднял руки к небу и завыл:

– Каждый молод, молод, молод, в животе чертовский голод... Лично я очень доволен, что мы отказались от обедов. Когда сыт, чувствуешь себя свиньей. Сейчас меня терзает вдохновение. Стихи можно писать только на голодный желудок.

– А музыку? – спросил Димка.

– Тоже.

– Юрка, давай сочинять музыку. Я буду труба, а ты саксофон. Начали!

Димка сложил ладони у рта и вступил трубой. Юрка загудел саксофоном. Алик стал хлопать в ладоши и приплясывать.

Они уже давно не пытались больше ловить рыбу. Четвертый день они не обедали, под благовидным предлогом отсылая Галку в ресторан. Зато каждый вечер они сидели в кафе. Правда, пили уже не «Ереванский», черт побери, нужно уметь приносить жертвы! Орел или решка? Обеды или кафе? И вот мы такие счастливые, голодные, трубим, как целый оркестр. Стоит вспомнить тусклые лампочки в коридорах «Барселоны», когда сидишь за полированной стойкой под нарисованными звездами. Стоит вспомнить затертые учебники, когда, лежа на песке, изображаешь джаз.

– Ребята, есть предложение! – воскликнул Алик. – Давайте погрузимся в состояние «зена» – полное слияние с природой.

– Это вместо обеда? – мрачно спросил саксофон.

– Пошли погрузимся в сон, – устало предложила труба.

Возле палатки они увидели костер. Над костром висел котел. Трещали пузыри. Пахло едой. Рядом стояла, руки в боки, Лолита Торрес.

– Хорошие вы собаки! – с нескрываемым презрением сказала она.

– Узнаешь кретина, Димка? – спросил Юрка и показал ногой в сторону моря. По твердому песку у самой воды шел поджарый, точно борзая, парень в голубых плавках. У него был огромный «сократовский» лоб и срезанный подбородок.

– Да это же тот лабух из Малаховки! – воскликнул Алик. – Помнишь?

– Не помню, – буркнул Димка.

– Ты же с ним потом что-то такое... Он к тебе даже заходил.

Проклятый Фрам вместо того, чтобы пройти мимо, остановился и мечтательно уставился на горизонт. Потом обернулся лицом к пляжу и стал разглядывать загорающих. Только здесь его и не хватало!

– Ребята, я пошел за лимонадом, – сказал Димка, но в это время Фрам увидел их и радостно заорал:

– Земляки! – Помчался огромными прыжками. – Хелло, дружище! – завопил он и схватил Димку за руку с таким видом, словно предлагал ему пуститься дальше вместе, как два брата Знаменские на картинке. Димка вырвал руку и отрезвляюще похлопал его по плечу. Фрам повернулся к девушкам.

– Разрешите представиться. Петя. Извините, мы с Димой отойдем на несколько минут. Он взял Димку под руку, отвел в сторону и протянул ему сигарету.

– Чистая? – спросил Димка.

– Не волнуйся. Я больше этого не употребляю. Здоровье дороже.

– Ты поумнел и полысел, Фрам. Сколько тебе лет?

– Четвертак ровно.

– Рано лысеешь.

– Некоторые излишества бурной молодости. Но теперь все: буду вести жизнь, близкую к природе.

Потянулся блаженно и, протянув руки к горизонту, воскликнул:

– Парадиз, как говорил Петр Первый! Ва-ва-сы-са! А ты здесь надолго?

– Нет, скоро уходим дальше по побережью.

– В Москву когда?

– Не скоро.

– Молодец! Самое главное в профессии пулеметчика – это вовремя смыться.

– О чем это ты?

– Будто святой. Димочка еще маленький, он ничего не знает. Ай, ловкий ты парень.

– Я действительно ничего не знаю. Что ты вылупился?

Фрам ухмыльнулся.

– В Москве разгон. Наших берут пачками, прямо теплых.

– Кого наших?

– Таких, как мы с тобой, фарцовых.

Димка посмотрел на Фрама и сразу вспомнил их всех и вся: «летом в центре ужасно весело. Косяки туристов. Катят „Форды“, „Понтиаки“, „Мерседесы“. Посмотри, какая девочка. Не теряйся. Что там они шепчутся в подъезде гостиницы? Вот они все стоят, а лица мертвые от неоновых ламп. Пошли, что же вы? Иди, мы тебя догоним. Иди, малыш. Так вот в чем дело».

Димка сжал кулаки. «Дать пинка Фраму и погнать его отсюда с пляжа? И в лесу ему нет места, в сосновом чистом лесу. В болоте тебе место, подлюга! Беги туда, а я закидаю тебя торфом. Ишь ты, мерзавец: „Таких, как мы с тобой“. Я не хочу и рядом с тобой стоять! Дать ему, что ли, пинка?»

– Ты что, меня тоже фарцовщиком считаешь?

– А то нет? Ходил же ты с кодлой. И джинсы купил у Барханова.

– Да я понятия не имел о ваших делишках!

– Раз ходил с нами – значит, все. Достаточно для общественного суда и для фельетона.

Может быть, уже прославился. Про меня-то в «Вечерке» писали в связи с делом Булгакова. «Появлялся там также некий Фрам». Хорошо, что никто не знал, где я живу. Что это, Дима, ты так побледнел? Сэ ля ви, как говорит Шарль де Голль. Пусть земля горит под ногами тунеядцев! Кто не работает, тот не ест. Как будто это не работа? За вечер семь потов с тебя прольется. Ходишь, как мышь.

– Ты и есть мышь.

– А ты?

– В зубы дам!

– Не обижаюсь, учитывая твою хрупкую душевную архитектуру. Ладно, Димка, что было, то прошло. Нет к прошлому возврата.

– Это уж точно, – пробормотал Димка.

– ...и в сердце нет огня. Давай о других материях. Что это за кадришки с вами?

– Блондинка – моя невеста, – сказал Димка.

– А-га! – Фрам улыбнулся. – Поздравляю.

– Я тебе дам совет, – тихо сказал Димка, – как увидишь этих девочек, беги от них подальше. Сразу, как увидишь, так и беги. Понял меня?

– Слово друга! – Фрам протянул руку, и Димка пожал ее. – Ты меня мало знаешь, но ты узнаешь лучше. Законы дружбы для меня святы, чего не могу сказать о других законах. – Он встал. – Я пошел. Туда. Там у нас компания. Жрецы искусства, отличные люди. Играем в покер каждый день. Пока. Увидимся.

Он спустился к твердой полоске песка и оттуда сдержанно поклонился девушкам. Пошел, поджарый, как борзая.

Димка играл в покер. У него была хорошая карта. Все уже спасовали. Остался только один противник, научного вида мужчина. Он все хихикал, как будто знал о тебе какую-то гадость. Остальные «жрецы искусства» в римских позах лежали вокруг. Перед игрой Фрам шепнул Димке: «Блефуй, как можешь. У них нервы слабые». А зачем блефовать, если у тебя такая отличная карта? Просто смешно слышать хихиканье этого очкастого. Хихикает, словно у него флеш-рояль. Посмотрим, у кого нервы крепче. Отличная игра – покер, мужская игра. В банке уже куча фишек. То-то обрадуются ребята. Можно будет снова обедать. Чертовы нытики! Дима, не надо. Брось, Димка! В конце концов, Димка, это противно! «Азартные игры – пережиток капитализма», – сказала Линда. А ей-то вообще какое дело? Сейчас обрадуются, нытики.

Димка выложил пять фишек.

– Олег, можно тебя на минуточку? – сказал известный драматический актер Григорий Долгов.

Очкастый встал и отошел с ним.

– Брось, Олег, – сказал Долгов, – отдай ему игру.

– Не отдам.

– Ты же видишь, что с мальчишкой делается.

– Не отдам я ему игру.

– Обеднеешь ты с этого?

– Нахалов надо учить.

– Ну, смотри.

Долгов снова лег на песок и подумал об очкастом:

«Ограниченный человек! Как-нибудь верну про него мимоходом Теплицкому – ограниченный, мол, человек».

Димка выложил все свои фишки и посмотрел на очкастого. Не может быть, что у него флеш-рояль. Не может этого быть.

Очкастый хихикнул и выложил свои фишки.

– Посмотрим?

– Посмотрим.

У очкастого была флеш-рояль.

Галя и Димка брели по аллее в лесу. Аллея в лесу! Дикость какая-то. Да что это за лес? Цивилизация, черт бы ее побрал! А велосипеды? Собрать в кучу все велосипеды и поджечь. Вот было бы весело!

– Сколько же ты все-таки проиграл?

– Не спрашивай.

– А сколько у нас осталось?

– Не спрашивай.

– Димка, что же нам теперь делать?

– Побежишь на телеграф?

– Дурак!

Навстречу им шел шикарный и бодрый артист Долгов.

– Не огорчайся, Дима, – сказал он мимоходом, – деньги – это зола.

– Кто это? – спросила Галя и оглянулась. – Знакомое лицо!

– А ну их всех! – махнул рукой Димка. Он брел, опустив голову.

Брижит Бардо снова оглянулась. Долгов догнал их.

– Слушайте, Дима, – тихо сказал он, – у вас вообще как с финансами? В крайнем случае не смущайтесь. Если хотите на месяц в долг...

– Пока терпимо. Спасибо.

– Я сам был в таких переделках и поэтому вам сочувствую.

«Ужасно ему сочувствую», – проговорил он в уме.

– Очень тронут, – сказал Димка.

– Да! – воскликнул артист. – Сегодня я отмечаю небольшое событие. Приходите вечером в ресторан «Пирита». Вы и ваша подруга. Простите, я не представился. – Он кивнул Гале. – Григорий.

– С какой стати мы придем?

– Приходите запросто. Все вам будут рады. Молодые лица оживляют компанию.

«Молодые лица оживляют компанию», – сказал он себе. Дружески хлопнул Димку по плечу, пожал руку Гале и зашагал, шикарный и бодрый. На повороте он оглянулся и несколько минут смотрел, как удаляются по асфальтированной аллее золотоволосая девушка (почти девочка, черт возьми!) и понурый парнишка в черной рубашке и джинсах.

«Ужасно жалко этого мальчика. Я ему страшно сочувствую. Сам ведь бывал в таких переделках», – убедительно сказал себе известный артист.

– Я не хочу, чтобы ты был таким! – почти кричала Галя. – Как ты стоял рядом с этим! Не могу этого видеть! Ты не должен быть таким! Ты не должен так стоять! Никогда и ни перед кем!

– Уймись, Галка, что ты понимаешь в мужских делах?

Некоторое время они шли молча, а потом Галя спросила:

– Кто он такой?

– Какой-то артист. Долгов его фамилия.

– Григорий Долгов! – только и воскликнула Галя.

Галя вспомнила его фотокарточку, которая осталась дома в ее альбоме. Карточка была с автографом; сколько они ждали тогда: полчаса, час? А он вышел из другого подъезда. Все девочки и побежали как сумасшедшие, а Нинка стала толкаться локтями. Это было после спектакля «Гамлет», потрясшего весь город. Страшный, страшный Гамлет был тогда на сцене, и это был Долгов. Как она могла не узнать его сейчас?

– По четвергам у нас всегда свечи, – объяснил официант.

– Как это мило! – воскликнула красивая женщина, которая сидела рядом с Долговым и которую называли то Анни, то Анной Андреевной.

– Все-таки умеют они, эстонцы, знаете ли, вот это, – сказал очкастый.

«У, гад!!» – подумал Димка.

Стол был великолепен. «Ереванского» тут было несколько бутылок.

– Ну, – сказала Анна Андреевна, когда все рюмки были налиты. – В этот знаменательный день я могу только выразить сожаление, что деятельность нашего друга не носит ныне такого прогрессивного характера, как двадцать лет назад.

Все засмеялись. Сегодня Долгов отмечал двадцатую годовщину своего выхода на сцену. Начал с того, что изображал ноги верблюда в «Демоне».

– Дима, веселей! – крикнул Долгов и потянулся с рюмкой. – Галочка, вам шампанского?

Он посмотрел на Галю и подумал: «Почему именно она?»

Чокнулся с Димкой и сказал себе настойчиво: «Сочувствую ему, пусть поест. Сочувствую молодежи».

В зале на столах стояли свечи. Электричество было погашено, и поэтому за окнами довольно четко был виден треугольный силуэт развалин. Но туда никто не смотрел.

– Марина, Марина, Марина! – кричала певица и делала жесты.

Димка танцевал с Галей. Долгов смотрел на нее, длинноногую, золотокудрую, и думал: «Прямо с обложки. И почему именно она? – Поймал ее испуганный взгляд и решил: – Ну, все».

Встал и пошел в туалет. Посмотрел в зеркало на свое лицо. Резко очерченная челюсть, мешки под глазами. Хорошее лицо. Лицо героя.

«Мало ли их вокруг на киностудии и в театре! Есть и не хуже. Почему вдруг именно этот ребенок?»

Хорошее лицо. Мужественное лицо. Волевое. Может быть угрожающим. Вот так. Всегда романтическое лицо.

«Сложный человек», – сказал он себе о себе.

Электричество светилось только в другом зале над стойкой буфета. Димка пошел туда. Ему захотелось постоять у стойки и поболтать с буфетчицей. Буфетчица сказала сердито и с сильным акцентом:

– Учиться надо, молодой человек, а не по ресторанам ходить.

– У вас, наверное, сын такой, как я, да? – спросил Димка.

– Он не такой, как вы, – ответила буфетчица.

Димка вернулся в полутемный зал и еще из дверей увидел Галю. Она разговаривала с Анной Андреевной. Глаза ее блестели.

«Галочка моя, – подумал Димка, – ты самая красивая здесь. Ты красивее даже Анны Андреевны».

Чинная атмосфера в зале уже разрядилась. Где-то пели, то тут, то там начинали кричать. Меж столов бродили мужчины с рюмками. Все в вечерних костюмах и белых рубашках.

«Сплошные корифеи, – думал Димка. – А у меня вот нет костюма. Кто сейчас носит мой костюм? Зато на мне куртка что надо. У кого из вас есть такая куртка? И вообще – вы, корифеи! – я тут моложе всех вас. У меня вся жизнь впереди. Сидят, как будто у каждого из них флеш-рояль! Эй, корифеи, кто из вас сможет сделать такую штуку?»

И Димка, к своему ужасу, посреди зала сделал колесо.

– Почему вы хотите стать актрисой, Галочка? – спросила Анна Андреевна.

– Потому что это – самое прекрасное из всего, что я знаю! – воскликнула Галя. – Театр – это самое прекрасное!

– А вы бы смогли играть Джульетту на платформе из-под угля и под непрерывным морозящим дождем?

– Да! Смогла бы! Уверена, что смогла бы!

Анна Андреевна смотрела в окно на силуэт развалин.

– А потом пошел снег, – проговорила она. – Тракторы зажгли фары, и мы доиграли сцену до конца. Как они кричали тогда, как аплодировали! Я простудилась и вышла из строя на месяц.

– Анна Андреевна, – прошептала Галя.

– Вы будете актрисой, – громко сказал Долгов.

– Почему вы так думаете? – встрепенулась Галя.

– Мне показалось. Мне показалось, вы понимаете, что такое искусство. Как оно сжигает человека. Сжигает до конца.

– До конца, – как эхо, повторила Галя, не спуская с него глаз.

– Жоржик! – игриво сказала Анна Андреевна. Долгов сердито посмотрел на нее.

– Пойдемте танцевать, Галя: Посмотрите на меня, – говорил он, церемонно кружа девушку, – во мне ничего не осталось. Все человеческое во мне сгорело. Я только артист.

– Что вы говорите? – в ужасе расширила глаза Галя. – Разве артист не человек? Вы знаменитый артист...

– Да, я знаменитый. Я и не мог быть не знаменитым, потому что я весь сгорел. Все знаменитые артисты сгорели дотла. Вы понимаете меня?

Нет, – прошептала Галя и на мгновение закрыла глаза.

«Сложный я человек, – сказал себе Долгов и подумал: – Все. Все в порядке».

«Жоржик, – думала Анна Андреевна. – Фу, какой отвратительный Жоржик! И что с ним происходит на сцене? Я никогда не могла этого понять». Она встала и ушла.

– Ты на меня не сердишься? – допытывался очкастый у Димки. – Я же не виноват, что у меня была флеш-рояль. Давай будем друзьями, ладно? Если у тебя туго с деньгами, я могу помочь.

Он долго возился в карманах и протянул Димке сторублевую бумажку. Димка взял и посмотрел на свет.

– Будем друзьями, – сказал он, – если ты не фальшивомонетчик. У тебя отличная лысина, мой друг. Ее хочется оклеить этими бумажками. А хочешь, я сошью тебе тюбетейку из сторублевок? Тебе очень пойдет такая тюбетейка. Хочешь, сошью? Возьму недорого – тыщонки две. Зато все будут видеть, что стоит твоя голова.

– Ты остроумный мальчик, – промямлил очкастый. В руке у него дрожала измусоленная сигарета.

– Нет ли у кого-нибудь кнопки? – громко спросил Димка. – Ну, если нет, придется без кнопки.

Он плюнул на бумажку и приклепнул ее к голове очкастого.

– Галка, пойдем отсюда!

Гали за столом не было. Димка стал бродить среди танцующих, разыскивая Галю. Фрам сказал ему, оскалившись:

– Поволокли твою кадришку! Твою невесту ненаглядную!

Лицо Фрама перекосила какая-то дикость. На эстраде, словно курильщик опиума, покачивался саксофонист.

Перед тем как сесть в такси, Галя вдруг увидела в ночи огромный треугольный силуэт развалин.

– Я не поеду. Извините, – торопливо сказала она.

– Я вам прочту всего «Гамлета», – проговорил Долгов.

Димка выскочил из ресторана и увидел в заднем стекле отъезжающей «Волги» Галину голову. Он бешено рванулся, схватился за бампер. Машина прибавила скорость, и Димка упал. Ободрал себе руки и лицо о щебенку.

Два красных огонька быстро уносились по шоссе вдоль берега моря туда, к городскому сиянию.

Если бы был пулемет! Ах, если бы у меня сейчас был пулемет!

Я стрелял бы до тех пор, пока машина не загорится. А потом подошел бы поближе и стрелял бы в костер!

Димка пил лимонад. Уже четвертый стакан подряд. Пить не хотелось, глотать было мучительно.

– Еще стаканчик, – сказал он.

В окошке появился стакан с пузырящейся желтой влагой.

«Она и сотый стаканчик подаст, не моргнув», – подумал Димка и посмотрел на буфетчицу. Дурацкая накладка на голове, выщипанные брови. Он вспомнил буфетчицу, с которой беседовал вчера. Та была другой. Нагнулся к окошечку и спросил в упор у этой:

– У вас, наверное, сын такой, как я, да?

– У меня дочь, – отрезала буфетчица.

– Благодарю. Еще стаканчик.

Голубой киоск стоял в начале совершенно незнакомой Димке и пустынной утренней улицы. То есть он просто не знал, как отсюда выбраться. Улица-то была знакомой. В принципе это была самая обычная улица. Два ряда домов с окнами и дверьми. Дома эти не говорили ни о чем и ничего не вызывали в душе. Это были просто дома с лестницами и комнатами внутри. И киоск не говорил ни о чем. Это была торговая точка, где кто-то пил лимонад, покупал бутерброды и спички. Тошнотворно знакомой была эта пустынная улица, но, как отсюда выбраться, Димка не знал. И не у кого спросить. Буфетчица ведь не скажет. Да она, наверное, и сама не знает. Наверное, давно потеряла надежду выбраться отсюда.

Димка украдкой вылил лимонад под ноги, на песок. Образовалась неприятная лужица. Подошел человек с черными усами и в новой серой шляпе. Взял спички и пошел по улице. Он шел очень прямой, и новенькая шляпа, без единой вмятины, стояла на его голове, как на распорке в универмаге.

«Вот так он и ходит тут уже четыреста лет, – с тоской подумал Димка. – Так вот и ходит в своей новой шляпе».

«Как я попал сюда? – попытался он вспомнить. – В „Пирита“ я вскочил в попутный грузовик. Мы гнались за такси. Мы здорово мчались. Водитель все допытывался, что у меня украли. Что у меня украли! Я рассказал бы ему обо всей своей жизни, но только не о том, что у меня украли. Мы догнали „Волгу“, но в ней оказались два моряка. Потом в центре я ломился в гостиницу. Почему-то мне казалось, что Галя там. Это было невыносимо – думать, что она там. Потом меня отправили в милицию. В милиции рядом со мной сидел какой-то тип, который все икал. От рубашки у него остался один воротник, а он все пытался заправить ее в штаны. В четыре часа утра меня отпустили, а тип остался там. Воображаю, как он удивится, когда перестанет икать. Потрогает воротник и скажет: а где же все остальное? Потом я все время шел по городу, пока не попал сюда. И тут уже я, видно, и останусь. Куплю себе новую шляпу. Буду тут ходить пяток-другой столетий. Сначала тот, с усами, будет появляться, а потом я».

Где-то за стеной домов что-то загрохотало. Там было что-то массивное и подвижное. Мало ли что там есть.

– С вас четыре пятьдесят, – сказала буфетчица.

Вдруг улица заполнилась людьми. Они шли все в одном направлении.

– Димка! – воскликнули за спиной. Рядом стоял Густав. Он был в синем комбинезоне и таком же берете. Димка страшно обрадовался.

– Сигареты есть? – спросил он.

– Что с тобой случилось? – спросил Густав, доставая сигареты.

– Ничего со мной не случилось.

– Как ты здесь оказался?

– Гуляю.

Они пошли в толпе. Все шли очень быстро, поэтому и им приходилось спешить.

«Ух ты, как здорово!» – подумал Димка и спросил Густава:

– А ты куда?

– На завод.

– Тут рядом ваш завод?

– Ага. Ну, как вообще-то? – спросил Густав.

– Да так.

– Ничего. – Густав хлопнул Димку по плечу. – Не вешай носа. Все будет тип-топ.

– Как ты говоришь?

– Тип-топ.

«Сегодня скажу Юрке, что все будет тип-топ. То-то обрадуется».

– Слушай, Густав, – осторожно спросил Димка, – ты случайно не знаешь, где тут трамвай?

– Направо за угол. Там остановка.

– Спасибо тебе Густав. Тип-топ, говоришь?

– Тип-топ.

– Пока.

– Увидимся!

Глава 8

Тот день был душным и пасмурным. Под соснами было сухо, а асфальт шоссе лоснился, влажный. Ребята сидели возле палатки и питались абрикосами. Это был обед. Ели молча.

– А где ты шлялся всю ночь, Димочка? – вдруг игриво спросила Галя.

Юрка и Алик быстро переглянулись. Но на Димку они не посмотрели. Не было сил на него смотреть. А Галя смотрела на Димку. Он сидел, уткнувшись в кулек с абрикосами. Лицо его стало квадратным – под скулами вздулись желваки. На лбу и шее запеклись ссадины.

– Ай-я-яй! – Брижит Бардо погрозила пальцем.

Это было так фальшиво, что Юрка сморщился, а Алик закрыл глаза. Галя потянулась.

– А я так выпалась сегодня!

Юрка встал и подтянул штаны.

– Пойду к Янсонсу газеты посмотреть.

– Я тоже, – сказал Алик.

Они сидели по-турецки. Их разделяла ямка, полная пепла и углей, остатки костра, на котором Галя несколько раз варила обед. Гале тяжело было смотреть на Димку («Не сиди так, пожалуйста, вскочи, кричи, ударь, но не сиди так»), но она смотрела. Это была ее первая серьезная роль: «Гореть до конца; дотла...»

– Что с тобой было этой ночью? – спросил Димка, не поднимая головы.

Словно хлыстом по горлу. Галя вскинула голову, закусила губы и закрыла глаза. Что с ней было этой ночью? Ведь если отбросить все, чего на самом деле не было, и просто, совсем просто вспомнить о том, что с ней было этой ночью, тогда нужно покатиться по земле и завывать. Но ведь было же, было и другое – стихи, музыка, слова... Она засмеялась. Колокольчики. Похоже на смех Офелии.

– Что ты вообразил, Димка? Мы катались на такси, в полвторого я была уже дома и заснула. Какое у тебя воображение нехорошее. Противно!

«Неужели это так? – подумал Димка. – Врет, конечно. – Он поднял голову и посмотрел на Галю. – Веселая. Врет. Не верю ей. А если поверить?..»

– Врешь! – заорал он и вскочил на ноги.

– Нет! – отчаянно закричала Галя.

«Врет».

– Что с тобой случилось? Ты обалдел?

«Нет, не врешь».

– Ты мне не веришь?

– Не верю.

– Как мне тебе доказать?

– Доказать? Ты собираешься доказывать?

– Если ты мне не веришь, я отравлюсь.

– Великолепно! Вы в новой роли, мадемуазель. В клипсах у вас, конечно, цианистый калий?

– Вот! – Галя схватила и показала ему горсточку абрикосовых косточек. – Синильная кислота, понял? От ста штук можно умереть. Понял?

– Дура! – закричал Димка и отвернулся. «Фу ты, дурища. Не врешь, конечно». Другое слово он ей готовил, а крикнул ласковое «дура». Да разве можно сказать то слово такой? Подняла свою мордочку и горсть слюнявых косточек показывает. Димка сел спиной к Гале.

«А может быть, все-таки врешь? Она ведь актриса. Так сыграет, что и не разберешься. Ну что ж – играть так играть».

Он встал и сказал:

– Собирай вещи.

– Что-о?

– Собирай свои шмотки. Через два часа выходим.

– Куда?

– Как куда? Уходим из Таллина дальше. В рыболовецкий колхоз и в Ленинград.

– А я?

– Торопись. Через час выходим. Ребята в курсе.

– Сейчас.

Димка вытащил из палатки свой рюкзак и посмотрел на Галю. Она лежала на спине, положив руки под голову.

– Димка, – сказала она, – подбрось монетку.

– А ну тебя.

– Я прошу, подбрось монетку.

Димка вынул из кармана пятак и подбросил его.

– Что? – спросила Галя.

Монетка лежала орлом. Димка поднял ее, сунул в карман и сказал:

– Решка.

Галя села. Они смотрели друг на друга.

– Димка, я не пойду с вами. Я остаюсь здесь.

Всю жизнь он будет помнить то, что произошло дальше. Всю жизнь ему будет противна жизнь при воспоминании об этом. Как он буйствовал, и как умолял ее, и как крикнул ей в лицо то слово, и как потом просил прощения, обещал все забыть, и как он заплакал.

Последний раз он плакал четыре года назад в пионерском лагере, когда его на глазах всего отряда в честном поединке отлупил Игнатьев. Кто мог знать, что Игнатьев целый год занимался в боксерской секции? Дней через десять после этой истории он снова плакал. Но вовсе не из-за Игнатьева. Он лежал в траве и смотрел в голубое небо, куда взлетали стрелы малышей из 4-го отряда. О чем-то он думал, он сам не понимал о чем. Может быть, все-таки об Игнатьеве, о том, что через год он ему покажет, а может быть, о Зое, вожатой 4-го отряда. Было забавно смотреть, как стрелы летели ввысь, исчезали в солнечном блеске и появлялись вновь, стремительно падая. Малыши для утяжеления вбивали в наконечники гвозди. Шляпкой вперед, конечно. Он на мгновение закрыл глаза, и одна такая стрела попала ему прямо в лоб. Бывает же такое! Малыши испугались и убежали, а он перевернулся на живот, уткнулся носом в землю и заплакал. Не от боли, конечно. Было не больно. Но все-таки страшно обидно – попасть прямо в лоб. Как будто мало места на земле. Потом четыре года он не плакал. И когда его била шпана в Малаховке, молчал. А вот теперь снова.

Плакал из-за потрясающей обиды и из-за того, что рисовало ему нехорошее воображение. Плакал неудержимо, истерика тащила его вниз, как горная река. Он презирал себя изо всех сил. Разве заплачут ремарковские парни из-за обманутой любви? Пойдут в бар, надеются как следует и будут рассуждать о подлой природе женщин. Почему же он не может послать ее подальше и уйти, насвистывая рок-н-ролл? Он презирал себя и в то же время чувствовал, что словно освобождается от чего-то.

Когда он оглянулся, Гали вблизи не было. Он увидел, что она у янсонсовского крыльца разговаривает с ребятами. Он увидел, что Юрка замахнулся на нее, а Алик схватил его за руку. Галя взбежала на крыльцо и скрылась в доме, а ребята вышли со двора и сели на траву возле забора.

Только мужская дружба и стоит чего-нибудь на этом свете. Ни слова об этой... Как будто ее и не было.

– Томас мировой рекорд поставил. Прыгнул на два двадцать два.

– Жуть!

– Пошли, ребята, выкупаемся в этом цивилизованном море?

Море в этот день было похоже на парное молоко. Далеко от берега кто-то брел по колено в воде. Купаться в общем-то не хотелось. Хотелось есть. Ох, как хотелось есть!

– В конце концов, я могу позвонить деду. Он у меня в общем-то прогрессивный, – неуверенно сказал Алик.

Димка взглянул на него волком.

– Но жрать-то все-таки мы что-то должны в дороге, – пробормотал Юрка.

Димка и на него посмотрел. Они замолчали. Они вдруг почувствовали себя маленькими и беззащитными перед лицом равнодушной, вялой природы. Ведь что бы с тобой ни случилось, дождишко этот мерзкий будет сыпать и сыпать, и море не шелохнется, и солнце не выглянет, и не увидишь ты горизонта.

Помог Фрам. Он вылез из воды и крикнул:

– Чуваки! Вы-то как раз мне и нужны.

Еще вчера Фрам сам сидел на мели и не знал, что делать. Он проигрался в пух и прах. С очкастым Олегом просто невозможно было играть. Найти музыкальную халтуру не удалось – в Таллине хороших-то лабухов было пруд пруди. Фрам загнал свой кларнет и так расстроился, что пропил все деньги в первый же вечер. Как раз в то время, когда Димка баловался

лимонадом, Фрам сидел в каком-то скверике и мучительно пытался вспомнить имена тех типчиков, что подвалились к нему в ресторане и которых он всех угощал. Даже девчонку и ту он не запомнил. В общем, началась бы самая настоящая «желтая жизнь», если бы в скверике вдруг не появился знакомый парнишка по имени Матти. Фрам с ним слегка контактировал в прошлом году на Московском ипподроме. Матти приезжал в Москву в отпуск на собственном «Москвиче» и интересовался многими вещами. Ведь надо же, как повезло Фраму: в такой случайный момент встретить Матти. Матти раньше был официантом, а теперь работал продавцом в мебельном магазине. Он совершенно небрежно подкинул Фраму целую бумагу и сказал:

– Можно немножко подработать. Нам нужны грузчики.

Этим он очень больно ударил Фрама по самолюбию.

– Киндер, – сказал Фрам, – неужели ты думаешь, что эти руки... эти руки... – Он помахал руками.

Матти усмехнулся:

– Дам тебе два-три мальчик. Будешь бригадир. Побегал, покричал, вот и вся работа. Бизнес тип-топ.

– Мальчиков я сам себе найду, – задумчиво сказал Фрам.

Ребята работали грузчиками вот уже целую неделю. Таскали на разные этажи столы и стулья, серванты, шкафы. Эти проклятые польские шкафы, такие огромные! У Алика на плече появился кровавый рубец. Юрка ушиб ногу. Димка вывихнул палец. Они скрывали друг от друга свои увечья и говорили, что работенка в общем-то терпимая, сносная, и интересно, сколько они получают в день зарплаты. Фрам тоже работал изо всех сил. Он отчаянно матерился и кричал:

– Заноси!.. Подай назад!.. Взяли!..

Он суетился, забегал вперед или орал снизу. Хватался за угол шкафа и багровел, натужно стонал, отбегал и кричал:

– Стоп, стоп, чуваки! Вправо, влево!

Потом ребята ждали бригадира внизу. Фрам всегда задерживался в квартире. Он сбегал по лестнице, оживленный и неутомимый, орал:

– Бригада-ух! Вперед!

Впрыгивал в кабину грузовика, а ребята влезали в кузов.

Все эти дни питались консервированной кукурузой. Царица полей восстанавливала их силы. Болели руки, плечи, ноги. Утром невозможно было пошевелиться, а после работы дьявольски хотелось пива. Как это быть грузчиком и не пить пива! Дунуть на пену и залпом выпить всю кружку, так, как пьют настоящие грузчики в киоске напротив. Настоящие грузчики, толстоногие, багровые, ели в обеденный перерыв огромные куски мяса.

И что-то все-таки в этом было. Плестись после работы на автобусе, дремать на заднем сиденье и чувствовать все свое тело, совершенно сухое, усталое и сильное. И думать только о банке с кукурузой. Только о кукурузе и ни о чем другом. Проходить мимо ресторана (заладили они там эту «Марину», как будто нет других песен), а ночью лежать возле палатки и вместе с Аликом ждать возвращения Юрки. И слушать, как Алик читает стихи:

Сколько ни петушишь,
В парках пожара
Не потушить.
Не трудись задаром,
Только не злись.
В парках пожары.

И листьев холодных слизь
Осень приносит тебе в подарок,
Только не злись.

– Алька, отчего ты летом пишешь об осени, а зимой о весне?

И слушать, как Алик объясняет, почему он так делает. И слушать сосны. И музыку из дома Янсона. И думать: кто же он все-таки такой, этот Янсон? И если зоотехник, то почему болтается весь день без дела, балуется с красками и смотрит, смотрит на все? (Вот бы научиться этому – полчаса смотреть на элементарную собаку и улыбаться.) Хорошо лежать так, и слушать голос Алика (этого не забыть, бородатый черт), и сдерживать ярость, и не смотреть на окно, в котором теперь всегда темно, и вспоминать ремарковских ребят (разве станут они?..). А потом увидеть, как мелькает за соснами последний автобус, и ждать Юрку. И вместе с Аликом притвориться спящими и слушать, как Юрка раздевается, сдерживая дыхание, так как знает, что они притворяются спящими. А потом слушать Юркин храп и посапывание Алика. Хорошо, если птица какая-нибудь начинает свистеть над тобой, но иногда это раздражает. Только под утро становится холодно, и сигарет не осталось совсем. Пожалуй, лучше все-таки завернуться в одеяло, но разве уснешь, когда вокруг такой шум? Вся «Барселона» собралась и смотрит из окон на ринг. Надо выйти из угла и надо его избить. Бить и бить по его мощной челюсти и по тяжелому телу. Хорошо, что бой решили провести в «Барселоне». Дома и стены помогают. Это известно каждому, кто читает «Советский спорт». Вон они смотрят из окна, родители и старший брат Витька. В крайнем случае он за меня заступится. Да я и сам легко изобью этого паршивого актеришку. А потом перемахну через канат – и домой! По черной лестнице, через три ступеньки. Но там что-то происходит. Заноси! Возьми левее! И польский шкаф, эта проклятая махина, падает прямо на тебя. И ты начинаешь стонать и убеждаешь себя, успокаиваешь: спокойно, спокойно, в кино еще и не так бывает. Все это кто-то выдумал – чтоб ему! – а ты каким был, таким и остался. Такой ты и есть, каким был, когда вы разнесли вдребезги команду 444-й школы...

– Шабашьте, ребята! – сказал степенный грузчик Николаев. – Все равно всех денег не заработаете.

Ребята пошли за ним в магазин.

Покупателей в магазине уже не было, в зале бродил один Матти. Он был в синем костюме и нейлоновой рубашке.

– Суббота, суббота, хороший вечерок! – напевал он. Он бывалый паренек, этот Матти. Из конторы вышел Фрам.

– Получайте башли, чуваки! – императорским тоном сказал он и, видимо поняв, что немного переборщил, ласково подтолкнул Юрку, а Алика похлопал по спине. – Бригада-ух!

Ребята расписались в ведомости и получили деньги. Димка – 354 руб. 40 коп., Юрка – 302 руб., Алик – 296 руб. 90 коп.

– Почему нам по-разному начислили? – спросили они у кассира.

– Спросите у бригадира. Он калькулировал.

Они вышли в зал, загроможденный мебелью. В конце зала Матти лежал на кровати и курил, а Фрам причесывался у зеркала.

– Сейчас я с ним потолкую на «новой фене», – сказал Юрка.

– Ребята! – крикнул Фрам. – Помчались на ипподром? Там сегодня отличный дерби.

Хлопнула дверь – ушел кассир.

– Слюшай, Фрам, – прогнусавил Юрка (он всегда гнусавил, когда хотел кого-нибудь напугать), – слюшай, у тебя сколько классов образования?..

– Семь, – ответил Фрам, – и год в ремеслуху ходил. Фатер не понял моего призвания.

- А где ты так здорово научился мускульную силу калькулировать? – спросил Димка.
- Да, это как-то странно, – пробормотал Алик.
- Вы о зарплате, мальчики? – весело спросил Фрам. – Да это я так, для понта.
- Для смеха? – спросил Матти, не меняя позы.
- Вот как, – сказал Юрка и сделал шаг к Фраму.
- Кончай психовать, – сказал Фрам, – какие-то вы странные, чуваки! Зарплату всегда так выписывают, что ни черта не поймешь. Зато вот премиальные; тут всем поровну, по сотне на нос. Держите! – Он вынул из кармана и развернул веером три сотенных бумажки.
- То-то. – Юрка забрал деньги.
- За что же нас премировали? – удивился Алик.
- За энтузиазм, – захохотал Матти.
- Приказом министра мебельной промышленности комсомольско-молодежная бригада-ух премирована за энтузиазм, – подхватил Фрам. – По этому поводу бригада отправилась играть на тотализаторе. Вы никогда не играли, мальчики? Тогда пойдите обязательно. Новичкам везет, это закон.
- Я не пойду, – сказал Димка, – хватит с меня родимых пятен капитализма.
- Видишь, Матти, – закричал Фрам, – физический труд облагораживает человека!
- Ребята засмеялись. Матти, посмеиваясь, ходил вдоль длинного ряда блестящих кухонных шкафов, только что полученных из ГДР. Он доставал из шкафов какие-то баночки с наклейкой и складывал их в портфель.
- Политура, – пояснил он. – Дефицит. Бизнес.
- Во работает, – восхищенно шепнул Фрам, – нигде своего не отдаст!
- Сейчас отдаст, – сказал Димка и подошел к Матти. – Клади все обратно. Слышишь? Матти повернулся к Димке:
- Еще хочешь премия?
- Положи все обратно и закрой на ключ.
- Ты крепкий мальчик.
- Если хоть одна банка пропадет, узнаешь тогда.
- О, курат! Что ты хочешь?
- По морде тебе дать хочу, мелкий жулик!
- Матти быстро свистнул Димке по уху, а Димка мгновенно ответил хуком в челюсть. Они отскочили друг от друга. Портфель упал, и банки покатались. Алик спокойно стал поднимать их и ставить обратно в шкафчики. Юрка сказал, усмехаясь:
- Матти, сними костюм, ты сейчас будешь много-много падать. У Димки разряд по боксу.
- Матти поднял портфель.
- В магазин можете больше не приходить. Найдем умный мальчик.
- Ребята засмеялись:
- Ты, что ли, нас нанимал? Тоже мне, частный владелец!
- Матти и Фрам пошли к выходу.
- А ты подожди, шестерка, – сказал Димка Фраму. Он схватил Фрама за руку и повернулся к ребятам. – Ребята, ведь этот тип везде деньги вымогал за наш труд. И эти премиальные, которыми он нас наградил, тоже из этих денег.
- Что тебе от меня надо, психопат? – заскулил Фрам. – Вы свою долю получили.
- Паук-мирод, – восхитился Юрка.
- Что нам от тебя надо? – сказал Димка. – Как ты думаешь, Юрка?
- Пусть пятый угол поищет, – сказал Юрка.
- А ты, Алька?
- Убить, – сказал Алик, – убить морально.

– Фрам, мы тебя увольняем с работы, – заявил Димка. – Попробуй только появиться здесь еще раз.

Они вытащили своего бригадира на улицу. Фрам пытался впасть в истерику. Юрка стукнул его коленом пониже спины и отпустил. Фрам перебежал на другую сторону улицы, взял такси и крикнул:

– Эй, вы! – Достал из кармана и показал ребятам пачку денег. – Привет от Бени! – крикнул он и юркнул в машину.

Ребята присели на обочину тротуара и долго тряслись в немом смехе.

– Мальчишки, пошли наконец рубать! – заорал Юрка.

– На первое возьмем шашлык! – крикнул Алик.

– И на второе шашлык, – сказал Димка.

– И на третье опять же шашлычок, – простонал Юрка.

И тут они увидели Галю. Она была шикарна, и все оборачивались на нее. Она была очень загорелой. Сверкали волосы, блестели глаза. Она улыбалась.

– Привет! – сказала она.

Димка прошел вперед, словно ее и не было. Он перешел улицу, купил газету и сел на скамейку.

– Почему вы не бываете на пляже? – светским тоном спросила Галя.

– Мы теперь проводим время на ипподроме, – хмуро сказал Алик.

Галя захохотала:

– Когда же вы исправитесь, мальчишки? А Димка по-прежнему в меланхолии?

Юрка и Алик молча смотрели на нее, а она, сияя, смотрела на Димку.

– Он читает газету «Онтулент». Уже овладел эстонским языком? Дима такой способный...

– Заткнись, – тихо сказал Юрка.

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите, – забормотала Галка, и лицо ее задергалось и стало некрасивым. – Я полюбила человека, и он меня. Неужели мы не можем остаться друзьями?

– А Димка?

– Что Димка? Я любила его. Он моя первая любовь, а сейчас... другое... я и он... Григорий... и я...

– Ты на содержании у него! Ты содержанка! – выпалил Алик и испугался, что Галка даст ему по щеке. Но она уже овладела собой.

– Начитался ты, Алик, западной литературы, – криво улыбнулась она и пошла прочь.

– Шалава, – сказал вслед Юрка.

Галя пересекла улицу, подошла к Димке,хватила у него из рук газету «Онтулент» и что-то сказала. Димка тоже ей что-то сказал и встал. Галя схватила его за руку и что-то быстро-быстро сказала. Димка двумя пальцами, словно это была жаба, снял со своей руки ее руку и отряхнул рукав. (Молодец, так ей и надо!) Димка сказал что-то медленно, а потом долго говорил что-то быстрое-быстрое. Галя топнула ногой (тоже мне!) и отвернулась. Димка заговорил. Галя заговорила. Заговорили вместе. Галя подняла руку, подзывает такси. Садятся вместе в машину. Уехали.

– Он с голоду умрет, – пробормотал Юрка.

– Мы вместе с ним, – сказал Алик и поднял руку.

– Ты что? – спросил Юрка уже в машине.

– Следуйте за голубой «Волгой», – сказал Алик шоферу, а потом Юрке: – Он черт знает что натворить может. Целую неделю не спит. Понял?

– Да, я была влюблена в тебя. Все было прекрасно. Я была счастлива, как никогда в жизни, когда мы с тобой... Думала только о тебе, мечтала о тебе, видела тебя, целовала тебя и ничего другого не хотела. Ведь я мечтала о тебе еще с седьмого класса. Почему-то ты казался мне каким-то романтическим. А ты? Ты какой-то необузданный, азартный... По-моему, ты влюбился в меня на смотре самодеятельности. Верно? Но что делать? Есть, видно, что-то такое, что сильнее нас. А может быть, я такая слабая, что не могу управлять своими чувствами? Все остальные могут управлять, а я такая слабая. Я и сейчас тебя люблю, но все-таки не так, как тогда. Так я люблю сейчас его. Да, его! Что ты молчишь? Посмотри на меня. Ну вот, ты видишь, что не вру. Видишь или нет? Отвечай! Что, у тебя язык отсох? Он человек, близкий к гениальности, он красивый человек. Ты не думай, что он хочет просто... Он влюблен в меня. Мы поженимся, как только... как только мне исполнится восемнадцать лет. Ты не знаешь, как я счастлива! Он читает мне стихи, он научил меня слушать музыку, он помогает мне готовиться в институт. Скоро мы поедем в Ленинград, и там я поступлю в Театральный. И не думай, что по благу. Никакого блага не будет, хотя у него там... Он уверен, что я пройду. Он думает, что у меня талант. Дима, ты понимаешь, ведь, кроме всего прочего, мужчину и женщину должна связывать духовная общность. Должно быть созвучие душ. У тебя ведь нет тяги к театру. А я готова сгореть ради театра. А он играл в горящем театре, под бомбами. Не ушел со сцены, пока не кончил монолог.

– Эффектно, – сказал Димка.

– Ты думаешь, он выдумал? Я видела вырезку из газеты. Он мужественный, сложный и красивый человек. А ты... Дима, ты ведь еще мальчик. У тебя нет никаких стремлений. Ну, скажи, к чему ты стремишься? Кем ты хочешь стать? Скажи! Ну, скажи что-нибудь? Да не молчи ты! Скажи! Скажи! Бога ради, не молчи! Хоть тем словом назови меня, но не молчи!

Они сидели под обрывом. Между валунами прыгали маленькие коричневые лягушки. Наверху был поселок Меривялья, где теперь жила Галя. Внизу было море. Когда Галя кончила говорить, Димка подумал: «Как это у меня хватило силы выслушать все это?»

Море лежало без движения и отливало ртутью. Здесь было полно камней возле берега. Это было похоже на погибший десант.

«Как это меня хватает на все это?»

Когда Галя заплакала, он полез вверх. На шоссе он оглянулся. Галя стояла и смотрела ему вслед. Она была вся туго обтянута платьем. Димка вспомнил, как они лежали с ней на пляже и в лесу. Однажды ящерица скользнула по ее голой ноге. Он терпеть не мог всего быстро ползающего и вскрикнул, а Галя засмеялась. Причитали над божьими коровками. Черт, он не учил ее слушать музыку и не читал ей стихи! Целовались и бегали как сумасшедшие. А сейчас она стоит внизу. Броситься вниз и схватить ее здесь, на пустынном пляже.

На мотоцикле промчать через Таллин и Тарту...

Наверное, тот ее не только музыке учит.

Димка ринулся прочь по шоссе. Только бег и может помочь. Чтоб все мелькало в глазах и ничего нельзя было разобрать.

Серая сталь и стекло пронеслись мимо. Жаль, что мимо. Вдруг его осенила догадка, и он оглянулся. Такси шмыгнуло за поворот. Димка не разглядел пассажира, но был уверен, что это он.

– Я его убью, – шептал Димка, спокойно шагая по шоссе.

Он залег в лесу в двадцати метрах от дома, где теперь жила Галя. Рядом с ним лежало ружье для подводной охоты. Он уже все рассчитал. Скоро они выйдут. Наверное, поедут в театр или в ресторан. Надо подойти метров на пять, чтобы было наверняка. На этом расстоянии гарпун пробьет его насквозь.

Когда над соснами появились звезды, а где-то далеко заиграла радиолка и окна в домике стали желтыми и прозрачными, Димка услышал голос:

– Галочка, я тебя жду внизу.

Человек в светлом пиджаке и темном галстуке стоял на крыльце и курил.

«Очень удобно, – подумал Димка и встал. – Вообще-то подло убивать в темноте. Мерзавца не подло. Я подойду к нему и крикну: „Эй, Долгов, вот тебе за все!“»

Он подошел к домику и прицелился. Расстояние было метров десять. Все-таки не насквозь.

– Эй, Долгов! – заорал он, но кто-то выбил у него из рук ружье, кто-то зажал рот ладонью, кто-то потащил в лес.

Долгов вздрогнул от этого крика. Он узнал голос. Потом он увидел в лесу какие-то тени. Он спустился с крыльца и вышел за калитку. Он был готов ко всему. Но тени в лесу удалялись.

«Я опять опоздал, – с горечью подумал Долгов, – опоздал на каких-нибудь двадцать лет с небольшим».

Игорь Баулин решил купить торшер. Он уже купил массу мебели, разыскал потрясающие гардины и уникальную керамику (у его молодой жены был современный вкус), и теперь нужен был только торшер.

Шурик Морозов и Эндель Хейс на днях отбывали в Бельгию. Они получают там на верфи новенький красавец сейнер и выйдут в море. Пройдут через Ла-Манш и через «гремящие сороковые широты», через Гибралтарский пролив и через Суэц, будут задыхаться в Красном море и одичают в океане, а дальше смешной город Сингапур, и то-то нагазуются, когда придут во Владик. А Игорь будет жить в маленьком поселке, вставать ровно в шесть и отсыпаться на своем крошечном «СТБ» (когда идешь в тихую погоду с тралом и нечего делать), он будет ловить кильку и салаку в четырнадцати милях от берега и каждый вечер будет возвращаться в свой домик, к своей жене, будет дергать торшер за веревочку и удивляться: «Вот жизнь, а?» – пока не забудет об океане. Если можно о нем забыть.

Возле мебельного магазина друзья увидели трех своих спутников, трех «туристов – пожирателей километров». Они были обросшие, мрачные и худые как черти. Они разгружали контейнер.

– Смотри, Игорь, – сказал Шурик, – как видно, они все-таки не побежали на телеграф.

– Да, это так, – констатировал Эндель.

– Неплохие они, по-моему, ребята, – задумчиво сказал Шурик.

– В общем, «герои семилетки», – процедил Игорь. – Мне ясно, почему они именно здесь решили подкалывать. Знаешь, какой калым у грузчиков?

Подошли, поздоровались.

– Рыцари дорог, почему вы не пожираете километры?

– Потому что нам жрать нечего, – мрачно сказал Юрка, а Димка и Алик промолчали.

Было ясно, что пикировки в этот раз не получится.

– Видите ли, – пояснил Алик, – мы хотим подработать денег на дорогу.

– Куда, если не секрет?

– В какой-нибудь рыболовецкий колхоз.

Шурик улыбнулся и подтолкнул локтем Игоря.

– Почему именно в рыболовецкий колхоз?

– Просто так, понюхать море, – сказал Алик.

– И поесть рыбы, – добавил Юрка.

И подработать денег на дорогу, – буркнул Димка.

– А там куда?

– В таргары.

– Что-то ты, брат, очень мрачный, – сказал Шурик. – А где Брижит Бардо.

– В кино.

– Что смотрит?

– Снимается.

– Слушайте, ребята, – вдруг сказал Игорь, – если вы серьезно задумали подработать, езжайте в рыболовецкий колхоз «Прожектор». Три часа езды на автобусе отсюда. Там сейчас комплектуют экипажи к осенней путине. Сведения абсолютно точные.

– «Прожектор»? Это звучит, – сказал Алик.

– «Прожектор» – это хорошо, – сказал Юрка.

– «Прожектор» так «Прожектор», – сказал Димка.

В магазине Шурик хлопнул Игоря по плечу:

– Ты читаешь мои мысли. Надо помочь ребятам.

– Какого черта, – рассердился Игорь, – не маленькие! Просто нам действительно нужны люди.

– Когда же мы увидимся снова? – спросила Линда.

– Откуда я знаю, – ответил Юрка и отвернулся.

Они сидели на «горке Линды». Сейчас здесь все было так, как было на самом деле несколько тысячелетий назад. Небо на западе было красное, а чудовищно искривленные стволы – черные, словно мокрые. Каменная Линда, по обыкновению, молчала. Живая Линда вздыхала.

– Неужели обязательно нужно уезжать?

– В том-то и дело.

Линда наклонила голову. Юрка совсем перепугался. Еще плакать начнет. Так и есть. Ревет.

– Эй, – сказал он и тронул ее за плечо, – что это ты, брат? Что ты засмурела, Линда? Хочешь помочь городскому водопроводу? Второе озеро накапать? Я ведь еще не загнул. Фу, какая ты странная... В конце концов – всего три часа езды. Подними голову. Вот так. Сейчас мы с тобой возьмем мотор, покатаемся, пойдем в ресторан, потом в клуб – побацаем на прощание... Схвачено?

Линда вынула из сумки платок и вытерла лицо.

– Знаешь, Юрка, когда мы снова с тобой встретимся, я начну учить тебя правильному русскому языку. Схвачено?

– Закон! – радостно завопил Юрка и полез целоваться.

– Ну как там у вас, Витя?

– Все в порядке, старик. Родители на даче. Здоровы.

– А ты как? Защитил?

– Нет, не защитил.

– Неужели зарубили, скоты?

– Да нет. Отложена защита. Как ты там, старик?

– Отлично.

– Может, тебе денег подкинуть, а?

– У меня куча денег.

– Брось.

– Seriously. Мы тут подработали на киностудии.

– Понятно. Значит, все хорошо?

– Осталась одна минута, – сказала телефонистка.

– Слушай, Витя, сегодня мы уезжаем из Таллина. Будем работать в колхозе «Прожектор». Я тебе напишу. Передай маме...

– Старик, перестань играть в молчанку. Пиши хоть мне. У нас все хорошо. Я маме наврал, что получаю от тебя письма. Она не понимает...

– ...что я здоров, весел и бодр. И дедушке Алика скажи, и Юркиному папану, и... Зинаиде Петровне тоже. Как там наша «Барселона»? Не развалилась еще? Денег у нас целая куча. Все у нас...

– ...почему ты ей не напишешь? Старики очень обижены на тебя из-за этого. Только из-за этого. Слушай, я через месяц, может быть, приеду к тебе в отпуск. Старик...

– ...в полном порядке. Тебе ни пуха ни пера. Защищай скорее.

– Что?

– Защищай скорее.

– Крепись, старик. Все будет в порядке, – сказал Виктор.

– Да все и так в полном порядке, – пробормотал Димка, но их уже разъединили.

– Хочешь честно, Крамер? – спросил Иванов-Петров.

– Только так, – сказал Алик и сломал сигарету.

Они бродили вдвоем по Вышгороду.

– Понимаешь, в общем-то все это просто смешно. Так же, как твоя борода и все прочее. Смешно и очень любопытно. В общем-то это здорово, что ходите вы сейчас везде, смешные мальчишки. Очень я рад, что вы ходите повсюду и выдумываете разные штуки.

– Очень любезно с вашей стороны. Спасибо от имени смешных мальчиков.

– Ты не сердись. Я уверен, что ты будешь писателем.

– Без дураков?

– Точно.

– А что для этого нужно? Посоветуйте, что читать.

– Черт! Что читать? Вот этого я не знаю. По-моему, нужно просто жить на всю катушку.

И ничего не бойся.

– Я и не боюсь.

Они остановились на краю бастиона над Паткулевской лестницей. Иванов-Петров обнял Алика за плечи.

Внизу в улицах стужались сумерки, а черепичные крыши домов и башен все еще отсвечивали закат. Церковь Нигулисте, разрушенная во время войны, стояла в строительных лесах.

– Камни, – прошептал Иванов-Петров, – завидую камням. Их можно уничтожить только бомбами.

– В наше время это нетрудно сделать, – откликнулся Алик.

– Очень трудно. Невозможно.

Погасли розовые отсветы. В узких улочках зажглись лампы. Это было похоже на подводный город из какой-то старой немецкой сказки.

– Остановись здесь. Я дальше хочу пешком.

– Галочка, дождь ведь может пойти.

– Ну и пусть.

Галя побежала по дороге. В темноте мелькала ее белая кофточка. Долгов, улыбаясь, пошел за ней.

«Как это мило все, это очень мило!» – сказал он себе, думая с тревогой и тоской, что отпуск кончается.

Галя, пританцовывая и напевая, бежала обратно. Она была чуть-чуть пьяна. Она теперь каждый вечер была чуточку пьяна. И каждый вечер танцы и разговоры об искусстве, о современной сцене, и тонкие намеки, тонкие шутки, и все такое вкусное на столе, а почему не выпить «несколько капель солнца»?

Долгов протянул руки, и она оказалась в его объятиях.

Огромный «Икарус» с ревом пронесся мимо них. Казалось, земля задрожала. Автобус, неистовый, грузный, неудержимый, с воем летел в крошечную тьму. Шум затих, а он уходил, освещенный, все дальше и представлялся космическим кораблем.

– По-моему, он свалится в кювет, – сказал Долгов.

– А по-моему, врежется в Луну, – сказала Галя.

Вот бы быть там! Мчаться в темноте! Там играет радио. Шофер включает, чтобы не заснуть за рулем. Играет тихо, но на передних сиденьях слышно. И все дрожит, и все гудит, и никто не знает, доедет ли до конца.

– Григорий, буду я когда-нибудь играть Джульетту?

– Уверен, Галчонок.

– А ты будешь Ромео.

– Нет. Это сейчас не мое амплуа.

Часть III

Система «дубль-ве»

Глава 9

Я не мог на нее налюбоваться. Она была роскошна. Вероятно, очень приятно было бы держать ее в руках, но я не беру ее в руки. Каждый раз я гляжу на нее, когда сажусь к своему столу. Она лежит на нем, темно-коричневая, толстая, тяжелая, – это диссертация. А рядом с ней синенькая тетрадка. Это то самое «просто так». Я сажусь по-американски – ноги на стол, – закуриваю и смотрю на эти две вещи. Я словно взвешиваю их на ладони. Что означает каждая из них для меня и что они значат вообще?

Диссертация – это кандидатская диссертация, тему которой мне подсказал наш гениальный шеф. Это мой голос, усиленный микрофоном: «Уважаемые члены ученого совета». Это рукопожатия, цветы и дьявольская выпивка. Все как полагается. Звонки друзей, а ночью шепот Шурочки: «Милый, я так счастлива!» Это моя подпись, черт побери, под всем, что ни напишу: «Кандидат наук В. Денисов». Это лишних пятьсот рублей в месяц. Это бессонные ночи и молоток в голове. Если все книги, что я прочел для того, чтобы написать ее, свалить в этой комнате, мне придется ночевать на крыше. Это мой труд, это моя надежда. Это мой путь, трудный, но верный. Путь, уготованный мне с самого детства. «Будешь разумным мальчиком, станешь профессором». Меня воспитывали на разных положительных примерах, а потом я сам стал положительным примером для Димки. А Димка взял и плюнул на мой пример. В общем-то он просто смешной романтик. Он думает, что он какое-то исключение, необычайно сложное явление в природе. Все мы так думали. Меня тоже тянуло тогда куда-то уйти. Меня тянуло, а он ушел.

А я двадцать восемь лет в своей комнате и смотрю на билет, пробитый звездным компостером. Что там сегодня? Кажется, хвост Лебедя. Надо бы мне при моей профессии лучше знать астрономию. Романтика! Вот она снова пришла ко мне. Я смотрю в окно, и бывают минуты, когда я уверен, что этот билет все-таки предназначен для меня.

Синенькая тетрадка – это моя собственная мысль. Это мой доклад, который я сделаю через неделю или через две. В кулуарах уже идут разговоры. Простите, а кто он такой? Имеет ли степень? Вам не кажется, что это несколько... э-э... невежливо по отношению к Виталию Витальевичу? Хе-хе, молодежь! Почему бы ей и не задрать хвост!

Это мой голос, усиленный микрофоном: «Вот все, что я хотел сообщить уважаемому собранию». Это тоже рукопожатия, но это и кивки издалека, а некоторые, должно быть, перестанут со мной здороваться. Это мой труд, мой. Мой! Это моя фантазия. Это, если хотите, орел или решка. Это скачок вверх или вниз (я еще не знаю куда), но это ползком через камни в сторону от дороги, уготованной мне для того, чтобы вернуться, но уже через год. Это мотылек летит на свечу или Икар... О! О! Разошелся.

Борька говорит:

- Это смешно. Ты осел.
- В институте ходят разговоры. Нехорошие.
- Все-таки, Виктор, нам нужно знать свое место.
- Ну кто ты такой, подумай! Ведь даже степени у тебя нет.
- Мне передавали, что В. В. сказал...
- Может быть, ты надеешься на поддержку шефа? Должен тебе сказать, что В.В....
- Это несолидно.

- Опрометчиво.
- Авантюра.
- Опасно.

Прошел месяц с того дня, когда я поставил свой опыт. Тогда я думал, что на этом все и кончится. Нет, это был снежный ком, пущенный с горы. Последовала целая серия опытов и много бессонных ночей. Я стал курить по две пачки в день. Очень помогли мне ребята-химики. Без них ничего бы не вышло. Вообще очень многие мне помогали, хотя работа шла вне плана. Например, Рустам Валеев, узкий специалист в области энцефалографии (исследование мозга), проторчал у меня в лаборатории целые сутки. Только люди из отдела В. В. смотрели косо. Дело в том, что моя работа опровергала не только мою собственную диссертацию, но и целую серию работ отдела, руководимого Дубль-ве, основное направление этого отдела. Диссертация сотрудника этого отдела, моего друга Бори, в результате моей работы тоже могла быть подвергнута сомнению. Борис заходил почти ежедневно и все бубнил:

- Это просто смешно. Дубль-ве сотрет тебя в порошок.
- Ты вроде той унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекала.
- Вчера я слышал, как В. В. сказал кому-то по телефону: «Нужно оградить нашу науку от выскочек».

- Напрасно думаешь, что шеф тебя поддержит.
- Тоже мне, Дон-Кихот.
- Шефа это тоже не погладит по самолюбию.
- Хорошо, раз ты решил чудить – чуди, но почему ты лезешь с докладом на эту сессию?

Неужели нельзя подождать?

- Это не по-товарищески.
- Знаешь, Боря, – сказал я ему однажды, – закрой дверь с той стороны.

Я не знаю, как относится к моей работе шеф. Во всяком случае, с планом он на меня не давит. Но он молчит. Он не заходит ко мне, как прежде, и не читает мои записи. Ну и хорошо, что он ко мне не заходит, очень хорошо, что не заходит. Но все-таки это меня волнует. Честно говоря, меня это волнует больше всего. И не только потому, что шеф может присоединиться к Дубль-ве и совместными усилиями стереть меня в порошок. Не только поэтому. Я просто не уверен в себе. Иногда все из рук валится, когда подумаю: а вдруг все это вздор? Был страшный момент, когда погибла Красавица. Она погибла из-за того, что я разнервничался, вот как сейчас. Я не знал, куда деваться. Утром написал докладную шефу и подал через секретаря. На следующий день мне принесли двух других обезьян.

Теперь все позади. Я начал переписывать на машинке свой доклад. Подал заявление в ученый совет. Сессия начнется через неделю. Теперь мне, пожалуй, лучше всего не думать обо всем этом. Почему бы мне сегодня не отдохнуть? Почему бы не позвонить Шурочке? И не пойти в парк?

Этот ученый любит примитивные развлечения. Он любит качели и «блоху», любит стучать молотком по силомеру и покатываться в комнате смеха. Хлебом не корми, а угости мороженым в парке. Он даже в очереди любит стоять, в очереди стилиг перед рестораном «Плзеньский». Эта сложная личность любит черное пиво «Сенатор» и обожает чертовое колесо. Он трепещет от звуков военного духового оркестра и мчится на массовое поле танцевать.

Примерно в таком духе издевается надо мной Шурочка. Мы стоим в толпе на площадке аттракциона «Гонки по вертикальной стене». Шурочка подтрунивает надо мной и смеется, но мне кажется, что ей хочется плакать. Мне кажется, что ей хочется крикнуть: «Виктор, что с тобой?»

Внизу, под нами, двое мужчин и девушка садятся на мотоциклы. Мужчина постарше с каменным лицом взлетает на стенку. Он кружит по ней то выше, то ниже, то с ревом несется

прямо на нас (сейчас проломит барьер – и всем нам конец), то вниз (сейчас взорвется внизу); он крутит вензеля на полном ходу и мчится, сняв с руля руки. Потом на стенку взлетает девушка. Два мотоцикла кружат по стене, и не поймешь, гонятся ли они друг за другом или летят навстречу. Мужчина с каменным лицом и девушка с застывшей улыбкой. Девушка вроде Шурочки. Ей бы медсестрой работать, а она кружит по стенке. В мире много странного. Один человек варит сталь, другой лечит людей, а третий всю жизнь дрессирует маленьких собачек, а девушка работает на вертикальной стене. Это ее профессия. Когда на стенку с ревом вылетает третий, я сжимаю барьер, а Шурочка мою руку. Потом мы выходим, она говорит:

– У тебя был неменяемый вид. Ты совсем мальчишка. Может быть, ты им завидовал?

– А?

– Ты бы хотел мчаться по вертикальной стене?

– Смотря куда. Если так, как они, по кругу, то не хотел бы. А если...

– Куда?

– Куда угодно, но только не по кругу.

– Так. Сейчас мы пойдем кормить лебедей?

– Шурочка!

– Не смей называть меня Шурочкой!

– Что с тобой?

– Я не хочу, чтобы ты называл меня Шурочкой. Называй Сашей, Сашкой, Александрой, Шуркой, то только не Шурочкой.

– Почему? Боже мой, почему?

– Потому что мы с тобой уже два года ходим в парк, и ты катаешься на «блохе», и пьешь черное пиво, и бьешь молотком по силомеру, и называешь меня Шурочкой.

– Ведь ты любила ходить в парк?

– А теперь не люблю.

В этот момент я вижу все как-то по-новому, словно мне рассказали чужую историю и я могу составить о ней свое мнение.

Над парком пыльное небо, и звезды еле видны, а в реке отражаются все огни Фрунзенской набережной. Кажется, выход один – пуститься в путешествие по речке в неизведанные края, к Киевскому вокзалу.

– Хочешь, прокатимся по реке?

– Хочу, – тихо говорит она.

Мы сидим на верхней палубе на самом носу. Проплывают темные чащобы Нескучного сада. Фермы моста окружной дороги надвигаются на нас, чтобы мы почувствовали себя детьми. Чтобы все осталось позади, а когда над головой простучат колеса, чтобы мы поцеловались.

– Шурочка, – говорю я, и она уже сердится, – Саша, Сашка, Александра, защита диссертации отменяется!

Она вздрагивает.

– Точнее, отодвигается. На год.

Она отодвигается от меня.

– Но у нас ничего не отменяется, – говорю я, и она не отодвигается.

Я привожу к себе свою жену. Папа и мама живут на даче. Они приедут и найдут в доме мою жену. В моей маленькой комнате. Вот здесь я прожил двадцать восемь лет. Приносил со двора гильзы, а из школы дневники с хорошими и отличными отметками. (Правда, иногда учителя писали: «Был невнимателен на уроке».) Потом я принес сюда серебряную медаль. Потом студенческий билет.

Приносил ватерпольные мячи и хоккейные клюшки, буги-вуги на рентгеновских пленках и башмаки на каучуке. Приводил товарищей (дым стоял коромыслом). Приносил повышенную и простую стипендии. Несколько раз приводил девушек, когда родители жили на даче. Принес диплом. Очень хотелось мне принести сюда диссертацию, а потом хотелось принести синенькую тетрадку, но сделать этого я не мог. Нам не разрешается этого делать. Но все-таки и то и другое побывало здесь. Я приносил их сюда в своей голове. И вот теперь я привел в «Барселону» свою жену. Новый повод Димке для рассуждения о моей мещанской судьбе.

– Милый, я так счастлива, – шепчет Шурочка. – Я тебя люблю. Я тебе буду помогать. Ведь теперь тебе легче будет справиться с тем, что ты задумал?

– Конечно, легче. В тысячу раз.

Шурочка стоит у окна. В окно из уличных теснин льется свет газовых ламп.

Я курю на своей тахте и смотрю на силуэт девушки, стоящей в комнате у окна, и я понимаю, что никогда в жизни не буду больше разглядывать ее со стороны и сравнивать с другими. Мне теперь будет достаточно того, что это она и что она рядом.

Утром мы выходим из дома вместе с женой. Во дворе я говорю тете Эльве для того, чтобы вечером знал уже весь дом:

– Тетя Эльва, это моя жена.

– Очень приятно, если законная, – любезно говорит тетя Эльва.

Мы выбегаем на улицу. Солнце! Привет тебе, солнце, если ты законное! Машина поливает улицу. Привет тебе, вода, если ты законная. Эй, прохожие, всем вам привет! Документы в порядке?

Привет тебе, и поцелуй, и все мое сердце, моя еще незаконная жена! Ты уезжаешь в автобусе, а я иду упругим шагом к метро. У меня упругая походка, я чертовски молодой ученый, мне еще нет тридцати лет. Кто меня назовет неудачником? Я самостоятельный, подающий большие надежды молодой ученый. Я сделаю свое дело, потому что люблю все вокруг себя, Москву и всю свою страну. Масса солнца вокруг и воздуха. Я очень силен. Я еду в институт. Я сделаю свое дело для себя, и для всего института, и для своей семьи, и для своей страны. Моя страна, когда-нибудь ты назовешь наши имена и твои поэты сложат о нас стихи. Я сделаю свое дело, чего бы этого мне ни стоило.

В метро люди читают газеты. Заголовки утренних газет:

КУБЕ УГРОЖАЕТ ОПАСНОСТЬ!

АГРЕССИЯ В КОНГО РАСШИРЯЕТСЯ.

В ЛАОСЕ ТРЕВОЖНО.

МЫ С ТОБОЙ, ФИДЕЛЬ!

ПИРАТСКИЕ НАЛЕТЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ ПУТЬ.

В темном окне трясущегося вагона отражаемся мы, пассажиры. Мы стоим плечом к плечу и читаем газеты. Жирные, сухие и такие мускулистые, как я, смешные, неряшливые, респектабельные, пижонистые, мы молчим. Мы немного не выспались. Нам жарко и неловко. Этот, справа, весь вспотел. Фидель, мы с тобой! Пираты, мы против вас. Мы несем Олимпийский огонь.

Я сделаю свое дело. У меня есть голова, мускулы, сердце. У меня есть билет со звездным компостером.

В проходной я сталкиваюсь с Борисом.

– Боб, я женился, – выпаливаю ему в лицо.

– Поздравляю, – кисло мямлит он.

Мы молча идем через двор. Впереди тащится Илюшка. Читает на ходу какой-то ядовитого цвета детектив. Мимо нас проезжает «Волга». За рулем Дубль-ве. Он в темных очках. Я кланяюсь ему очень вежливо:

– Доброе утро, Виталий Витальевич. Царапнули вас немного?

Дубль-ве вылезает из машины.

– Здравствуйте. Черт бы побрал это Рязанское шоссе! Это меня «Молоко» сегодня царапнуло.

Борис приветствует своего начальника коротким кивком. Боря такой, он не станет рассыпаться перед начальником. В.В. берет Бориса под руку, и они задерживают шаги. Я догоняю Илюшку.

– Илья, знаешь, я женился.

– Поздравляю. Свадьба когда?

Хороший парень Илья, только вот беда: не знает, как меня называть, на «ты» или на «вы». Видно, потому, что он монтер, а я как-никак научный сотрудник. Позову его на свадьбу, выпьем на брудершафт.

Борис и Дубль-ве под руку проходят мимо нас. Улавливаю конец фразы Бориса:

– ...чрезвычайно.

Вот черт, сразу же включается в трудовой процесс!

Посидев немного у себя и полистав свежий номер «Экспресс-информации», я иду в рентгеновскую лабораторию узнать насчет диапозитивов.

– Лидочка, можно?

В красноватой мгле появляется лаборантка Лида. Светлые волосы, белый халат и темное лицо. Она сейчас сама похожа на негатив.

– Как там мои картинки?

У нас с Лидой дружба. После меня она лучшая пинг-понгистка института. Она включает проектор и показывает мне мои диапозитивы.

– Высший класс, – хвалю я ее.

– Это что такое, Витя? – спрашивает она.

– Это печень. Печеночные клетки.

– Это Красавица?

– Да.

У Красавицы были печальные глазки, а что она выделявала своими лапками! Она узнавала меня, как человек. Я играл с ней, когда она была не в камере. А когда она была в камере, мне стоило большого труда встретиться с ней взглядом. Смотреть ее печеночные клетки тоже нелегко.

Я выхожу в коридор и неожиданно для себя заворачиваю к кабинету шефа. Секретарша говорит, что я могу войти. Открываю дверь и вижу, что шеф сидит на краешке стола. Он редко сидит в кресле, только когда что-нибудь пишет. А когда разговаривает, он сидит на краешке стола, или на подоконнике, или уж в крайнем случае на ручке кресла. В общем-то он чудак, как почти все руководящие деятели нашего института. Пожалуй, один только Дубль-ве не чудак, но на общем фоне подтянутость и корректность кажутся чудачеством.

– Садитесь, Витя. – Шеф показывает на кресло. Я сажусь и замечаю на подоконнике моего друга Борю. Шеф смотрит на меня, потом на него. – Будем продолжать, Боря, или?.. – спрашивает он.

– Если позволите, я к вам зайду в конце дня.

Борис идет к выходу, даже не взглянув на меня. У меня мелькает мысль, что где-нибудь в другом месте я бы сейчас его не узнал.

– Ну, Витя?

И шеф вдруг садится в кресло.

– Андрей Иванович, я решил к вам зайти...

– Это очень мило с вашей стороны.

– Чтобы поблагодарить за обезьян.

– Пожалуйста, – говорит шеф и молчит.

И я молчу как дурак. Шеф усмехается. Он иногда так усмехается, что хочется ему заехать по физиономии. Я говорю твердо и даже вызывающе:

– И еще я хотел узнать, включен ли мой доклад в повестку сессии.

Я посмотрел на себя в зеркало и спокойно ожесточился. Зеркало мне всегда помогает, когда я растерян, потому что у меня жесткое и грубоватое лицо.

Шеф роется в каких-то бумагах и наконец говорит:

– Да, ваш доклад включен. Выступаете в первый день, после Буркало и перед Табидзе.

– Благодарю вас.

Я встаю и иду к выходу. Не хочешь говорить, ну и не надо.

– Виктор!

Оборачиваюсь. Шеф сидит на краешке стола.

– Хотите попробовать французскую сигарету?

Он позавчера вернулся из Парижа, куда летал на сессию ЮНЕСКО. Я подхожу к столу. От французской сигареты я не откажусь. Кто откажется от французской сигареты! На пачке нарисован петух и написано «Голуаз бле». Страшно крепкие сигареты.

– Ну как там, в Париже? – спрашиваю так, как спросил бы Борьку.

– Да в общем все то же. Развлекаются.

Некоторое время мы молчим. Надо же почувствовать французскую сигарету.

– Послушайте, Витя, – наконец говорит шеф, – у вас полная уверенность?

Я смотрю на себя в зеркало.

– Полная уверенность. Иначе бы я...

– Я к вам не зайду и не буду ничего смотреть. Вы это, надеюсь, понимаете?

– Конечно.

– Да вы ведь и не хотите, чтобы я смотрел, правда?

– Не хочу, Андрей Иванович.

Шеф усмехается:

– Как это все мне знакомо. У меня тоже когда-то наступил момент, когда я стал избегать покойного Кранца.

Он начинает ходить по комнате. Портрет Кранца висит над его столом. Я смотрю на портрет.

– Но ведь вы все-таки остались друзьями с Кранцем. Не так ли?

Опять я делаю ошибку, как и в прошлый разговор с ним. Шеф терпеть не может ничего сладенького. Его прямо всего передергивает.

– Вот что, Виктор Денисов, – резко говорит он, – вы решили стать настоящим ученым? Как ваш руководитель и как коммунист, я приветствую ваш порыв. Ваш доклад поставлен на первый день сессии. Насколько я понимаю, вы будете говорить об очень важной проблеме. Я приветствую вашу смелость и самостоятельность. Но я вас предупреждаю: ученый совет будет слушать во все уши и смотреть во все глаза. И если ваша работа окажется ловким трюком, эффектной вспышкой (а так, к сожалению, бывает нередко, в молодости очень хочется сокрушить пару статуй), тогда мы вас не поощрим. Добросовестных компиляторов еще можно терпеть, но демагогии нет места в науке. Вам все понятно? Идите работать.

Кивнув, я пошел к выходу.

– Хотите еще сигарету?! – крикнул шеф вдогонку.

Хотел бы я посмотреть на того, кто откажется от сигареты «Голуаз».

В коридоре меня встречает Борис.

– Весь наш отдел будет выступать против тебя, – говорит он, – потому что твоя работа – это дешевый трюк.

– Ага, понятно.

– Ты извини, старик, но я тоже буду выступать против тебя.

– А как же иначе? – говорю я, а сам в полном смятении. «Борька, черт побери! Борька, Борька, неужели он все забыл?»

– Ты думаешь, что я боюсь за свою диссертацию, но это не так. Я – за научную честность.

– И я только за нее.

– Сомневаюсь.

– А ты знаешь содержание моей работы?

– В общих чертах.

– Пойдем!

Я хватаю его за руку и тащу в виварий. Красавица-бис висит на хвосте, а Маргарита прыгает из угла в угол, как заведенная.

– Видишь?! – кричу я Борису. – Видишь, они живы! Они побывали в камере, и они живы.

Я смотрю на Бориса, а он смотрит на обезьян. У него стеклянный взгляд. Он смотрит и ничего не видит. Мне становится не по себе, и я ухожу из вивария. Борис идет за мной.

– Витька, я последний раз тебя предупреждаю: сними доклад. Не по зубам тебе это, даже если ты и прав. Дубль-ве – огромный эрудит, сильный боец и в общем-то страшный человек. Он уже все о тебе знает.

– То есть? – Я поражен. – А кто обо мне чего-нибудь не знает? Что ты имеешь в виду?

– Твои настроения в определенный момент. И странные вопросы на семинарах. А помнишь, как ты привел к нам на вечер какую-то крашеную девку? Вы танцевали рок-н-ролл. Дубль-ве уже все это знает и мобилизует общественное мнение. Он всем говорит, что ты морально неустойчив и политически не воспитан...

– А ты с ним согласен?

– В какой-то мере, понимаешь ли, он прав.

– Ах ты...

Резким движением я заворачиваю Борьке руку за спину. Мне хочется выбросить его в окно. Я выпускаю его.

– Слушай, сопля, если бы не эти священные стены... Убирайся!

Вечером я рассказал обо всем Шурочке. Как странно: человек взрослеет, развивается, а ты все еще убеждаешь себя, что он твой друг. И про девку рассказал, с которой танцевал на вечере. Было дело, приводил... И про свои «настроения в определенный момент». И про свои нынешние настроения. Сволочь Борька, сушеный крокодил, у тебя никогда не было настроений! Хорошо крокодилам, особенно сушеным, – могут жить без настроений. Рассказал про весь отдел Дубль-ве, эту фабрику диссертаций. Рассказал про свой доклад и как Дубль-ве подкапывается под меня. И еще рассказал ей о своем настроении – драться! И о своем опасении: вдруг они и шефу закапали мозги? Но ведь он же разберется, он же сможет разобраться. И показал ей звездный билет в окне. И объяснил, что сейчас там хвост Лебеда, хотя был уверен, что там что-то другое. И сказал ей, что это мой билет. И она меня поняла.

У меня горло сжималось, когда я ее целовал. Глаза у нее стали огромными, и я в них пропал.

Глава 10

Мне снятся люди в греческих туниках. Они спустились с потолка и со стен и рассаживаются за столом ученого совета. У них величавые, сугубо древнегреческие жесты. Кто-то разворачивает пергамент. Что-то объявляют обо мне. Гулкий голос в огромном зале. А я сплю. Скандал! Объявили обо мне, а я не могу проснуться.

– Вопиющий факт, – говорит один из них и трясет меня за плечи. – За такие штуки надо морально убивать. Сбрасывать с какой-нибудь скалы в какую-нибудь пропасть.

Не могу проснуться. Устал. Отстаньте от меня вы, греки. Рабовладельцы проклятые! Так трясти усталого человека.

– Нахал ты все-таки, Витька! – говорит мне грек с грузинским акцентом.

Надо мной стоит Табидзе. Шикарно одет. Щеки сизые от жестокого бритья.

– Царствие небесное ты так проспишь, душа любезный, – говорит он.

Я смотрю на него и некоторое время ничего не могу понять. Табидзе общедоступно поясняет мне, что через полчаса начинается сессия, на которой будет слушаться мой доклад, что он пришел оказать мне моральную поддержку (по поручению комитета ВЛКСМ), но он не думал, что ему придется выводить меня из ступорозного состояния.

Научная сессия для любого института – это праздник. Перед началом все в черных костюмах гуляют в вестибюле. Функционирует великолепный буфет. Коридор радиофицирован, так как мест в зале не хватает. Кроме наших сотрудников здесь полно гостей.

Неожиданно носом к носу сталкиваюсь с Дюлой Шимоди, своим однокурсником. Он приехал из Будапешта вместе с женой, Верой Стрельцовой. Было очень забавно встретить их здесь в качестве иностранных гостей.

И вот, когда звонит звонок, меня начинает мутить от страха, и, вместо того чтобы идти в зал, я бегу в буфет. Один за другим съедаю пять бутербродов с красной икрой и выпиваю три стакана кофе. Слушаю по радио, как шеф открывает сессию, и торжественные речи разных уважаемых особ. Есть уже не могу. Выхожу из буфета, медленно поднимаюсь по лестнице. Сегодня ее покрыли красным ковром. Читаю стенгазету «В космос!». Она висит еще с майских праздников, и в ней карикатура на меня. По доводу моего увлечения пинг-понгом. Очень похоже, но надоело.

В коридоре сидят и стоят люди в черных пиджаках. Я иду по коридору тоже весь в черном. Белый платочек в нагрудном кармане. Меня можно снимать в кино. Захожу в туалет. И здесь слышны речи. Почему-то шипит озонатор. По-моему, он не должен шипеть. А может, так ему и полагается шипеть? Надо выкурить сигарету. Теперь долго не покуришь. Можно и две. У меня оказывается только одна. Вынимаю монетку. Может быть, подбросить? Поздно. Я сделал это два месяца назад. Но та монета так и лежит под холодильником, и я не знаю, как она упала: орлом или решкой? Я выхожу из туалета и протискиваюсь в зал.

На трибуне Дубль-ве. Почему-то я сразу успокаиваюсь, глядя на него. Я вспоминаю третий курс. Он тогда был доцентом и читал нам лекции по патофизиологии. Очень хорошие лекции, по ним было легко готовиться к экзаменам. Я вспоминаю, как один парень его спросил относительно кибернетики в медицине. Дубль-ве не растерялся и сказал, что кибернетика – это лженаука и мы должны ее презреть. Рассказал пару анекдотов из «Крокодила» насчет кибернетики. Мы были рады и смеялись. А сейчас Дубль-ве у нас главный дока по кибернетике.

Дубль-ве в очень строгих академических тонах расписывает великие деяния своего отдела. Называет имена особо выдающихся сотрудников. Разумеется, и Бориса. Он действительно очень толковый, мой бывший друг Боря. Дубль-ве рассказывает о диссертациях

своих птенцов. Это его любимый конек. Потом он очень академично начинает превозносить нашего шефа. Говорит, что под его личным руководством отдел идет к стоящей перед всеми нами цели. И наконец, он говорит кое-что обо мне:

– Товарищи, все сотрудники нашего отдела ясно представляют себе эту цель и уверены в правильности пути, по которому мы к ней идем. В этой связи мне хотелось бы сказать о некоторых молодых и очень, подчеркиваю, очень талантливых ученых, которые, попав в плен модных концепций, вообразили себя новаторами. Вольно или невольно, но эти лица расшатывают основы нашей программы и сами сбивают себя с единственного истинного научного пути.

Он сходит с трибуны и занимает свое место в президиуме. Пожимает руку какому-то вновь прибывшему начальнику, закидывает ногу на ногу. Я смотрю на публику в зале. Кое-кто из посвященных тонко улыбается.

Дальше все идет чинно, благородно и на высоком научном уровне. Выступают разные люди. Временами в зале гаснет свет – показывают диапозитивы и маленькие фильмы. Временами зал начинает гудеть. Я не понимаю, из-за чего поднимается гудение, и не улавливаю смысла докладов и фильмов. Я стою в толпе черных пиджаков и слушаю стук своего сердца. Иногда заглядываю в программу. Выступает Осипова, потом Штрекель, Павлов, Иваненко, Буркало... Встает шеф.

– Сейчас выступит с докладом младший научный сотрудник института Виктор Яковлевич Денисов. Регламент – тридцать минут.

Я на трибуне. Прикован к трибуне всем на обозрение. Всегда боялся трибун. Даже в студенческой группе, когда подходила моя очередь делать политинформацию, я заикался и ощущал провал в памяти. А сейчас я на трибуне в большом зале. На меня смотрят греки со стен и с потолка. В президиуме переговариваются. Непроницаемое лицо бывшего друга Бори. Нервная улыбка Табидзе. В середине зала возле проектора кивает головой Лида. Дюла Шимоди и Вера Стрельцова, уважаемые иностранные гости, весело глядят на меня. Илюшка в дверях поднимает над головой сжатые ладони. В Голицыне волнуются родители. Шурочка все-таки опоздала. В Эстонии ничего не знает Димка. И все они глядят на меня. Я на трибуне. Я читаю свой доклад, не понимая его смысла. Я мог бы произнести его наизусть, как стихотворение «Поздняя осень. Грачи улетели». Я знаю, в каких местах надо повысить голос и где секунду помолчать, я делаю все это автоматически. Гаснет свет. Световой указкой я комментирую диапозитивы и схемы. Приносят обезьян. Я показываю Красавицу-бис и Маргариту, рассказываю, как они вели себя в камере, читаю сравнительные результаты анализов и т. д. Вдруг я страшно оживляюсь и начинаю крутиться на трибуне. Бессмысленно улыбаюсь. Вижу стол президиума и лицо шефа. Он подмигивает мне и прячет улыбку, наклоняя голову. Дубль-ве что-то пишет. Все. Я кончаю доклад, а в запасе еще пять минут. Мне нужно поклониться и уйти. Зал уже загудел. Илюшка показывает мне большой палец и накрывает его ладонью. Табидзе кивает, Лида кивает, Дюла и Вера тоже кивают. Греки вроде тоже кивают. Очертя голову, я наклоняюсь к микрофону:

– Товарищи! Я знаю, что моя работа противоречит многим солидным трудам и, может быть, даже ранит чье-то самолюбие. Но я считаю – и думаю, что со мной согласятся все, – что во имя нового мы должны научиться приносить жертвы. Новое – это риск. Ну и что? Если мы не будем рисковать, что будет с делом, которым мы занимаемся? Наше дело не терпит топтания на месте, и наш институт – это не фабрика диссертаций. (Это уж слишком.) Новое все равно пробьет себе дорогу. Так во всем. Возьмите футбол. (С ума я сошел.) Когда-то система «дубль-ве» считалась прогрессивной, но сейчас она устарела.

В зале хохот. Смеются аспиранты на балконе, Илюшка держится за живот. Лида уткнулась в колени. Табидзе закатывается.

Шеф разъяренно гремит звонком.

– Новое победит! – говорю я, чувствуя, что погиб, и схожу в зал. Идиот, последний идиот, ради дешевой остроты погубил свою работу.

После меня выступает Табидзе, и объявляется перерыв. В перерыве я не обедаю, а брожу по коридору и без конца стреляю сигаретки. Аспиранты хлопают меня по спине:

– Молодец! Здорово ты его! Будет помнить. Не те сейчас времена, чтобы так давить.

– Не те, это точно, – вяло говорю я и опять куда-то иду. Передо мной вырастает шеф.

– Идите-ка со мной, – говорит он и идет в свой кабинет. – Что это за мальчишество? Что это за пижонство? Тоже мне трибун! Что вы берете на себя? Виталий Витальевич – ученый с мировым именем...

– Подождите, Андрей Иванович, – говорю я нагло (мне уже нечего терять). – Я вас спрашиваю как коммуниста: прав я или нет? Разве можно допустить, чтобы наша наука превратилась в тихую заводь, где будут размножаться дипломированные караси?

И шеф вдруг смеется и кладет руку мне на плечо:

– Чудак ты, Витя. Вообразил себя Аникой-воином. Ту-ру-ру – трубы трубят. Против меня целое войско, а я один, зато храбрый. Погибаю, но не сдаюсь. Ладно. Ты сделал свой доклад – и все. Зачем этот жалкий пафос в конце? Ты как будто принял вызов на участие в грязной анонимной дуэли. Зачем? Твой доклад сказал сам за себя.

Шеф ходит по кабинету.

– А в общем, я рад. Четыре года назад я смотрел на тебя и тебе подобных со смутным чувством. Я не понимал вас. Чего они хотят? Только гаерничать и во всем сомневаться? Теперь я, кажется, вижу, чего вы хотите. В общем-то того же, чего хочу и я.

В коридоре слышен звонок. Начинаются прения по докладам. Шеф говорит:

– А я сначала не понял, отчего такой хохот. Потом мне объяснили. Дубль-ве. Все-таки это возмутительно. Интересно, как меня называют в институте?

– Вас так и называют – «шеф», – говорю я, – а иногда «батя», а иногда «слон». По-разному.

– Ладно, пошли – усмехнулся он. – Я первый выступаю в прениях.

Часть IV Колхозники

Глава 11

Я колхозник. Нет, вы подумайте только: я стал колхозником, самым настоящим! В конторе мне начисляют трудовни, Алик и Юрка тоже колхозники. Если бы год назад нам сказали, что мы станем колхозниками, мы бы, наверное, тронулись. В «центре» ребята ругаются: «Эй, деревня!», «Серяк», «Красный лапоть» и так далее. Я был «мальчиком из центра», а теперь я колхозник.

Я вспоминаю то время, когда наша компания стала распадаться. Юрка бурно прогрессировал в баскетболе. Алька каждый вечер торчал у Феликса Анохина, где читали стихи. Галка кривлялась в драмкружке, а я остался один и стал «мальчиком из центра». Потом мы снова сплотились во время экзаменов. А теперь я колхозник, «серяк», «красный лапоть», как говорят эти подонки. Много они понимают!

Честно говоря, я вовсе не ликую, что я сейчас колхозник-рыбак. Не могу сказать, что сбылась моя голубая мечта. Моя мечта. Что это такое? Я сам не знаю. Мама мечтала, чтобы я стал врачом. Папа почему-то твердил, что с нас хватит врачей, пусть Дима будет адвокатом. Традиционные интеллигентские мечты. Чтобы я стал адвокатом?! И разве мечта – это выбор профессии?

Надо попробовать по порядку. Первую ночь после приезда в этот колхоз мы ночевали в палатке, а утром явились в правление. Председатель был толстый и добродушный дядька, эстонец. Мы подметили в нем одну особенность. По-русски он говорил прилично, но какими-то газетными фразами. Видимо, учил язык в основном по газетам. Я подумал, что, если все эстонцы говорят здесь на таком языке, мне придется туго. Прямо скажу, я не особенно понимаю этот язык. Русских в колхозе не меньше, чем эстонцев. Колхоз огромный. Он простирается километров на двадцать по побережью и объединяет три или четыре поселка. Промышляют в основном рыбой, овощами и молоком.

Нам дали койки в общежитии для рыбаков. Зачислили нас матросами на сейнеры, но оказалось, что наши сейнеры еще не пришли в колхоз. Их арендовали совсем недавно. Кроме этих новых сейнеров в колхозе было еще два старых и штук пятнадцать мотоботов, но там экипажи были уже укомплектованы. Два дня мы болтались просто так, а потом нас стали использовать.

Меня направили на стройку. Не правда ли, громко звучит? Меня направили на строительство здания для фермы черно-бурых лисиц. Колхоз решил поднажиться на лисицах, и я должен был строить ферму.

В бригаде были русские и эстонцы. Бригадир, типичный эстонец в типичной эстонской шапке, показал мне, что делать, и я стал это делать. Я подавал кирпичи на ленту транспортера. Сложнейший трудовой процесс! Берешь два кирпича, кладешь их на ленту, снова берешь два кирпича и опять кладешь их на ленту. Кирпичи торжественно плывут вверх и там превращаются в стену. Мы строим ферму для лисиц. Берешь два кирпича, кладешь на ленту. Берешь два кирпича, кладешь на ленту. Придумали же люди эту дьявольскую штуку – ленточный транспортер. Он не ждет. Берешь два кирпича, кладешь их на ленту. Берешь два кирпича, кладешь их на ленту. Внизу кирпичей становится все меньше, а стена чуть повыше. Для вас, лисички. Берешь два кирпича, кладешь их на ленту. Берешь два кирпича, кладешь их на ленту.

Неподалеку какой-то детина вяло ковыряет ломом старую стену. Ее надо снести, чтобы очистить место. Дитина осторожен, боится падающих обломков.

После перекура я попросил бригадира поменять нас местами с тем детиной. Он предупредил, что это очень трудно – ломать такие стены, но я сказал:

– Ничего, это по мне.

Дитина, видимо, очень доволен. Он берет два кирпича и кладет их на ленту, берет еще пару и кладет на ленту. И я доволен. Я бью ломом в старую стену, чертовски крепкую стену. Молочу по кирпичам и между ними. Раз, раз, два и три! Я бью в стену, стоя на месте и с разбега, как в своего векового врага. Я остервенел и бью, бью, бью. С грохотом падает и рассыпается огромный кусок стены. Подходит бригадир. Он не понимает, что со мной.

А я бью ломом в старую стену, которая никому не нужна.

Бью ломом в старую стену!

Бью ломом!

Бью!

Может быть, вот оно – бить ломом в старые стены? В те стены, в которых нет никакого смысла? Бить, бить и вставать над их прахом? Лом на плечо и – дальше, искать по всему миру старые стены, могучие и трухлявые и никому не нужные? Лупить по ним изо всех сил? Это не то, что класть кирпичи на бесконечную ленту.

Весело в прахе и пыли с ломом шагать на плече.

Расчищать те места на земле, где стоят зыбучие старые стены.

К концу рабочего дня я сломал всю стену до основания. Я стоял на груде битого кирпича и курил. Рядом в сумерках белела новая стена. Я подумал, что завтра будет веселее класть кирпичи на ленту. Сам не понимаю почему, но так я подумал.

Наконец пришли сейнеры. Нас освободили от подсобных работ, и мы помчались на третий причал. На причале уже околачивалось много народу. Здесь был председатель колхоза, его заместитель и старший капитан колхозной флотилии старикашка Кууль. Незнакомые нам здоровенные ребята уже бродили по палубам сейнеров. На причале вертелись девчонки в комбинезонах. Две-три из них определенно заслуживали внимания. Я сказал об этом Юрке и Алику. Они согласились. Чудаки, неужели они думают, что я всю жизнь буду сохнуть по Галке? Я ведь не Пьеро какой-нибудь, я человек вполне современный.

Галдеж на причале стоял страшный. Мы присели на ящике немного в стороне от публики, закурили и стали посматривать. Море было веселое. Бугристое, холмистое, местами черное, местами зеленое. Все было в движении: тучи двигались в Финляндию, сейнеры покачивались в маслянистой воде, на мачтах текли флаги, недалеко от берега шkodничала орда чаек, старикашка Кууль бегал от сейнера к сейнеру и махал руками, девчонки то сбились в кучу, то разбегались в разные стороны. В общем, было весело.

Мне стало так весело, как не было весело уже давно. Я очень обрадовался, потому что, когда мне весело, я обо всем забываю и не думаю о том, что еще будет когда-то.

Алик прочитал стихи Маяковского:

Идут, посвистывая,
отчаянные из отчаянных.
Сзади тюрьма.
Впереди – ни рубля...
Арабы, французы, испанцы и датчане
Лезли по трапам
Коломбова корабля.

Все-таки это очень здорово – к месту и не к месту вспоминать стихи. Я обязательно буду теперь запоминать как можно больше стихов.

Юрка сказал:

– Хорошо бы нам попасть на одну коробочку.

Так он и сказал: «коробочку». Старый морской волк Ю. Попов.

Мне стало совсем весело, когда я вдруг увидел железного товарища Баулина. Он был в синем заграничном плаще, в фуражке с крабом. Не знаю, почему мне стало еще веселее, когда я его увидел. Вообще-то я не очень люблю таких, как он, железных товарищей. Я сказал ребятам:

– Смотрите, сам адмирал Баулин.

Юрка закричал:

– Эй, Баулин! Игорь!

Баулин довольно равнодушно помахал нам рукой. Потом мы увидели, что весь генералитет смотрит на нас. Старикашка Кууль ласково поманил нас к себе. У него был такой вид, словно он хочет рассказать нам сказку. Мы подошли. Юрка шел враскачку, засунув руки в карманы. Заместитель председателя сказал:

– Значит, это наши молодые рыбаки.

Председатель сказал:

– Товарищи молодые рыбаки, на вас возлагается задача...

Вот излагает! Не говорит, а пишет. Все как в газетах: «Председатель колхоза, крижистый, сильный, строго, но со скрытой смешинкой посмотрел на молодых рыбаков и просто сказал:

«Товарищи молодые рыбаки, на вас возлагается задача...»»

Оказалось, что на нас возлагается задача заново покрасить борта и рубку «СТБ-1788». Два других сейнера выглядели, как новенькие, а «СТБ-1788» был весь обшарпан и ободран, как будто участвовал в абордажных боях. И на нас, стало быть, возлагалась задача его покрасить.

– А плавать-то мы будем? – спросил я.

Старикашка Кууль ласково покивал. Дескать, будет вам и белка, будет и свисток. Заместитель председателя крикнул:

– Баулин!

Подошел Игорь.

– Денисов, это ваш капитан. Будете плавать с ним на «СТБ-1788».

– Мне повезло, – сказал Игорь и усмехнулся.

Сколько сарказма! Боже, сколько сарказма! Он думает, что мне улыбается плавать на судне с роботом вместо капитана. У людей капитаны как капитаны – белобрысые, огромные, добродушные. Переминаются с ноги на ногу. А мне опять не повезло, на этот раз с капитаном.

Потом все командование ушло с причала. Ушли и ребята с сейнеров. Остались только мы трое да еще двое эстонских парнишек. Остались также и девчонки. Они сели на доски и стали привязывать к сетям какие-то стеклянные шары. Я подошел к девчонкам и сказал тем двум-трем заслуживающим внимания:

– Как тут у вас в клубе? Что танцуете?

Девчонки захихикали и что-то залопотали, а одна из тех двух-трех потупилась. Я ее спросил:

– Вас как зовут?

Нечего с ними церемониться. С некоторых пор я понял, что с девчонками нечего церемониться.

Она ответила:

– Ульви.

Это мне понравилось. Ульви – это звучит. Ульви Воог – есть такая чемпионка по плаванию.

– Ульви – это звучит, – сказал я, – а меня зовут просто Дима.

Я вернулся к своим ребятам и небрежно бросил:

– Подклеил одну кадришку.

Ребята сидели на ящиках и смотрели на меня, как волки-новички в зоопарке.

– Правда, ничего себе кадришка? – спросил я. – Ее зовут Ульви.

– Иди ты, Димка, знаешь куда! – пробормотал Алька и отвернулся.

– Видал? – сказал я Юрке и насмешливо кивнул на Алика.

– Да брось! – буркнул Юрка и отвернулся.

– Пошли красить! – гаркнул я.

Нет, черти, вы мне настроения не испортите. С каждой минутой мне становилось все веселее и веселее.

Мой ободранный корвет «СТБ-1788» некогда был покрашен в черный и желтый цвета, как и все эти маленькие сейнеры. Борта черные, а рубка желтая – довольно мрачный колорит. Не мог я красить борта черной краской, когда такое веселье в душе. Эстонские парнишки мазали в это время ведра яркой, как губная помада, красной краской.

Алик и Юрка сразу подхватили мою идею покрасить борта сейнера в красный цвет. Антс и Петер долго не понимали, а потом захохотали, сбегали куда-то и принесли несколько ведер красной краски. Мы стали красить сейнер. Петер трудился на причале. Юрка сидел под настилом и красил внизу до ватерлинии, а мы втроем, Антс, Алик и я, стояли в лодке с наветренной стороны и яростно малевали другой борт.

В общем, жутко весело было, и я представлял, что случится с моим железным капитаном Игорем Баулиным, когда он увидит свой красный корабль. Его хватит удар. Его переведут на инвалидность, и он будет сидеть дома и без конца писать письма в газету. А нам дадут другого капитана.

Было очень ветрено. Чайки кричали, как детский сад на прогулке. Здорово пахло йодом, какой-то гнилью и краской. «СТБ-1788» будет красным, как помидор, как платочек на голове Ульви, как губная помада у всех этих.

Может быть, красить все вот это красным? Все черное перекрашивать в красное? Ходить повсюду с ведром и кистью и, не давая никому опомниться, все черное перекрашивать в красное?

Утром с пригорка я увидел, как покачивает мачтами мой красный сейнер, и сразу же его полюбил.

Старикашка Кууль разошелся. Он махал руками перед моим носом и кричал:

– Курат! Что ты наделал, Денисов! Что ты наделал! Что скажет морской регистр? Он не пустит судно в море. О, курат!

– Успокойтесь, капитан Кууль, – успокоил я его. – Не все ли равно морскому регистру – красный сейнер или черный? Все остальное ведь в порядке. Рыбу он ловить будет и красный. И может быть, даже лучше, чем все черные.

– Ты ничего не понимаешь! Мальчишка! Глупый!

Я отошел от разъяренного Кууля. «Ты-то что понимаешь? – хотелось мне сказать ему. – Тебе лучше сказки детям рассказывать, чем командовать флотилией».

Пришел Баулин и стал дико хохотать. С ним действительно чуть удар не случился. Он стал красным, как сейнер.

– Автобус, – шептал он. – Типичный автобус.

Сейнер все-таки пришлось перекрашивать заново.

Потом нас послали в парники чинить рамы, так как еще в школе мы получили квалификацию плотников 3-го разряда.

С нами стали здороваться каменщики, рыбаки и овощеводы. Это было приятно. Мне почему-то было приятно работать в колхозе где попало: и красить, и ломать стены, и чинить парниковые рамы, и даже, черт побери, класть кирпичи на ленту транспортера. Гораздо приятней было работать в колхозе, чем в школе на уроках труда. Может быть, это потому, что здесь тебе не вкручивают день-деньской, что ты должен развивать в себе трудовые навыки.

Нестерпимыми были вечера. Алик все стучал на машинке. Юрка каждый вечер писал письма Линде. Иногда мы болтали. Так, на разные темы, как всегда. Попозже шли в клуб, смотрели старые фильмы с субтитрами на эстонском языке. После кино в клубе немного танцевали. Я тоже танцевал с Ульви. Мне скучно было танцевать, и я все уговаривал ее: пойдём погуляем. Но она не шла, и я уходил один.

Я попадал в ночь и оставался наедине сам с собой. Я мог бы остаться там, где светло, или пойти в кофик, или на берег, где все-таки видны огоньки проходящих судов, но я сознательно уходил в самые темные улицы, а из них в лес. Садился на мокрые листья в крошечной тьме. Надо мной все шумело, а вокруг слабо шуршала тишина. Я думал, что здесь меня может кто-нибудь довольно легко сожрать. Я сознательно вызывал страх, чтобы не сидеть тут в одиночестве. Страх появлялся и уходил, и меня охватывала тоска, а потом злоба, презрение и еще что-то такое, от чего приходилось отмахиваться.

Я ни о чем не вспоминал, но все равно возникала Галя. Она шла, светлая, легкая, золотистая, – мой мрак. Я думал о том, что она сейчас в Ленинграде и с ним и, наверное, останется с ним навсегда, что он, должно быть, действительно такой, как она говорила, а я ничтожество. Я думал о себе. Что же я значу? Чего я хочу? Неужели ничего не значу, неужели ничего не хочу? Неужели предел моих мечтаний – стойка бара и блеск вокруг? Игрушечный мир под нарисованными звездами? Вся моя смелость здесь? Рок-н-ролл? Чарльстон? Липси? Запах коньяка и кофе? Лимон? Сахарная пудра? Вся моя смелость... Орел или решка? Жизнь – это партия покера? А флеш-рояль у других?

Нет, черт вас возьми, корифеи, я знаю, чего я хочу. Вернее, я чувствую, что где-то во мне сидит это знание. Я до него доберусь! Когда-нибудь я до него доберусь, но когда? Может быть, в старости, годам к сорока? Я уже что-то нащупываю. Красить все красным? Бить ломом в старые кирпичи? Что-то чинить? Класть кирпичи на ленту, в конце концов? Это, но это не все. Главное прячется где-то во мне. Галя, с тобой мне было легко. С тобой я ничего не боялся и ни о чем не думал. Где ты, мой мрак, тоска моя? Легкая и золотистая... Дрянь проклятая, не попадайся мне на глаза!

Мокрые листья прилипали к штанам и рукам. Все было мокрым в этом осеннем лесу. Я был весь мокрый. Лицо мое было мокрым. Спички, к счастью, не мокрые. Я закуривал и курил десять штук, не вставая с места, одну за другой.

А с ребятами мы болтали. Так, на разные темы, как всегда. Они вроде презирали меня за то, что я приставал к Ульви. Они, оказывается, моралисты... Дорогие мои друзья! Вы спасли меня не так давно от чего-то самого страшного, то ли от трусости, то ли от ночного убийства. В общем-то и я, наверное, моралист, иначе я не принимал бы всей этой любовной истории всерьез. Суперменом зовут меня Витька. Я супермен-моралист.

По субботам Юрка уезжал в Таллин. Он сидел из-за этих поездок без денег, и мы кормили его.

Путина началась в середине сентября. Мы вышли в море. За несколько дней до этого капитан Баулин впервые собрал свой экипаж на борту сейнера. Тогда я со всеми познакомился. Вот он, наш экипаж:

1. Капитан Баулин – железный человек со стальными челюстями и железобетонной логикой. 27 лет. Женат. Ко мне относится враждебно.

2. Помощник капитана Ильвар Валлман. Толстый, большой и курчавый. Постоянно трясется в немом смехе. Лет тридцать. Кажется, зашибает. Мы с ним поладим.

3. Механик Володя Стебельков, рыжий, румяный, веселый. Гармонь бы ему, а он все травит анекдоты. Любимое словечко – «сплошная мультипликация». Это когда что-нибудь не нравится. 26 лет. Будем дружить.

4. Моторист Петер Лооминг. Красивый малый. 20 лет. Мы с ним красили сейнер.

5. Тралмейстер Антс Вайльде. Совсем красивый малый. 23 года. Мы с ним красили сейнер.

6. Матрос Дмитрий Денисов. Это я. Правой рукой выжимаю 60.

Сейнер наш имеет 16 метров в длину, 4 в ширину. Скорость – 7 узлов. Кубрик на 6 коек, трюм, машина, рубка, галюн.

Собрав нас на палубе, капитан Баулин сказал:

– Ребята...

Это он хорошо сказал: «Ребята». Не ожидал я, что он скажет «ребята».

– ...через три дня мы выходим. Метеосводка на сентябрь хорошая. Пойдем к Западной банке, посмотрим там. Если там не густо, на следующий день пойдем к Длинному уху. Эхолот нам так и не поставили. На 93-м поставили эхолот, но мы их все-таки постараемся обставить и без эхолота.

В общем, он говорил по существу. Потом мы спустились в кубрик и распили на шестерых две поллитровки. Кто их там припас, не знаю. Наверное, Ильвар. Я разошелся, без конца травил анекдоты. Довел Володю до того, что он стал икать. Потом мы сошли с сейнера и решили добавить. Пошли в колхозный кофик и там добавили. В кофике были Алики и Юрка. Они сидели каждый со своей командой и, по-видимому, тоже добавляли. На Алике лица не было. Не знаю, как он будет плавать: ведь он не переносит алкоголя. А рыбаки пьют «типот», как сказал мне Ильвар. Вообще было как-то забавно, что мы сидели в разных концах зала каждый со своим экипажем. Почему-то мне стало грустно из-за этого. А потом мы сдвинули столики и посидели немного все вместе, восемнадцать рыбаков с сейнеров «СТБ». Потом мы пошли в клуб и ввалились туда всей толпой – восемнадцать здоровенных рыбаков. Несколько минут мы стояли у двери, и все смотрели на нас, словно никто не узнавал. Как будто мы чем-то отличались от всех других парней, мы, восемнадцать рыбаков с сейнеров «СТБ».

В зале было светло и играла какая-то музыка. Потом какая-то музыка кончилась, поменяли пластинку, и несколько мужских голосов тихо запели: «Комсомольцы-добровольцы...» Я люблю эту песню. То есть я люблю, что ее начинают тихие мужские голоса. Если бы ее исполняли иначе, я бы, наверное, ее не любил. Терпеть не могу, когда орут, словно их распирает:

...Солнцу и ветру навстречу,
На битву и радостный труд...

Так и видишь этих холеных бодрячков в концертных костюмах. Энтузиазм их распирает, солнцу и ветру навстречу они шагают, трясая сочными телесами. Расправляют упрямые жирные плечи. Я не верю таким песням. А вот таким, как эта, верю. Чувствуется, что поют настоящие ребята. Не надо литавр, хватит с нас и гитары.

В тот вечер Ульви наконец согласилась пойти со мной погулять. Я повел ее на берег. Тучи покрывали все небо, но на горизонте была протянута широкая желтая полоса. Она

освещала море. Волны перекатывались гладкие, словно какие-то юркие туши под целлофаном. Было похоже на картину Рокуэлла Кента.

Мы с Ульви сели на перевернутую лодку. Ульви попросила у меня сигарету. Ишь ты, она курит. Колени у Ульви были круглые, очень красивые. Когда она докурила, я полез к ней.

– Ты меня любишь? – спросила она чрезвычайно строго.

О, еще бы! Конечно, я ее люблю. Я ведь человек современный, люблю всех красивых девушек. В Эстонии я люблю Ульви, а попаду на Украину, полюблю Оксану, а в Грузии какую-нибудь Сулико, в Париже найду себе Жанну, в Нью-Йорке влопаюсь в Мэри, в Буэнос-Айресе приударю за Лолитой. Вкусы у меня разносторонние, я человек современный.

Сейчас я люблю Ульви, но почему-то молчу как дурак.

Она вскочила с лодки и отбежала на несколько шагов.

– А я тебя люблю! – с отчаянием крикнула она. – Почему? Не знаю. Увидела тебя и люблю. – И что-то еще по-эстонски. И побежала прочь. Я ее не догонял.

В общем, в таких вот делишках мы и проводили время в колхозе «Прожектор», когда наконец началась путина и мы вышли в море.

Мы выходили ранним утром, в сущности, еще ночью. В чернильном небе болтался желтый фонарь. Наши ребята ходили по палубе и разговаривали почему-то шепотом. И капитан отдавал приказания очень тихо:

– Петер, запускай машинку. Дима, прими швартовы.

Я принял швартовы и обмотал их вокруг кнехтов. Дальше я не знал, что делать, и стоял как истукан. А ребята тихо топали по палубе и натывались на меня. Но не ругались.

Мимо нас прошел черный контур Юркиного «СТБ-1793». Алькин «СТБ-1780» отвалил позже нас. Капитан ушел в рубку, а я все не знал, что мне делать. Вдруг я заметил, что стою на палубе один. Я спустился в кубрик и увидел, что ребята укладываются на койки.

– Занимай, Дима, горизонтальное положение, – сказал Стебельков. Он был уже в одних кальсонах. Мне это показалось диким – спать, когда судно выходит в море, но, чтобы не выделяться, я тоже лег.

Конечно, я не спал. Я слушал стук мотора, и мне хотелось наверх. Через полтора часа надо мной закачались грязные ноги с обломанными ногтями. Качались они долго. Меня чуть не вывернуло от этого зрелища. Потом вниз сполз помощник капитана Ильвар Валлман. Он поковырялся в банке с мясными консервами, достал из-под стола бутылку, хлебнул, натянул штаны, сапоги и гаркнул:

– Подъем!

Я сразу же вскочил и полез наверх.

Было совершенно светло. Наш сейнер шел к какому-то длинному острову, на конце которого белел одинокий домик. За стеклом рубки я увидел задумчивое лицо Баулина. Он что-то насвистывал. Сейнер шел ровно. Море было спокойное, чуть-чуть рябое. Оно было серое и словно снежное. Далеко-далеко, пробивая тучи, в море упиралась тренога солнечных лучей. Я прошел на самый нос и задохнулся от ветра. Вот это воздух! Чем мы дышим там, в Москве? Я взялся за какую-то железку (я еще не знал толком, как тут все называется) и широко расставил ноги. В лицо и на одежду попадали брызги. Слизнул одну со щеки – соленая! Я поразился, как все сбывается! Душным вечером в «Барселоне» я представил себе этот день, и вот он настал. Если бы в жизни все сбывалось, если бы все шло без неожиданностей! Впрочем, нет, скучно будет.

Быть мне просоленным. Некоторые, те, что меня за человека не считали, в один прекрасный момент посмотрят: а я просоленный.

– Эй, Дима! – заорал сзади Ильвар. – Давай!

Он сам, Антс и Володя опускали подвешенный к стреле трал. На маленьких сейнерах все, кто свободен от своих основных обязанностей, возятся с тралом. Я подключился. Это была моя основная обязанность. Мы сбросили за борт сеть и осторожно опустили стеклянные шары-кухтыли. Потом сняли и опустили в воду траловые доски. Я суетился, потому что хотел сделать больше всех. Антс и Ильвар что-то быстро-быстро говорили по-эстонски и смеялись. Надо будет взяться за эстонский, а то наговорят тут про тебя, а ты и знать не будешь.

Кухтыли удалялись от судна, как команда дружных пловцов. Стебельков включил механическую лебедку. Готово, трал опущен. Ребята опять поперлись спать. Баулин тоже спустился в кубрик. За штурвал встал Валлман. Я опять не знал, что мне делать.

Остров с белым домиком остался за кормой. Он лежал теперь сзади темным силуэтом, похожий на всплывшую подводную лодку. Слева по борту приближался другой островок. Там стоял красный осенний лес. А трава под деревьями зеленая, какая-то очень свежая. Кажется, на этом острове не было ни души. Хорошо бы здесь немного пожить! Пожить здесь немного с кем-нибудь вдвоем.

Я вытащил на палубу ведро картошки и стал ее чистить. Это тоже было моей прямой обязанностью – готовить для всей кодлы обед. Сейнер шел очень медленно, с тралом он давал всего два узла. Это мне объяснил Валлман. Он вылез из рубки и разгуливал по палубе. Никогда не думал, что именно так ловят рыбу: капитан и команда спят, а рулевой разгуливает по палубе.

Наконец мы обогнули лесистый островок. Впереди было открытое море. И тут я почувствовал качку. Ничего себе, качает немного, и все. Даже приятно.

Ильвар крикнул в кубрик:

– Подъем!

Стали вылезать заспанные ребята. Появился капитан. Володя пустил лебедку. Она издавала дикие звуки. Все встали у правого борта. Я тоже встал. Я был благодарен ребятам за то, что меня никто не учит. Я очень боялся, что меня все начнут учить, особенно Игорь. Хватит уж, меня учили. Игорь влез в рубку. Судно стало делать поворот. Все смотрели в воду, я тоже смотрел. Немного кружилась голова. В бутылочного цвета глубине появились траловые доски.

– Аут! – гаркнул Антс.

– Аут! – гаркнул я.

Никто не засмеялся.

Лебедка – стоп. Дальше пошло вручную. Мы подтянули и закрепили траловые доски. Всплыли кухтыли. Мы осторожно подняли их и стали тянуть сеть.

Я очень напрягался. Я не знал, надо ли напрягаться, но на всякий случай напрягался.

Появился траловый мешок. Его прицепили к стреле и подняли в воздух. Это был сверкающий шар. Там трепетала килька. Взбесившаяся шайка чаек пикировала на трал и взмывала вверх. Пираты, романтическая банда. Она верещала и сгибала голову. Это был «мессершмитт», объединенный в одно с летчиком.

Рыбу высыпали, и она усеяла всю палубу. Мы стояли по щиколотку в кильке, а она билась вокруг.словно серебряная трава под сильным ветром в степи. Потом мы стали укладывать кильку в открытые ящики. Надо было брать каждую рыбку в отдельности, для того чтобы удостовериться, что это именно килька, а не салака, и не минога, и не кит, в конце концов.

Детки, там, в Москве, когда вы на октябрьские праздники полезете с вилками за килечкой, кто из вас вспомнит о рыбаках?! И не надо, не вспоминайте.

Я сварил ребятам обед – щи из консервов и гуляш с картошкой. Впятером мы сели за стол. Я очень волновался. Валлман опять вытащил бутылку, а Стебельков сказал, потирая руки:

– Дух, Дима, от твоего варева чрезвычайный.

Он проглотил первую ложку, вылупил глаза и даже посинел.

– Что такое, Володя? – спросил я. – Обжегся?

– Зараза ты, – ласково сказал он и стал есть.

Ребята-эстонцы после первых глотков засмеялись, а Антс хлопнул меня по спине и сказал:

– Силен.

– Что такое, ребята? – спросил я. – Соли, что ли, мало?

– Кто она? В кого ты влюбился?

Я попробовал щи и тоже поперхнулся. Пересолил. Ребята все-таки подчистили свои тарелки. Они пили водку, и вскоре им стало все равно, много соли или мало. Может быть, поэтому они сказали, что гуляш вполне сносный. Но я не стал есть щи, не притронулся к гуляшу и даже боялся взглянуть на водку. Случилось то, чего я больше всего боялся, – меня мутило. Снизу что-то напирало, а потом проваливалось. Рот у меня был полон слюны. Вонючий пар от щей, запах водки, красные лица ребят... Потом они еще закурили.

– Отнеси гуляша капитану, – сказал Стебельков.

Я схватил тарелку и бросился вверх по трапу. Увидел над собой небо, перечеркнутое антенной. Мачта падала вбок, потом остановилась и полезла обратно. Мелькнула бесстрастная физиономия Баулина. Он смотрел на меня. Я сделал шаг по палубе и понял, что это произойдет сейчас. Бросился бегом, сунул тарелку в рубку и сразу же к борту. Меня вырвало.

Я травил за борт, и меня всего трясло. Меня выворачивало черт знает как. Потом стало холодно и очень легко, как после болезни. Я лежал животом на борту и представлял себе, как усмехнется Баулин, когда я обернусь. А черт с ним, в конце концов. Я выпрямился и обернулся. Дверь рубки была открыта и моталась из стороны в сторону. Баулин ел гуляш, придерживая штурвал локтем.

– Готово, Дима? – спросил он. – Иди сюда, поддержи колесо.

Я влез в рубку и взял штурвал.

– Гуляш вполне сносный, – сказал Баулин.

Целый час до подъема трала мы стояли вместе в рубке. Он мне объяснил, что тут к чему, познакомил с компасом, кренометром, показателем давления масла, барометром, туманным горном. Потом он развернул карту и указал, где мы находимся. Это оказалось так близко от берега, что я даже заскучал. Что со мной будет в открытом море?

Мы шли вдоль Западной Банки.

– Тут везде мель, – сказал Игорь, – нужен глаз да глаз. Видишь, вежа в воде? Рюмка книзу – обходим к зюйду, рюмка кверху – обходим к норду.

Так мы с ним стояли и трепались целый час на разные морские темы. Я понимал, что он оказывает мне моральную поддержку. Ведь это его обязанность как капитана – оказывать членам своего экипажа моральную поддержку. Но надо сказать, он здорово умел это делать.

Так мы и ловили рыбку весь день. Поднимали трал и снова опускали. Перебирали кильку и складывали ее в ящики. Я поливал из шланга и драил палубу. Устал как черт. К вечеру меня опять стошнило.

В сумерках мы повернули назад. Игорь включил рацию, поговорил по-эстонски с колхозом, потом вызвал 80-й. Редер сказал, что улов у них хреновый – килограммов 400. У нас было от силы 350. Игорь помрачнел и шепнул мне:

– Завтра пойдем к Длинному Уху.

И вдруг я услышал голос Алика.

- Димка! – орал он. – Как ты там? Прием.
- Тип-топ, – сказал я в микрофон.
- Я просто в восторге! – кричал Алька. – У нас отличные парни. А у вас?
- Поговорим дома, – сказал я.

Забавно, Алька прокричал мне привет через несколько километров темного моря. Мне стало очень хорошо. Я люблю Альку. И Юрку люблю. Ведь мы друзья с тех пор, как себя помним. Но Альке я еще благодарен за многое. Например, за то, что он вечно бубнит стихи. Или вот он научил меня понимать абстрактную живопись.

– Понимаешь, – сказал он, – поймет тот, кто откажется понимать. Понимаешь?

– Отказываюсь понимать, – буркнул я, разглядывая черный круг, заляпанный синими и красными каплями.

– Прекрасно! Ты все понял! – весело крикнул Алька и побежал к Феликсу Анохину, который в это время наседа на какого-то солидного дядьку. Они оба взяли дядьку под руки и куда-то увели, а потом пришли сияющее. – Еще одного лишили невинности.

Это было прошлой зимой на выставке в Манеже.

Я люблю Альку за то, что он взъелся тогда на меня из-за глаз этой Боярчук, а сейчас презирает за приставание к Ульви, за то, что он бородат и очкаст, за то, что он тогда ночью молчал и сейчас ни слова не говорит о Гале, за то, что мы вместе голодали и таскали шкафы. И Юрку я люблю за то же и еще за то, что мы с ним играли в первой школьной команде.

– Давай, 93-й вызовем? – предложил я Игорю.

– Ну их к черту с их эхолотом, – мрачно ответил Игорь.

Тесемочка слабых огней обозначила берег.

Вот так мы каждое утро выходили в море и каждый вечер возвращались в колхоз. Берег мы видели только в темноте.

Я привык. Меня больше не мучило, и я не пересаливал щи. Я привык к грязным лапам Ильвара. У меня установился превосходный аппетит.

Мои шикарные джинсы превратились черт знает во что. Утром мне было холодно даже в обоих свитерах и куртке. Однажды Игорь принес мне робу, резиновые сапоги, телогрейку и берет. Проявил заботу. Это его обязанность – проявлять заботу о подчиненных. Теперь я настоящий эстонский рыбак.

В клубе каждый вечер поет хор. У каждого народа свои причуды: у эстонцев – хоровое пение. Мы записались в хор, чтобы не выделяться.

В конце концов мы обогнали 93-й. У Игоря, наверное, где-то в печенке свой эхолот. Так я стал передовиком производства. Передовой колхозник.

Юрку бьет море. Он стал бледный и тощий. Каждую субботу уезжает в Таллин. Каждый понедельник я снова вижу его на причале. Привозит нам сигареты с фильтром.

Алик стал получать письма из Москвы. Однажды я увидел обратный адрес: Л. Боярчук. Ясно. О прекрасная Боярчук, твои глаза, твои глаза!.. Я оценил их прелесть. Забавно, что ребята не рассказывают мне про свои амурные дела. Как будто боятся, что мне станет горько оттого, что их девчонки не изменяют им с актерами. А я им все рассказываю об Ульви. Даже немного больше, чем есть на самом деле.

Я по-прежнему хожу в лес один. Все меньше листьев, все лучше видно небо. Когда я закрываю глаза, я вижу только кильку, кильку. Я очень рад, что вижу по ночам только кильку.

Папа, ты ведь любишь кильку. Таллинскую килькупряного посола. Вот тебе на здоровье 600 килограммов. Детки, скоро праздник. Покупайте кильку. Лучший спутник обеда – килька.

Я выучил кое-что по-эстонски. Кое-какие выкрики и несколько слов для Ульви.

– Скажи, капитан, – спросил я однажды Игоря, – зачем ты нам тогда назвал свой колхоз? Хочешь посмотреть, как мы станем перековываться?

Игорь захохотал смущенно.

– Хочешь посмотреть, как мы станем честными трудягами?

– Чудак ты, Димка, – сказал Игорь.

Было собрание, председатель делал доклад. Тошно было слушать, как он бубнил: «на основе внедрения», «взяв на себя обязательства» и т. д. Не знаю почему, но все эти выражения отскакивают от меня, как от стенки. Я даже смысла не улавливаю, когда так говорят. Но потом он заговорил, как обычный человек. Он сказал, что надо ловить больше рыбы. От этого зависит доход колхоза. Если доход увеличится в достаточной степени, колхоз сможет на следующий год арендовать большой сейнер для выхода в Атлантику.

– Товарищи, наш колхоз выйдет в Атлантику! – сказал он, как мне показалось, с волнением.

Вот это я понимаю.

На шоссе в лужах плывут облака. Я вспомнил тот день, когда влюбился в Галку. Она думает, что я влюбился в нее на школьном смотре, когда она кривлялась в какой-то дурацкой роли. Пусть она так думает, черт с ней. Мне теперь все равно, что она думает. А влюбился я в нее весной. Я был один. На бульваре в лужах плыли облака. Я увидел это, словно первый раз в жизни, и понял, что влюбился.

Снова было собрание. За столом сидел какой-то деятель. Председатель предложил соревноваться за звание бригад коммунистического труда, то есть экипажей коммунистического труда. Мы все проголосовали «за».

Игорь поймал немецкий джаз. Нас дико болтало, и дождь хлестал по стеклу, а где-то в чистой и теплой студии какой-то кот слащаво гнусавил «Майне либе ауген». Я ненавидел эти мешанские подделки под джаз. Игорь сплюнул и поймал трансляцию из Ленинградской филармонии. Мы шли в темноте, и волны нас подбрасывали под звуки симфонии Прокофьева.

Из кубрика доносилась песня «Тишина». А потом другая песня – «Ландыши». Это Стебельков учил Ильвара.

Как-то за обедом, когда Володя вытащил бутылку и стал всем разливать, я сказал:

– Люди будущего!.. Ребята, мы с вами люди коммунизма. Неужели вы думаете, что сквозь призму этой бутылочки перед нами открывается сияющее будущее?

– А что ты думаешь, в коммунизме херувимчики будут жить? – спросил Игорь. – Рыбаки и в коммунизме выпивать будут.

– Ребята, – сказал я, – вы мне все очень нравитесь, но неужели вы думаете, что мы с вами приспособлены для коммунизма?

В кубрике стало тихо-тихо.

– Оригинильный ты уникам, – сердито сказал Стебельков.

– Подожди, Володя, – сказал Игорь. – Ты про наше соревнование, что ли? – спросил он меня.

– Да.

– Разве мы плохо работаем? – проговорил Антс.

– Оригинальный ты уникам, Димка! – закричал Володя. – Ты что думаешь, если мы пьем и матюкаемся?.. Рыбаки всегда... Это традиция... Ты на нас смотри с точки зрения труда.

– Да разве только труд? – закричал я в ответ. – Трудились люди во все века, и, по моему, неплохо. Лошадь тоже трудится, трактор тоже работает. Надо думать о том, что у тебя внутри, а что у нас внутри? Полно всякой дряни. Взять хотя бы нашу инертность. Это черт знает что. Предложили нам соревноваться за звание экипажей комтруда, мы голосуем, и все.

Составили план совместных экскурсий. И материмся по-прежнему, кубрик весь захаркали, водку хлещем. Меня страшно возмущает, когда люди голосуют, ни о чем не думая.

В кубрике опять стало тихо-тихо. Не знаю, зачем я затеял этот разговор, но меня страшно возмущает, когда люди на собраниях поднимают руки, а сами думают совсем о другом в этот момент. Что мы, роботы какие-нибудь, что ли? Игорь взял бутылку и вылез на палубу. Вернулся он без бутылки.

– Еще один шаг к коммунизму, – бодро сказал я.

– А иди ты! – заорал Игорь. – Надоел ты мне по зеленые лампочки со своими сомнениями.

– Зря ты бутылку выбросил, я бы сейчас хлебнул, – сказал я нарочно, чтобы он еще больше взбесился.

Все это я вспоминаю сейчас, лежа на своей койке в кубрике. Качается лампочка в проволочной сетке, храпят ребята. Мы же лежим в нижнем белье. Мокрая роба навалена на палубе. Мы возвращаемся из экспедиционного лова. Пять дней мы тралили в открытом море за Синим островом. Мы страшно измотались. Синоптики наврали. Все пять дней хлестал дождь, и волнение было не меньше пяти баллов. Я понял теперь, почему фунт кильки. Я так устал, что даже не могу спать. Я лежу на своей койке, и мысли у меня скачут как сумасшедшие. Я член рыболовецкой артели «Прожектор».

Глава 12

Нас встречают, мы видим толпу на причале.

Нас встречает почти весь колхоз, как будто мы эскадра Колумба, возвращающаяся из Нового Света. На причале весь генералитет, и те, кому делать нечего, и жены наших ребят, а для меня там есть Ульви. Мы стоим в мокрой одежде вдоль правого борта и смотрим на берег. За эти пять дней на берегу облетели почти все листья.

Ребята целуют своих жен. Хорошо бы и мне сейчас кого-нибудь поцеловать, но Ульви кивает мне издали. Чудачка, влюбилась в меня. Что она нашла во мне такого? Не буду я к ней больше приставать. Пусть найдет себе стоящего парня, который будет думать только о ней.

Мы разгружаем сейнер, поглядывая, как разгружаются 93-й и 80-й. Кажется, мы опять их обставили. Нам просто везет.

У Игоря красивая жена. Они так счастливы, что больно на них смотреть. Впрочем, ему двадцать семь лет, а мне семнадцать!

– Заходите вечером, ребята, – говорит Игорь.

Это, значит, у него такая программа, чтобы мы были всегда вместе, как экипаж коммунистического труда.

– Заходите, пожалуйста, – крайне любезно приглашает нас его жена.

– Угу, зайдем, – отвечаем мы.

Если мы когда-нибудь к нему и зайдем, то только не сегодня вечером. Скорее всего, зайдем к нему завтра утром, перед отъездом на экскурсию. Завтра мы едем на экскурсию в Таллин.

Мы идем втроем с причала – Алик, Юрка и я. Хорошо бы нам сфотографироваться вот так втроем в резиновых сапогах и беретах. У меня борода уже почти такая же, как у Альки. У Юрки слабоватая борода. Юрка еле переставляет ноги.

– Не могу, пацаны, – говорит он. – Море бьет. Вот уж никогда не думал, что так будет.

– Может, еще привыкнешь, – успокаиваю я его, но он машет рукой. А Альке все нипочем, он обнимает нас за плечи.

– Мальчики, я стихи сочинил про Синий остров.

Синий остров —
Это остов Корабля.
Очень просто —
Ребра, кости,
Нет угля.
На норд-осте
Виден остов
Корабля.
Мы к вам в гости.
Эй, подбросьте
Нам угля.

Деградируешь, Алька, – говорю я сердито. Мне его стихи когда-то помогли, но Юрке сейчас вряд ли это нравится.

– Правда, бред? – весело спрашивает Алька. – Но тут главное – ритм.

– А какие, к черту, кости? И зачем уголь на дизеле?

Мы идем в гору, к нашему общежитию. С горы кто-то бежит. Какой-то «цивильный» человек в коротком пальто, в белой рубашке с галстуком. И вдруг я узнаю его. Это мой старший брат Виктор.

Иметь старшего брата – это в общем очень здорово. Если тебе десять лет и на тебя оттягивает шпана из дома № 8, ты смело вступаешь в бой, зная, что у тебя есть старший брат. Старший брат учит тебя плавать. Вечером ты смотришь, как он куда-то собирается, как он завязывает галстук и разговаривает по телефону, и мотаешь себе на ус. Вдруг он начинает делать успехи в спорте, играет в команде мастеров, и на улице пацаны говорят про тебя: «Это братан того самого». Он почти не замечает тебя и не знает, что твоя жизнь – это наполовину ответ его жизни. Но иногда он спрашивает тебя: «Как дела, парень?» И ты выкладываешь ему то, что тебя волнует, вроде как просишь совета.

«Понимаешь, есть у нас в классе такой Гогочка, любимчик Ольги. Капает он на всех. Вчера перед контрольной по русскому Юрка натер ему тетрадку свечой. Мы все со смеху умирали, когда он сел за парту. Пишет, а перо скользит по бумаге, и ничего не получается. Ревель начал. Смеху было! Вместо контрольной устроили классное собрание. Завуч пришел, спрашивает, кто сделал. Молчим. А завуч говорит, что мы трусы, напрасно думаем, что выручаем своего друга, настоящий друг тот, кто смело расскажет все преподавателю и этим окажет нарушителю дружескую услугу. Дали нам день на размышление. Мама говорит, что завуч прав, а ты как считаешь?»

И старший брат говорит тебе, что это будет не дружба, а предательство, а потом начинает хохотать и рассказывает аналогичный случай из своей практики. Нет, иметь старшего брата – это просто здорово! Я всегда жалел ребят, у которых нет старших братьев. Одно только неприятно, что тебе перебивают его старые вещи. Никогда тебе не сошьют нового. Вечно приходится таскать обноски старшего брата. С этим еще можно мириться, но вот когда за столом тебе начинают гудеть про его успехи, так сказать, воспитывают тебя на его положительном примере, это уж противно. И так из года в год. Ты уже стал взрослым человеком, а тебе все еще гудят про твоего старшего брата, а он себе сидит с научным журналом, посмеивается. Ему-то все это до лампочки. А потом, когда ты становишься ростом с брата и тебе еще расти и расти, ты уже начинаешь на него по-другому смотреть, наступает, так сказать, переоценка ценностей. И ты видишь, что это, конечно, не твой идеал. Плевать тебе хочется на все и вся положительные примеры. Тебя уже многое не устраивает в твоём

старшем брате. Это же надо – отказался от поездки на соревнования в Прагу из-за своей диссертации! Совсем бросил спорт из-за той же дурацкой диссертации! И вообще, что это за жизнь? Двадцать восемь лет человек слушается родителей. Иронически улыбается, а сам делает только то, что им хочется. И однажды ты выкладываешь брату все, что о нем думаешь. И брат поражен. Он ведь привык к твоему обожанию. А ты идешь, и все в тебе бурлит. И начинаешь откалывать одну за другой разные штучки, чтобы что-то кому-то доказать. А когда через несколько месяцев ты снова видишь своего старшего брата, понимаешь, что нет у тебя человека ближе. И снова начинаешь жалеть ребят, у которых нет старших братьев.

– «Пятнадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо, и бутылка рома», – поет Виктор, поглядывая на меня. Между прочим, я люблю, когда он меня заводит. Делаю вид, что злюсь, но на самом деле мне это приятно.

Мы идем по шоссе к автобусу. Я подровнял свою бородку и зачесал волосы на лоб. Настоящий пират. Рыбак. Дурак. Ну и что?

А Виктор выглядит сейчас, как четыре года назад, когда он только что окончил институт. Он очень элегантный и веселый, даже какой-то легкомысленный. Оказалось, что он три дня жил в нашем колхозе и ждал моего возвращения из экспедиции.

– Ну как тебе наш колхоз? – спрашиваю я. А он все поет. – Ты теперь в основном поешь? – спрашиваю я.

– Конечно, в отпуске я только пою. «А-а-а, – голосит он, – поехал на свидание парень на осле...»

– «Прелестное создание ждал он на осле...» – подхватываю я.

И так мы доходим до остановки автобуса. Мне дали отгул на два дня, и мы едем со старшим братом в Таллин. В автобусе я его спрашиваю:

– Ты, видно, диссертацию защитил? Что-то очень веселый.

Он хохочет:

– Лопнула моя диссертация. Бум! И готово!

– Это, видно, страшно весело, когда лопается диссертация?

– Безумно смешно. До колик.

В автобусе я засыпаю и просыпаюсь через два часа, как будто специально для того, чтобы снова взглянуть на те курортные места, где мы отдыхали после экзаменов. Справа мелькают сосны, за ними стоит серое море. Слева проносятся поселки под красными черепичными крышами и лес за поселками темной стеной. Справа внизу стояла Галя, вся обтянутая платьем, а слева я брел в Меривяльях с ружьем в руках. Справа мелькает аллея, ведущая к пляжу, потом кинотеатр и ресторан, а слева развалины монастыря и лес, а там, в лесу, домик Янсонса. Справа я лежал с Галей ночью на пляже и танцевал с ней в ресторане, а слева мы беседовали с призраками и жрали кукурузу. Вот яхт-клуб и полузатопленный барк в устье реки. И дальше вперед. По этой дороге мы догоняли «Волгу». Я был тогда несколько взвинчен. А теперь я спокоен, в кармане куртки у меня две тысячи, я знаю цену любви и никогда больше не попадусь на ее удочку. Я настоящий мужчина, современный человек. Я еду в автобусе со старшим братом. Качу вместе с ним на равных началах.

В городе я купил себе пальто и сразу же отдал его в мастерскую укоротить и сузить, как полагается. Потом я купил для папы типично эстонский свитер, а для мамы типично эстонский платок и брошку. Потом я повел Виктора в кафе и угостил его «Ереванским». Девочка Хелля мне очень обрадовалась, и я потрогал ее за подбородок и получил по рукам. Она кокетничала с Виктором, и ему, кажется, не хотелось отсюда уходить, но я должен был показать ему этот город, полный башен. Я протянул Хелле сотню, а сдачу, не считая, сунул в карман. Швейцару я дал на чай пятерку. На улице я взял такси.

– Я вижу, денег у тебя целая куча, – говорит Виктор.

– Пока не жалуюсь, – отвечаю я. – Рыбка ловится, – говорю. – Деньжат, хе-хе, хватает, – усмехаюсь.

– Так что же вы тогда торчите в этом колхозе? – спрашивает Виктор. – Вы же хотели там только денег подзаработать и двинуться дальше.

– Видишь ли, нам там пока нравится. Как надоест, так и уйдем. Ну и... путина сейчас в самом разгаре, и мы должны окончательно обставить 93-й. Мы, понимаешь ли, соревнуемся...

– Что-о? Вы, значит, соревнуетесь?

– Ну да. Кто кого, понимаешь? Довольно увлекательно.

Я не рассказываю ему, за какое звание мы соревнуемся. Как-нибудь потом, когда получим это звание, я ему расскажу.

– И долго ты собираешься тут пробыть? – спрашивает Виктор.

– Не знаю, – говорю, – понимаешь, может быть, колхозу удастся арендовать на следующий год большой сейнер. Для выхода в Атлантику, понимаешь?

Потом мы смотрели с Вышгорода на город. Таллин был весь рыжий. Над рвами среди черных мокрых ветвей висели рыжие листья. Мы спускались в темные улочки. Я водил Виктора по городу так, как когда-то нас водила по нему Линда. Потом мы спустились в кафе «Старый Тоомас». Двадцать три ступеньки под землю. Виктор сказал, что это не что иное, как великолепное бомбоубежище, и что здесь он готов пересидеть все бури эпохи, а когда летающие тарелочки все-таки опустятся на землю, он встретит марсиан на пороге кафе «Старый Тоомас». Только пусть они поторопятся, иначе здесь не хватит напитков, потому что у него чудесное в этом отношении настроение.

Как все эстонцы вокруг, мы заказали кофе и ликер «Валга».

– Вот так вот и живем, – говорю я.

Красиво живете, – вздыхает Виктор.

– А ты как там?

– Все то же. Серые будни.

– Творческие будни, полные пафоса созидания?

– Они самые.

С потолка свисали модернистские абажурчики с круглыми дырочками. Потолок был весь в круглых пятнышках света. Вокруг тихо разговаривали. Пахло крепким кофе и табаком. Я чувствовал, что Виктор ко мне присматривается. «Ну ладно», – подумал я.

– Ну ладно, – говорит Виктор, – пойдем, что ли?

– Пойдем.

Мы зашли в мастерскую. Пальто было уже готово. Я надел его и так же, как Виктор, поднял воротник.

– Извини меня, старик, – говорит Виктор, – мне хочется поговорить с тобой на серьезные темы. Ты ведь знаешь, какой я, как выпью, сразу тянет к серьезным темам.

– Валяй, – ободряю я его.

– Чего ты хочешь? – спрашивает Виктор. – Погоди, погоди. Я не спрашиваю тебя, кем ты хочешь стать. Этого ты можешь еще не знать. Но чего ты хочешь? Это ты все-таки должен знать. Я вот смотрю на всех вас и думаю: вы больны – это ясно. Вы больны болезнями, типичными для юношей всех эпох. Но что-то в вас есть особенное, такое, чего не было даже у нас, хотя разница – какой-нибудь десяток лет. Я чувствую это «особенное», но не могу сформулировать. Не думай, старик, что я тебе собираюсь мораль читать. Мне просто самому хочется разобраться.

Виктор бросает сигарету, берет другую. Щелкает пальцами. Смотрит в небо и под ноги.

– Это хорошая особенность, она есть и во мне, но я должен за нее бороться сам с собой, не щадя кожи, а у тебя это совершенно естественно. Ты и не мыслишь иначе.

– Да о чем ты?

– Не знаю.

– Вечно ты темнишь, Виктор!

Вечно он темнит, и все становится таким сложным, что голова начинает болеть. Что же во мне такого особенного? И чего я хочу? А под этим кроется: и для чего я живу? И дальше: смотришь на город, на суету и разные фокусы цивилизации – а для чего все это? Так бывает, когда втемяшится тебе в голову какое-нибудь слово. Любое, ну, скажем, «живот». И ты все думаешь: а почему именно живот? Ну, почему, почему, почему? Обычно ты его произносишь, как тысячи других, ничего не замечая, но вдруг – стоп! – застрянет в мозгах и стучит: почему, почему?

Чего я хочу? Если бы я сам знал. Узнаю когда-нибудь. А сейчас дайте мне спокойно ловить рыбку. Дайте мне почувствовать себя сильным и грубым. Дайте мне стоять в рубке над темным морем и слушать симфонию. И пусть брызги летят в лицо. Дайте мне все это переварить. Поругаться с капитаном, поржать с ребятами. Не задавайте мне таких вопросов. Я хочу, чтобы кожа на моих руках стала от троса такой, как подошва ваших ботинок. Я хочу, засыпая, видеть только кильку, кильку, кильку. Я хочу, хочу... Хочу окончательно обставить 93-й. По всем статьям. И хочу на следующий год выйти в Атлантику.

Виктор что-то бубнит о смелости, о риске, про «орла и решку», что он в конечном счете за это, но только во имя чего? А Борька, мол, все-таки в чем-то прав относительно нас.

Я начинаю злиться.

– Знаешь, чего я хочу? – говорю я. – Хочу жениться на одной нашей девчонке, на Ульви. Колхоз нам построит дом, такой симпатичный, типично эстонский дом. Купим корову, телевизор и мотоцикл. Я поступлю на заочный в рыбный институт. Напишу диссертацию о кильке. Или роман из жизни кильки. Я буду научно смелым, как ты.

Виктор смеется и хлопает меня по спине. Кажется, он обиделся. Серьезного разговора у нас не получается.

– Ну, а ты-то знаешь, чего ты хочешь? – спрашиваю я.

Он останавливается как вкопанный и смотрит на меня. Говорит тихо:

– Да. Кажется, знаю.

Мы идем теперь по улице Виру. Ее запирает огромный черный силуэт устремленной в зеленое небо ратуши. «Старый Тоомас» повернут лицом к нам. Он держит свой флаг по ветру. Виктор смотрит куда-то туда и говорит уже совершенно непонятно что-то насчет звезд. Удивительно, как его развезло...

Неожиданно мы заходим в драматический театр. Там идет какая-то пьеса из жизни актеров. В антракте в фойе мы вдруг видим Юрку с Линдой. Они прогуливаются под руку и никого не замечают. Я толкаю Юрку.

– Лажовый спектакль, – говорит он. Линда наступает ему на ногу, и он поправляется: – Не производит впечатления этот спектакль.

Вот так и гибнут лучшие люди.

После театра мы идем в ресторан. Весь вечер танцуем по очереди с Линдой. Юрка танцует подчеркнуто равнодушно, словно это не его девочка. Еще недавно все танцевали по очереди с Галей, а я танцевал с ней подчеркнуто равнодушно.

После ресторана мы идем с Виктором в гостиницу. На улицах гогочут матросы-«загранички» и наш брат рыбаки. Шмыгают такси.

– Ты знаешь, – говорит Виктор, – я ведь женился.

Вот тебе раз, он женился. И молчал. Наверное, он женился на той блондиночке. Она мне всегда нравилась.

– Да, на ней, – говорит Виктор. – Так что у тебя теперь есть сестра.

Я согласен на сестру.

– Больше того, у тебя есть шанс стать дядей.

Я согласен и на это. Я обнимаю брата.

Мы приходим в гостиницу. Я еще никогда не жил в гостиницах. Мне здесь все очень нравится. В номере я захватываю Виктора на двойной нельсон, но он уходит. Черта с два его положишь, такую массу.

– Так Галя, говоришь, сейчас в Ленинграде?

– Да.

– Поступила она в институт?

– Наверное.

– Где же она там живет?

– Черт ее знает.

– Может быть, ей дали общежитие?

– Откуда я знаю? – злюсь я, ложусь в постель и – из-под одеяла: – У нее там вроде есть тетка.

Может быть, она действительно живет у тетки?

Виктор гасит свет. Улица отпечатывается на стенах.

– У тебя ведь, кажется, что-то с ней было? – осторожно спрашивает он.

– Это тебе только кажется.

– А я уверен, что ты был в нее влюблен.

– Хватит об этом, – резко говорю я и сажусь в постели. И Виктор тоже садится. Он берет с тумбочки пачку сигарет, предлагает мне и сам закуривает. И вдруг я начинаю рассказывать ему обо всем. Выкладываю все. Голос у меня иногда начинает дрожать, и я боюсь, что он начнет сейчас сочувствовать и давать советы. Но он только слушает и курит. А когда я кончаю, говорит:

– Ладно, давай спать, братишка.

Я долго еще лежу в темноте, смотрю в окно на башню кирпичи, на стены и на Виктора, который притворяется спящим.

Хорошо иметь брата, и занять сестру, и получить шанс стать дядей.

Утром, слегка побоксировав, мы принимаем душ и спускаемся вниз в кафе. Берем омлет с ветчиной. Утром в кафе тишь да благодать. Все читают газеты. Виктор тоже читает.

– Ну, что там нового? – спрашиваю с полным ртом. – Фидель толкнул речугу в ООН?

– М-м-м, – отвечает Виктор.

– Как ты думаешь, полезут янки на Кубу? – спрашиваю я.

– А что, ты хочешь добровольцем записаться?

– Не прочь. – Я поглаживаю свою бородку. – По-моему, я уже готов.

Виктор предлагает поехать на стадион, там сегодня матч по мотоболу. Я согласен целиком и полностью. Мы выходим в вестибюль, я покупаю польский журнал, а Виктор отдает администраторше ключи от номера.

– Вам телеграмма, товарищ Денисов.

Виктор распечатывает телеграмму.

– От кого это? – спрашиваю я, разглядывая красоток в польском журнале.

Виктор не отвечает. Он стоит спиной ко мне и читает плакат «Аэрофлота».

– Что такое? – Я подхожу к нему.

– Отменяется стадион.

– Что случилось? – тихо спрашиваю я, у меня сжимается сердце. – С мамой что-нибудь?

– Да нет. Это с работы. Вызывают меня.

– Куда?

– Оказывается, у нас изменился график. Я должен лететь. У нас начинаются полевые испытания.

– Испытания чего? – глупо спрашиваю я.

Виктор вынимает деньги и расплачивается за номер.

– Как чего? – бормочет он. – Автомобилей, мотоциклов, пароходов, самолетов.

– Так куда ты сейчас летишь?

– Сейчас в Москву, а потом дальше.

– Далеко дальше-то?

– Далеко! – восклицает Виктор. – В Крым, на Кавказ, в Сочи, Сухуми...

– Ах да, – говорю я едко, – ведь ты же у нас засекреченный товарищ.

Я ужасно расстроен. Мне очень хотелось пойти с Виктором на стадион, а потом в филармонию, где будут на концерте все наши ребята.

Виктор бежит к лифту. Вместо стадиона мы едем на аэродром. В такси я немного подтруниваю над ним, но он молчит и как-то отчужденно улыбается. Сейчас мы едем с ним в такси на каких-то неравных началах.

– Вот черт, вот я и отдохнул! – говорит Виктор на аэродроме.

– Обязательно сегодня лететь? – спрашиваю я. – Может быть, можно завтра?

Виктор молчит и смотрит вдаль. Аэродром ревет, как зверинец во время кормежки. Над ним висит желтое облако. Иногда оттуда, словно какие-то болотные черти, возникают и, растопырившись, идут на посадку пузатые самолеты. Один такой «Ил-14» стоит недалеко от здания аэропорта. Под крылом у него бензовоз.

– Подожди до завтра. Сходим на стадион. Хочешь, я сдам билет?

Виктор молчит. Над головой у нас гудит динамик. Металлический голос произносит:

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Проверка.

– Ну, давай решай. Сегодня или завтра? Хочешь, монетку подброшу?

Бензовоз отъезжает из-под крыла самолета. Винты самолета начинают медленно вращаться. К самолету подъезжает лесенка. Я вынимаю монетку, но Виктор берет меня за руку:

– Нет, старик, эти штуки тут не пройдут. Давай прощаться и лобызаться.

Мы обнимаемся.

– Скажи там папе, маме... – говорю я.

– Скажу, – говорит он. – Пиши им, старик, – говорит он.

– Обязательно, – говорю я.

– Вот я и отдохнул, – говорит он. – Жаль, что так получилось, – говорит он.

– Ладно, старик, – говорит он. – Держи хвост пистолетом, – говорит он.

Он проходит через турникет и присоединяется к группе пассажиров. Оборачивается и машет рукой. Блондин в сером коротком пальто, в белой рубашке с галстуком, с венгерским чемоданом в правой руке – это мой брат. Они все идут к самолету. Впереди, точно заведенная, вышагивает девчонка в синем костюмчике и пилотке. Скрываются один за другим в брюхе самолета. И Виктор там скрывается. Отвозят лесенку. Винты – все быстрее и быстрее сливаются в белые круги. Страшный рев. Самолет поехал. Он едет по лужам и отражается в них своим холодным желтым телом. Поворачивается хвостом и удаляется, покачиваясь. Где-то очень далеко останавливается. Сюда доносится рев. Самолет стартует и уходит, растворяясь в небе. Он летит куда-то не туда, куда, как мне казалось, надо лететь для того, чтобы попасть в Москву. А может быть, у меня все перепуталось?

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Проверка.

Хоть бы песенку какую-нибудь пустили вместо этой проверки, какую-нибудь самбу.

Я иду через здание аэропорта к автобусу.

Нужна какая-то музыка. Пустили бы тихо «Комсомольцы-добровольцы...». Ревет за спиной аэродром. Безумное гнездо металла.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Проверка.

По городу идет экскурсия и прямо светится, такая чистенькая. Ребята идут вместе с женами. Жена Игоря – модница. Увидев меня, все на меня набрасываются. И мне становится чертовски приятно, как будто бы Виктор не совсем улетел, как будто бы он частично остался в лице всей нашей кодлы.

Оказывается, они уже посетили выставку графики и сейчас направляются обедать. В столовой очень культурно. Обслуживание прекрасное. Ильвар и Володя с тоской смотрят на капитана.

Игорь, как ни в чем не бывало, заказывает несколько бутылочек. Правильно, мы ведь вам не херувимчики какие-нибудь.

Потом мы идем в концерт. Слушаем там скрипки, виолончель, пение. Ильвар засыпает, Володя в антракте спрятался за колонной в буфете. В общем, экскурсия в Таллин проходит на должном уровне. Возвращаемся в колхоз поздно ночью.

Утром выходим в обычный рейс к Западной Банке.

Все как обычно. Килька, салака. Свора чаек за кормой. Я сижу на корме на бухте троса, привалившись к кожуху. Здесь тепло. Мне как-то очень тихо сегодня, и очень обычно, и немного тошно. Не хочется ни о чем думать, а думаю я о том, что Витька, наверное, уже вылетел из Москвы в неизвестном направлении. (А что они там испытывают? Может быть, скоро будет об этом в газетах?) И о том, что «Барселона» живет обычной осенней жизнью, кто-то приходит из школы и вольтанит до темноты во дворе. (А нас там как будто бы и не было!) Что Юрке, как видно, все-таки придется уехать из колхоза (море его бьет), что Алька, к моему удивлению, чувствует себя в море прекрасно, что мне надо наконец начать думать о себе (о своей жизни).

Сегодня мы возвращаемся очень рано. Еще светло. На причале пусто. Обычные шуточки Стебелькова. Тихо распоряжается Игорь. Мы грузим дневной улов на платформу и идем вдоль рельсов, толкая платформу перед собой. Обычная усталость. Все те же сигареты «Прима». Так себе топаем потихоньку к складу.

На складе Ульви с подружками катают новые бочки. Ульви не смотрит на меня. Ну и пусть. Ребята все уже ушли, а я все еще торчу в дверях и смотрю, как ползет к причалу 93-й. Надо подождать Юрку.

И вдруг все исчезает. Сизые тучи на горизонте, причал, танцующий недалеко от берега мотобот, 93-й, пропадает даже запах соленой кильки и все звуки вокруг, кроме одного. Я слышу за своей спиной голос:

– А где мне взять эту тряпку?

Ломкий высокий голос, в нем словно слезы. А что ей отвечают, я не слышу. Медленно поворачиваюсь и вижу Галю. Она идет по проходу между бочками. Она в комбинезоне и ватнике. Она в косынке, губы у нее намазаны, а в руках швабра. Она идет прямо ко мне и не узнает меня. Ведь я теперь бородат, и в берете, и в резиновых сапогах. Она останавливается в пяти метрах от меня и растирает шваброй лужу на цементном полу. Склонилась и орудует шваброй, и вдруг бросает на меня взгляд. Свой, особенный взгляд, который бесил меня (когда она так смотрела на других) и обезоруживал (когда она так смотрела на меня). Опускает глаза и снова трет шваброй пол – и вдруг выпрямляется и смотрит на меня. Узнала. Она подходит медленно ко мне. Шаг за шагом приближается. Вплотную, со шваброй в руках.

– Здравствуйте, – говорит она.

– Дима, – говорит она.

– Вот это да, – говорит она.

– Какой ты стал, – говорит она и смеется.

«Актриса, притвора, обманщица...» – все, что проносится у меня в голове.

– Не ожидал? – спрашивает она.

Как это мило! Девчонка провалилась на экзаменах и приехала к друзьям. Все очень просто и естественно. Стоит поболтать. Ты изменился. И ты изменилась. Ах, как это мило, что мы оба изменились! И я вдруг со страхом чувствую, что мне действительно все это кажется вполне естественным, и хочется расспросить Галку о конкурсе, словно передо мной не она, а Юрка или Алик.

Я выхватываю из ее рук швабру и швыряю на пол. Поворачиваюсь и иду к причалу.

– Дима! – восклицает она. И вот она уже бежит рядом со мной, цепляется за рукав.

– Мне нужно с тобой поговорить, – лепечет она.

Я сую в рот сигарету и достаю спички.

– Ты можешь поговорить со мной?

«Берегите пчел», – призывает спичечный коробок. О, черт, как это я раньше об этом не думал?

– ...поговорить обо всем, – лепечет Галка.

«Пчелы дают мед». А ведь, наверное, так оно и есть.

– Я жду тебя вечером в общежитии. Придешь?

Я закуриваю.

– Придешь?

Я иду к причалу, полный любви и нежности к пчелам. Навстречу поднимается Юрка. Она, наверное, и Юрку не узнает. А может быть, она сейчас не видит ничего вокруг?

– Придешь? – отчаянно спрашивает она, отставая.

Молчи, дура! Я ведь могу тебе пощечину вlepить.

– Придешь? – совсем уже как в театре, кричит эта дурища.

Я бегу к Юрке. У него равнодушное лицо.

– Видал? – спрашиваю я его. – Заметил ты, кто это?

– Я знал, что она здесь, – говорит он. – Она была у Линды. Спрашивала о тебе.

И тут у меня руки пускаются в пляс, и ноги начинают дрожать.

– Юрка, – говорю я, – дружище, что делать? Скажи, что мне делать?

– Плюнь, – говорит Юрка, – что же тут еще делать? Плюнь и разотри. Ишь ты, прика- тила, шалава.

Мы садимся на доски, свесив ноги вниз, и смотрим на подходящий 80-й. Алька в своем зеленом колпаке стоит там; поставив ногу на планшир, весело нам помахивает, бросает швартовы.

– Галка тут появилась, – говорю я ему.

Втроем мы поднимаемся в гору. Идем мимо складов. Видно, как Галка катит по проходу огромную бочку. Джульетта! Звезда экрана! Допрыгалась.

– Будь мужчиной, – говорит мне Алька.

А кто же я еще? Я не сказал ей ни одного слова. И не скажу. Приду я к ней, как же! Пусть ждет. Вечером я пойду гулять с Ульви.

– Тебе сколько лет? – спрашиваю я.

– Девятнадцать.

– А мне скоро будет восемнадцать. Давай поженимся?

– Что ты говоришь? – восклицает эта славная девушка Ульви.

Отличная будет у меня жена. Колхоз нам построит дом. Накупим разных вещей. Будем прекрасно жить, если, конечно, она не начнет вдруг мечтать о театре или еще о чем-нибудь таком.

– Согласна? – спрашиваю я ее.

Ульви поворачивает ко мне свое круглое лицо.

– Эта девушка... Галя Бодрова... ты ее знаешь?

– Нет.

- Ты с ней говорил.
- Я не говорил. Она меня о чем-то спрашивала. Как, мол, тут у вас? А я с ней не говорил.
- А она потом плакала.
- Ну и на здоровье.
- Она все время спрашивала о тебе.
- Значит, я неотразим.
- Она тебя знает.
- Мало ли кто меня знает.

Алик опять начал читать стихи, читает каждый вечер вслух. На этот раз зря. Юрка все лезет ко мне с кроссвордами.

- Животное из пяти букв на «о». Ну-ка, Дима, прояви эрудицию.
- Попов.

Юрка хохочет, как будто я сказал что-то ужасно остроумное.

Пинг-понг – прекрасная игра для неврастеников. Каждый вечер в коридоре мы играем в пинг-понг. Я научился крутить. Бью и справа и слева. Скоро буду непобедим. Неотразим и непобедим.

Официантка Роза спрашивает:

- Что с вами, Дима?

Все плывет у меня в глазах: темные окна с мешанскими шторками, морские картинки на стене, буфет и красные лица вокруг, колышется официантка Роза.

- Вам сколько лет, Роза?
- Двадцать шесть.
- А мне скоро двадцать. Давайте поженимся?
- Хорошо-хорошо. Идите домой.

Голые сучья в лесу штрихуют небо. Это как рисунок сумасшедшего. Абстрактная живопись. Поймет все тот, кто откажется понимать, но я не понимаю.

Каждый вечер вижу ее. Она смотрит на меня из дверей склада. Иногда сталкиваемся в столовой. Однажды ночью я увидел, как она прошла по опушке леса. Однажды в клубе были танцы. Я знал, что она там будет. Заглянул в окно. Она сидела у стены, сложив руки на коленях. Смирная девочка. Она была в синем платье. Подошел какой-то бравый парнишка, взял ее за плечо. Она покачала головой, потом вырвалась от него и убежала. Я бросился в кусты. Скорей бы снова уйти в экспедицию.

Работаю как бешеный. На сейнере у меня все блестит. Мало работы для меня на сейнере. Хоть бы случился какой-нибудь приличный штормик, что ли!

Килька больше не снится. Снится девочка в синем платье. Печальная золотистая голова. Милая, я тебя люблю. Несмотря ни на что. Больше всего боюсь высказаться во сне. Как бы не услышали ребята.

Снова возле клуба. Я вижу, как идет Галя. Она в дешевом прорезиненном пальто. Ей, наверное, холодно, но телогрейку по вечерам она не надевает. Из клуба выходят Алик и Юрка. Галя взбегает на крыльцо и сталкивается с ними.

- Мальчики!
- Девочки! – орет Юрка как солдафон.
- О мисс, – юродствует Алька, – вы у нас проездом в Голливуд?
- Они проходят вперед.
- Мальчики, – тихо с крыльца говорит Галя.
- Девочки, – передразнивает Алька.
- Были когда-то девочками, – басит Юрка.

Мерзавцы, что вы с ней поговорить не можете по-человечески?! Вам-то что она сделала? Солидарность проявляют, черти бородатые!

Ульви подзывает меня:

– Дима, возьми, – протягивает записку. Галка смотрит на нас из-за бочек круглыми глазами. Я пытаюсь обнять Ульви. Она убегает. Разворачиваю записку.

«Дима, если ты сегодня не придешь ко мне в общежитие, мне будет очень-очень плохо. Г. Б.».

Я прихожу в общежитие. Стучусь.

– Войдите!

Высокий, ломкий голос, в нем словно слезы.

Галя стоит у окна. Она в брюках и в белой накрахмаленной блузке. Такая блузка вроде мужской рубашки. Галя причесана (волосы соответственным образом спутаны), и губы намазаны. Пальцы сцеплены так, что побелели кончики.

По комнате ходит толстая, похожая на борца женщина. Больше никого нет. Я стою у дверей. Галя у окна. Женщина хватается утюг, груды белья и уходит. Галя отрывается от окна.

– Садись, Дима.

Сажусь.

– Хочешь чаю?

– Ужасно хочу чаю.

Она сервирует мне стол. Блюдечки, вареньице, сахарочек, тьфу ты, черт побери!

– Дима, я понимаю, что ты не можешь меня простить. Я втоптала в грязь то, что у нас было. Я не могу сейчас вспомнить обо всем этом без ужаса. Ты прав, что презираешь меня, и ребята правы, но скажи: могу ли я надеяться, что когда-то ты меня простишь?

Тьфу ты! Хоть бы помолчала. Хоть бы села рядом и помолчала часа два. Тараторит как заученное: «Втоптала в грязь», «Могу ли я надеяться?»

Я встаю и делаю трагический жест.

– Нет! – сурово ору я. – Нет, ты не можешь надеяться. Ты втоптала в грязь! О несчастная! Все разбито! Разбитого не склеишь! Ха! Ха! Ха! – И иду к двери.

Она обгоняет меня и встает в дверях.

– Не уходи. Останься, пожалуйста. Издевайся надо мной, ругайся, делай, что хочешь, но только не уходи.

– Ну-ка, пусти, – говорю я.

– Нет, мы должны поговорить.

– О чем нам говорить?

– Разве не о чем? Разве мы с тобой чужие?

Смотрит на меня совершенно кинематографически. Глазками работает, дурища. Я усмехаюсь и басом произношу так страстно:

– Бери меня, срывай нейлоны, в груди моей страстей мильены.

Смотрит на меня и плачет. Дурацкое положение. Я не могу уйти, она стоит в дверях. И не знаю, что мне делать. Обнять ее хочется. А в следующий момент хочется дать ей по шее.

– Если ты уйдешь...

– Что тогда?

– Мне будет очень плохо.

И вдруг бросается мне на шею. Целует. Бормочет:

– Люблю, люблю. Только тебя. Прости меня, Димка.

Ничего не соображая, я обнимаю ее и целую со всей своей злостью, со всей ненавистью и презрением. Она оборачивается в моих руках и щелкает замком. Я ничего не соображаю...

На стене покачивается тень елочки. Галина голова лежит на моей руке. Другой рукой я глажу ее волосы. Она плачет и бормочет:

– Но ты понимаешь, что это не просто так? Да не молчи ты. Ты понимаешь, что сейчас это не просто так? Если ты будешь молчать, значит, ты подлец.

– Понимаю, – говорю я и снова молчу. Как она не понимает, что нужно именно молчать? Ведь все эти слова – блеф. Нет, она этого не понимает.

– Тебе нужно уходить, – говорит она, – скоро придут девочки из кино.

На крыльце она целует меня и говорит:

– Только ты мне нужен и больше никто. И ничто. Ты не знаешь, как мне трудно было сюда приехать. И сейчас эти бочки, килька... Но я привыкну, вот увидишь. Я не могла иначе поступить, когда поняла, что только ты мой любимый.

Она стоит растрепанная, теплая, красавица, любимая... Девочка, предназначенная мне с самого детства.

Я ухожу по дорожке, не оборачиваясь, а когда сворачиваю, пускаюсь бегом. Бегу в крошечной темноте по дорожке и по лужам, спотыкаюсь и снова бегу мимо изгородей и слабых огоньков туда, где слышен грохот моря. Ветер на берегу страшный. Наверное, мы завтра не сможем выйти. Ветер пронизывает меня. Я хожу по песку и спотыкаюсь о камни. С грохотом идут в крошечной тьме белые волны, бесконечные, белые, грохочущие цепи. Словно лед плывет из какой-то черной смертельной бездны. Эх, если бы к утру стало немного потише! Эх, если бы завтра уйти к Синему острову! Я снова попался. Я снова попал в плен. И неожиданно я начинаю сочинять стихи:

Вот так настигает тебя врасплох
Случайный взгляд, нечаянный вздох.
Они преграды городят,
Они, как целый полк, палят
В тебя, и нет спасенья.
Попробуй снова в мир ребят,
В просторный мир простых ребят
Уйти из окруженья.
Хоть разорвись на части,
Ты окружен и...

Окружен и... Что же? «Счастлив» – просится рифма. Окружен и счастлив. Счастлив? Черт с ним, пускай это будет для рифмы. Счастлив я? Кажется, да. И так все дальше и пойдет, как было совсем недавно: встречи в темноте и Галкин лепет, птичий разговор. Так все это и будет, а нам еще нет восемнадцати. Поцелуй и эти мгновения, когда исчезнешь. Счастье такое, что даже страшно. Где мы будем – здесь или в Москве? Или где-нибудь еще? А потом снова появится какая-нибудь сложная личность, и снова все прахом. Сейчас она драит пол и катает бочки. Засольщица – вот ее должность. Димка с 88-го крутит любовь с Галкой-засольщицей. Меня это устраивает, а ее? Она привыкнет. Ой ли? Нет уж, простите, я теперь стреляный воробей, я больше не попадусь. Хватит с меня. Я человек совращенный.

Ночью я написал записку:

«Дорогая мисс! Благодарю вас за волшебный вечер, проведенный в вашем обществе. Я согласен к вам иногда заходить, если девочки будут вовремя уходить в кино. Далеко в море под рокот волн и ветра свист, как сказал поэт, я буду иногда наряду с другими вспоминать и вас. Примите заверения в совершеннейшем к вам почтении. Д. Д.».

К утру стало немного потише. Волнение было пять баллов. Прогноз на неделю хороший. Мы вышли на пять дней в экспедиционный лов к Синему острову. За час до ухода я опустил записку в почтовый ящик на дверях Галиного общежития.

Глава 13

Я хотел штормика – вот он! Мы попали к черту в зубы. Это случилось на третий день. Два дня мы болтались в десяти милях к северо-западу от Синего острова. Секла ледяная крупа, мы были мокрыми до последней нитки, но лов шел хорошо – трал распирало от рыбы. И вот на третий день мы попали к черту в зубы.

Чудовищный грохот. Нас поднимает в небо. Море тянет нас вверх, видно, для того, чтобы вытряхнуть из сейнера наш улов и нас вместе с ним. А может, для того, чтобы вышвырнуть вон с этой планеты? Я не могу больше быть в кубрике. Здесь чувствуешь себя, как в чемодане, который без конца швыряют пьяные грузчики. Лезу вверх и высовываюсь по грудь. Мы где-то очень высоко. Серое небо близко, а растрепанные, как ведьмы, тучи несутся совсем рядом. Куда они мчатся? Не знаю, как старых моряков, но меня шторм поражает своей бессмысленностью. По палубе бегают два пустых ящика. Мелькают за стеклом рубки лица Игоря и Ильвара. Игорь грозит мне кулаком и показывает вниз. Ох! Мы падаем вниз. Падаем-падаем-падаем... Что с нами хотят сделать? Шмякнуть о дно? Я вижу, как серо-зеленая стена вырастает над нами, качаясь. Скорее закрыть люк! Вниз! Не успеваю. Нас накрывает. Вода мощным штопором ввинчивается в люк, и я оказываюсь внутри этого штопора. Считаю ступеньки, бьюсь головой о переборки. Неужели все? Нет, надо мной снова безумные тучи. В кубрике матерится по моему адресу Стебельков. Напустил воды, уникам. Я лезу вверх. Ящиков на палубе как не бывало. Выскакиваю на палубу, захлопываю люк и бегу в рубку. Дело двух секунд. На секунду больше, и я бы уже был там, в этих пенных водоворотях. Нас снова накрыло. Потом потащило вверх.

– Ты что, чокнулся?! – орет Игорь. – Зачем сюда пришел?

– Так просто.

– Идиот.

Игорь держит штурвал. Глаза у него блестят, фуражка съехала на затылок. Мы снова ухаем вниз, нас накрывает, и мы взлетаем на новый бугор. На палубе кипит вода. Игорь улыбается, показывая все зубы. У него сейчас совершенно необычный, какой-то разбойничий вид. По-моему, он счастлив. А Ильвар спокойно потягивает замусоленную сигарету. Вынимает из кармана флягу, протягивает ее мне. Спирт сразу согревает.

Мы идем под защиту острова. Иначе нам конец. Иначе конец нам всем, и мне в том числе. И у Виктора не будет брата, а у его сына дяди, а у мамы и папы не будет беспутного сына Димки. Проблема «выбора жизненного пути» уже не будет для меня существовать. У Джульетты не будет Ромео, а у Гали останется от меня только подлая пижонская записка. Черти морские, высекайте меня и выверните наизнанку, но только оставьте в живых! Нельзя, чтобы у Гали осталась от меня только эта чудовищная записка.

– Ильвар, дай-ка еще раз хлебнуть.

И вот наш сейнер пляшет под защитой лесистого мыса. Видно, как гнутся на краю мыса низкие сосны. Толстым валом белеет сзади грань грохочущего моря. Мы пляшем на месте два часа, четыре, десять, сутки. Наступает четвертая ночь нашей экспедиции. Недалеко от нас прыгают огоньки 80-го – там Алик. А подальше огоньки 93-го – там Юрка. Я иду спать. Качается над головой лампочка в железной решетке. Слабое наше солнышко в хлябком и неустойчивом мире! Жизнь проходит под светом разных светил: жирное и благодушное солнце пляжа; яростное солнце молодости, когда просто куда-нибудь бежишь, задыхаясь (часто мы забываем про естественные источники света, какой-нибудь светоч ума озаряет

наш путь или асимметричные звезды на потолке в баре). А есть и вот это – наше слабое солнышко. Ворочаются, пытаюсь уснуть, ребята. Злятся, что лова не получилось. Съели ужин, который я им сварил, и пытаются уснуть. И я засыпаю под нашим слабым солнышком на утлой коробке, пляшущей в ночи. Шторм утихает. На берегу меня ждут. Все еще можно исправить.

– Мальчики, подъем!

В кубрике стоит капитан.

Получен сигнал бедствия. Норвежец-лесовоз потерял управление. Его отнесло к нашим берегам. Напоролся на каменную банку. Говорят, что дело плохо. Собираются покинуть судно.

Мы все садимся на койках и смотрим на капитана.

– Надо идти к ним. Это в десяти милях отсюда.

– Недалеко, – улыбается Антс.

– Недалеко! – взвизгивает Стебельков. – Больше одного раза не перевернемся кверху донышком.

Он слезает с койки.

– Пошли, Петька, запустим машинку. Эх, не жизнь, ребята, а сплошная мультипликация.

– Аврал! – орет этот бешеный пират, наш капитан Игорь Баулин.

Мы все выскакиваем наверх.

И вот в кромешной темноте мы идем к горловине бухты, за которой снова начнется адская пляска. С каждой минутой грохот нарастает. Слева по борту движутся огоньки 80-го и 93-го. Они тоже идут на спасение норвежцев. До горловины недалеко, каких-нибудь десять минут. Больше одного раза не перевернемся. Больше одного раза не бывает. Соседи в «Барселоне» будут шептаться за спиной у мамы: «Непутевый был мальчишка, этот Димка. Плохо кончил. Убег из дома и плохо кончил. Ох, дети – изверги! Бедная Валентина Петровна!» Он плохо кончил – странно, когда так говорят. Как будто можно кончить хорошо, если речь действительно идет о конце.

Грохот все ближе. Минут через десять нас самих может бросить на камни.

Я впервые об этом подумал сегодня. О том, что случается только один раз. И больше потом уже ничего никогда не случается. Это невысказано...

Минут через десять...

Раньше я боялся только боли. Боялся, но все-таки шел драться, когда нужно было. Сейчас я не боюсь самой страшной боли.

Ведь после этого уже не будет никакой боли. Невысказано.

Минут через девять...

Хана – есть такое слово. И все. Разговоров в коридоре хватит ненадолго.

А что ты оставил после себя? Ты только харкал, сморкался и плевал в этом мире. И писал записки, которые хуже любой блевотины. И ничего земного, по-настоящему земного от тебя не останется.

Минут через восемь...

– Восьмидесятый! Редер! – Это Игорь вызывает по радио нашего соседа. – Мы первыми проходим горловину. Понял? Прием.

Нет, останется. Мы идем на спасение. Мы заняты сейчас самым земным занятием: мы идем на спасение. Спасем мы кого-нибудь из норвежцев или нет, останемся мы живы или нет – все равно произойдет еще один рейс спасения.

Минут через семь...

– Игорь, разреши мне радировать в колхоз.

– Там уже знают.

- Нет, мне надо самому радировать.
- Не глупи.
- Мне надо.

Игорь поворачивает ко мне жестокое заострившееся лицо, смотрит секунду и подмигивает весело, ох как весело:

– Валяй!

Минут через шесть...

– «Прожектор», запишите радиограмму, – хрипло говорю я. – «Галине Бодровой. Галя, я тебя люблю. Дима». Прошу передать как можно скорей.

В свисте, в шипении, в страшном шорохе и шуме мы проходим горловину.

Через полтора часа мы увидели на фоне разорванных туч черный несущийся силуэт эсминца. Он выразил вам благодарность и посоветовал немедленно топать назад, к Синему острову. Оказалось, что он только что снял людей с норвежского лесовоза.

- Досталось нам, правда?
- Немного досталось.
- Ну и рейс был, а?
- Бывает и хуже.
- В самом деле бывает?
- Ага.
- А улов за столько дней – курам на смех, а?
- Не говори.
- Половим еще, правда?
- Что за вопрос?
- В Атлантике на следующий год половим, да?
- Возможно.
- Как ты думаешь, возьмут меня матросом в Атлантику?
- Почему бы нет? Ты парень крепкий.
- Вот ты железный парень, Игорь. Я это понял раз и навсегда в этом рейсе.
- Кукушка хвалит петуха...
- Ты уж прости, я в каком-то возбуждении.
- А это зря.

Я действительно в каком-то странном возбуждении. Беспрерывно задаю Игорю дурацкие вопросы. Зубы у меня постукивают, а фляжка у Ильвара пуста. Мне холодно и есть хочется, но самое главное – это то, что уже виден колхозный причал и кучка людей на нем.

Гали здесь нет. Передо мной уже мелькают лица женские и мужские, а Гали здесь нет. Неужели она не получила мою радиограмму? Неужели она уехала? Вот Ульви здесь, и все здесь, и Алька уже появился, и Юрка ковыляет, а Гали здесь нет. Гали нет. Может, ее вообще нет?

Подходит Ульви.

- Дима, Галя в больнице. Не бойся. Ей уже лучше.
- Что с ней случилось?

– Она простудилась. Когда вы ушли в экспедицию, вечером она выбежала из общежития в одном платье. Бежала долго-долго. Ее нашли на берегу. Она лежала в одном платье.

Ульви когда-нибудь простит меня за этот толчок. Может быть, она и не сердится. Она же видела, как я побежал.

Не замечаю, как взлетаю в гору. Собаки сходят с ума за заборами. Почему они безумствуют, когда видят бегущего человека? Ведь я бегу спасать свою любовь. Вот этот пес, в

сущности добрый, готов меня разорвать. Вот волкодав вздымается на дыбы. Жарко в ватнике. Сбрасываю ватник. Волкодав на задних лапах прыгает за штaketником. Тьфу ты, мразь! Плюю ему в зверскую морду. По лужам и по битому кирпичу вперед, а гнусные шавки под ноги. За забором оттопыренный зад «Икаруса». Эй! Он уходит. Подождите, черти! Моя любовь лежит в больнице. Что у вас, сердца нет? Одни моторы? Уходит, а я бегу за ним, как будто можно догнать. Наверное, сейчас развалюсь на куски. Не могу больше. Останавливаюсь. За ухом у меня колотится сердце. Не замечаю, что сзади налетает вонючий и грозный «МАЗ». Обгоняет меня. Подожди, черт!

– Можешь побыстрей? – спрашиваю водителя. – Дай, друг, газу!

«МАЗ» довозит меня до нужной остановки. Еще полкилометра надо бежать вдоль берега речушки туда, где за шеренгой елок белеет здание участковой больницы. Как быстро я лечу в резиновых ботфортах! Может быть, это семимильные сапоги?

– Состояние здоровья вполне удовлетворительное. Свидание разрешить не могу. Сейчас тихий час.

Носик у доктора пуговкой, а лоб крутой. Такого не уговоришь. И все-таки я его уговариваю.

– Сначала умойтесь, – говорит доктор и подносит к моему лицу зеркало. Такой простой карикатурный черт с типичной для чертей дикостью глядит на меня.

Я умываюсь и снимаю сапоги. Мне дают шлепанцы и халат. Когда я вхожу в палату, Галя спит. Ладонка под щекой, волосы по подушке. Так весь день я бы и сидел, смотрел бы, как она спит. Когда она спит, мне кажется, что никаких этих ужасов у нас не было. Но она открывает глаза. Вскрикивает, и садится, и снова ныряет под одеяло. Смотрит, как на черта, хотя я уже умыт. Потом начинает смотреть по-другому.

– Ты получила мою радиограмму?

Она кивает. И молчит. Теперь она молчит. Правильно. А мне надо поговорить. Я рассказываю ей, какой был плохой улов, и какой страшный штормяга, и как мы шли спасать норвежцев, и какой замечательный моряк Игорь Баулин, и все наши ребята просто золото... Она молчит. Оглянувшись, я целую ее. Она закрывается с головой и трясется под одеялом. Не пойму, плачет или смеется. Осторожно тяну к себе одеяло. Смеется.

– Актриса ты моя, – говорю я.

– Я не актриса, – шепчет Галка, и теперь она готова заплакать. Я это вижу, очень хочу этого и боюсь. Я вижу, что она готова на любое унижение. Зря я называл ее актрисой, но все-таки я что-то хотел этим сказать.

– Не расстраивайся, – говорю я, – поступишь на следующий год. Масса людей сначала проваливается, а потом поступает. И ты поступишь.

Этим я хочу сказать очень многое. Не знаю только, понимает ли она?

– А я не проваливалась, если хочешь знать, – шепчет Галка. – Я и не поступала, так и знай.

– Как не поступала?! – восклицаю я.

– Так вот. Забрала документы перед самыми экзаменами.

О, как много она сказала этим!

– Не может быть!

– Можешь не верить.

Снова она готова заплакать.

– Все равно, – говорю я, – ты поступишь на следующий год.

– Нет, не буду.

– Нет, будешь.

Оглянувшись, я снова целую ее. И тут меня выгоняет санитарка. Как много мы с Галкой сказали друг другу за эти несколько минут!

Я выхожу на крыльцо, смотрю на серые холмы и ельник, на всю долину, уходящую к морю, на голубенькие жилочки в небе и на красные черепичные крыши, и сердце мое распирает жалость. За окнами мелькает доктор. Нос пуговкой, а лоб крутой. Мне жалко доктора. Мне жалко мою Галку и жалко санитарку. Я с детства знаю, что жалость унижает человека, но сейчас я с этим не согласен. Однажды в Москве я увидел на бульваре старенькую пару. Старичок и старушка, обоим лет по сто, шли под руку. Я чуть не заплакал тогда, глядя на них. Я отогнал тогда это чувство, потому что шел на танцы. А сейчас я весь растворяюсь в жалости. Музыка жалости гремит во мне, как шторм.

По берегу реки вразвалочку жмут мои друзья, Алик и Юрка. Алик тащит мой ватник.

– Не торопитесь, мужики, – говорю я им. – Все равно вас не пустят. Там сейчас тихий час.

– А ты там был? – спрашивает Алька.

– Что ты, не видишь? – говорит Юрка. – Посмотри на его рожу.

Мы садимся на крыльцо и закуриваем. Так и сидим некоторое время, два карикатурных черта и я, успевший умыться.

– Ну как, – спрашиваю я, – штормик понравился?

– Штормик был славный! – бодро восклицает Алька. Ему все нипочем.

– А я думал, ребята, всем нам кранты, – говорит Юрка.

– Да, я тоже так думал, – признается Алька.

– Нет, ребята, – говорит Юрка, – море не моя стихия. Уеду я отсюда.

– Куда?

Юрка молчит, сидит такой большущий и сгорбленный. Потом, решившись, поворачивается к нам:

– Уезжаю в Таллин. Поступлю на завод «Вольта». Учеником токаря, к Густаву в подмастерья. Общежитие дают, в перспективе комната. Команда там вполне приличная...

– И Линда рядом, – говорю я.

– А что?

– Да нет, ничего. Все правильно.

Мы сидим, курим. Странно, мы с ребятами совсем не говорили о будущем, ловили кильку, а вечерами резались в пинг-понг, но сейчас я понимаю, что они оба пришли к какому-то рубежу.

– А ты, Алька, что собираешься делать? – спрашиваю.

– Я, ребята, на следующий год все-таки буду куда-нибудь поступать, – говорит Алька. – Надо учиться, я это понял. Недавно, помните, я ночью засмеялся? Ты в меня подушкой тогда бросил. Это я над собой смеялся. «Ах ты, гад, – думаю, – знаешь, что такое супрематизм, ташизм, экзистенциализм, а не сможешь отличить Рубенса от Рембрандта». И в литературе так же, только современность. Хемингуэй, Белль назубок, слышал кое-что про Ионеско, а Тургенева читал только «Певцы» в хрестоматии. Для сочинений в школе ведь вовсе не обязательно было читать. Детки, хотите, я вам сознаюсь? – Алька снял очки и вылупился на нас страшными глазами. – «Анну Каренину» я не читал! – Он снял колпак и наклонил голову. – Готов принять казнь.

– Думаешь, стоит ее почитать, «Анну Каренину»? – спросил Юрка.

– Стоит, ребята, – говорю я.

– Неужели ты читал ее?

– В детстве, – говорю я. И правда, в детстве я читал «Анну Каренину». В детстве я вообще читал то, что мне не полагалось.

Ну вот, ребятам уже все ясно. Теперь они сами все решили для себя. И не нужно подбрасывать монетки, это тоже ясно. А я? Прискорбный факт. Прискорбнейший случай затянувшегося развития. Я до сих пор не выработал себе жизненной программы. Есть несколько вещей,

которыми я бы хотел заниматься: бить ломом старые стены, которые никому не нужны, перекрашивать то, что красили скучные люди, идти на спасение, варить обеды ребятам (сейчас все жрут с удовольствием), танцевать, шататься из ресторана в ресторан, любить Галку и никому не давать ее в обиду (никогда больше не дам ее в обиду!), много еще разных вещей я хотел бы делать, но все ведь это не жизненная программа. Стихийность какая-то, самотек... Дмитрий Денисов пустил свою жизнь на самотек. Хорошая повестка дня для комсомольского собрания.

– Может быть, тебе в мореходку поступить? – говорит Юрка. – На штурмана учиться, а?

– На кой мне черт мореходка? В Атлантику я на следующий год и так выйду. Игорь обещал.

– Я думаю, если уж быть моряком...

– Почему ты решил, что я хочу быть моряком?

– А кем же?

– Клоуном, – говорю я. – Знаешь, как в детстве, сначала хочешь стать моряком, потом летчиком, потом дворником, ну а потом уже клоуном. Так вот, я на высшей фазе развития.

После тихого часа Галка появляется в окне. Ребята корчат ей разные рожи и приплясывают, а она им улыбается. Стоит бледная, и под глазами круги, а все-таки можно ее хоть сейчас поместить на обложку какого-нибудь польского журнала.

Потом мы едем в ближайший городок, в магазин, и возвращаемся к больнице, нагруженные разными кондитерскими пряностями. Эстонцы – отличные кондитеры. Любят полакомиться.

А Галка за окном уже какая-то другая, уже прежняя. Надувает щеки и показывает мне язык. Сзади подходит санитарка, а она ее не видит. Санитарка тоже смеется и шлепает Галку по одному месту.

Вечером мы сидим все в кофике, восемнадцать рыбаков с сейнеров «СТБ». Все свои ребята, ребята – золото. И все-таки мы обставим экипаж 93-го.

Ночью я слышу шаги за окном. Почему-то мне становится страшно. За окном шумят деревья, свистит ветер, в комнате темно, похрапывает Юрка – и вдруг шаги. Кто-то взбегает на крыльцо, барабанит в дверь общежития. Бегут по коридору, потом обратно. Останавливаются у нашей двери. Стучат.

– Денисову срочная телеграмма.

Ошибка, наверное. Конечно, ошибка. Почему вдруг мне срочная телеграмма? Почему вдруг именно мне? Почему ни с того ни с сего стрела, пущенная малышом, попадает прямо в лоб? Что ей, мало места на земле?

ЭСТОНСКАЯ ССР

КОЛХОЗ ПРОЖЕКТОР

ДЕНИСОВУ ДМИТРИЮ ЯКОВЛЕВИЧУ

МОСКВЫ (какие-то цифры)

РЕЗУЛЬТАТЕ АВИАЦИОННОЙ КАТАСТРОФЫ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПОГИБ ВАШ БРАТ ДЕНИСОВ ТЧК ПО ВОЗМОЖНОСТИ НЕМЕДЛЕННО ВЫЕЗЖАЙТЕ В МОСКВУ ТЧК ГОЛУБЕВ

Какой еще Голубев? Боже мой, что это за Голубев? При чем тут какой-то Голубев?

Я иду один по Москве. Все, в общем, здесь по-старому. Иду по Пироговке, дохожу до Садового. Из-за угла высыпает на полном ходу волчья стая машин. Перекрыли: красный сигнал. Не в моих привычках ждать, и я жму через Садовое. А куда? На Кропоткинской беру

такси и еду в центр. И тут все, в общем, по-старому, только не видно тех рыл, с которыми я некогда контактировал. Спускаюсь в метро. Пью воду из автомата. Еду на эскалаторе вниз. О, навстречу поднимается парень из нашего класса, Володька Дедык. Книжку какую-то читает. Не замечает меня. И я его поздно заметил. Ищи его теперь, свищи. Все-таки поднимаюсь по эскалатору вверх. Нет там Дедыка. Опять беру билет и снова еду вниз.

Прошло два дня после похорон Виктора.

Как это дико звучит! Все равно что сказать: прошло два дня после пожара Москвы-реки. И тем не менее это так: прошло два дня после похорон моего старшего брата, Виктора.

– Витька! – орал тот волосатый грузин (у него на груди была такая шерсть, что в бассейне все шутили: «Бюстгальтеры на меху»). – Витька! – орал он и, как торпеда, плыл к воротам. А Виктор высовывался по пояс из воды и давал ему пас на выход.

Прошло два дня после похорон.

Шура, жена Виктора, стояла совершенно каменная и с желтыми пятнами на лице. Говорят, что будет маленький Витька. Кажется, в старину женились на вдовах братьев. Я бы тоже женился на Шуре, если бы жил в те времена. В те времена ведь не могло быть Гали. А сейчас я буду считать себя отцом маленького Витьки, даже если Шура снова выйдет замуж.

Прошло два дня.

– Простите, как доехать до Ботанического сада?

– До Комсомольской, там пересадка.

Я не знаю, при исполнении каких служебных обязанностей погиб Виктор. Об этом не говорили даже на похоронах. Андрей Иванович, огромный профессор, сказал, что Виктор – герой, что он слава нашей научной молодежи, что когда-нибудь его имя... Дальше он не смог говорить, этот огромный профессор. Кто-то сказал, что через месяц у Виктора должен был кончиться комсомольский возраст, ему должно было исполниться двадцать восемь лет. Давайте будем считать, что Виктор погиб уже коммунистом.

Виктор, слышишь ты меня? Я тобой горжусь. Я буду счастлив, когда время придет и твое имя... запишут куда-то золотом, наверное, это хотел сказать профессор. Но знаешь, старик, я любил, когда ты меня «подзаводил», любил стрелять у тебя деньги и боксировать с тобой после душа. Помнишь, в Таллинне в номере гостиницы? А как мы ехали с тобой в такси? И шлялись из одного кафе в другое, а ты все плел что-то возвышенное? И мы как раз собирались поехать на стадион?..

Прошло два дня после...

Борька, друг Виктора, а потом его недруг, стоял, подняв голову, и кадык у него ходил вверх-вниз. Потом он отошел в сторону, отвернулся и весь задержался-задержался.

Два дня.

Не могу вспомнить, что было с папой и мамой. Они сразу стали старенькие. Будут гулять теперь под руку на бульваре, и у какого-нибудь парня вроде меня сожмется при их виде сердце.

Прошло два дня после похорон Виктора.

Я уже второй раз бесцельно езжу по городу. Мои старики теперь живут на Юго-Западе. За две недели до этой истории они переехали в новую квартиру. А «Барселону», говорят, уже начали ломать.

Вот мне куда надо – в «Барселону!» Да-да, именно туда я и еду уже второй день.

Выхожу на нашей станции. Все здесь по-старому. Торчат, как всегда, какие-то знакомые типы. Суета у киосков. Суета сует и всяческая суета, говорила одна старушка на даче. И вот они, руины нашей «Барселоны». Она уже наполовину сломана. За заборчиком на груде битого кирпича стоит бульдозер. Луна отсвечивает от его лопаты. Плакат на заборчике: «Работы ведет СМУ № 40».

Я перелезаю через забор и проникаю в уцелевшую половину дома. На этой лестнице Виктор целовался с одной девчонкой, а я их застукал и немного шантажировал. Я лезу вверх по лестнице и иду по коридору третьего этажа к нашей квартире. То тут, то там в распахнутые двери, выбитые стекла и в проломы стен проглядывает ночное небо. Дверь нашей квартиры висит на одной петле. Мне нужно туда, нужно просто постоять там пару минут. Я вхожу в столовую, потом в комнату родителей, потом иду к Виктору. Не знаю, сколько минут я стою здесь. Виктор провел здесь двадцать восемь лет и погиб «при исполнении служебных обязанностей». Двадцать восемь лет спал, читал, делал зарядку, выпивал с друзьями в этой комнате.

Иногда ходит-ходит.

МАМА: Витя, что ты все ходишь?

А он ни гугу. Иногда он ложился на подоконник, вот так, и смотрел в небо. Долго-долго. Где же он тут видел небо? Кругом стены. А, вот оно.

Я лежу на спине и смотрю на маленький кусочек неба, на который все время смотрел Виктор. И вдруг я замечаю, что эта продолговатая полоска неба похожа по своим пропорциям на железнодорожный билет, пробитый звездами.

Интересно. Интересно, Виктор замечал это или нет?

Я смотрю туда, смотрю, и голова начинает кружиться, и все-все, все, что было в жизни и что еще будет, – все начинает кружиться, и я уже не понимаю, я это лежу на подоконнике или не я. И кружатся, кружатся надо мной настоящие звезды, исполненные высочайшего смысла.

Так или иначе.

ЭТО ТЕПЕРЬ МОЙ ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ!

Знал Виктор про него или нет, но он оставил его мне. Билет, но куда?

1961.

Апельсины из Марокко

1. Виктор Колтыга

В общем, лично мне это надоело... Артель «Напрасный труд». Мы пробурили этот паршивый распадок в двух местах и сейчас бурим в третьем. Гиблое дело: нет здесь ее. Я это чувствую нюхом, как-никак пять лет уже шатаюсь в партиях: на Сахалине был возле Охи, и по Паронаю, и в устье Амура, и на Камчатке... Насмотрелся я на эти рельефы!

Ничего я не имею против этого распадка; здесь даже красиво; можно горнолыжную базу построить, на западном склоне отличная трасса для слалома, воздух здесь хороший, а может, и грязи какие-нибудь есть для больных, вполне возможно. Целебный источник? Допускаю, стройте, пожалуйста, санаторий. Боже ты мой, может, здесь и золото есть, может быть, этот чудный живописный, лучший в мире распадок – настоящее золотое дно, может, золота здесь хватит на все сортиры в коммунистическом обществе, но нефти здесь нет!

Понятно, я молчал и ничего не говорил Кичекьяну. И все ребята молчали. Кичекьян у нас человек новый, это его первая разведка. В этом году он окончил Ленинградский горный и приехал к нам сюда начальником партии. Сейчас он дико психовал, и поэтому мы молчали. А хотелось сказать: «Знаешь что, Айрапет-джан (или как там у них говорят), надо собирать все хозяйство и сматываться отсюда. Знаешь, джан (вот именно, джан), наука наукой, а практика практикой». Но мы молчали, работали, консервы ели – наше дело маленькое.

В четыре часа наступила ночь, и верхушки сопот заблестели под луной, словно серебряные. Над кухней уже давно вился дымок, а по дну распадка шли наши сменщики, сигналили папиросками.

– Пошли обедать, товарищ начальник, – сказал я Кичекьяну, но он только помотал головой. Он сидел на ящике и ел хлеб с маслом, вернее, не ел, а, как говорится, подкреплял силы. Масло на морозе стало твердым, как мыло. Кичекьян отрезал толстые куски, клал их на хлеб и в таком виде наворачивал. По его худому и заросшему лицу ходили желваки. Он был маленький и тощий; он даже в ватнике и в ватных штанах казался, как бы это сказать... изящным. Временами он откладывал хлеб и масло, дышал на руки, а потом снова принимался за свое дело. Потом встал и заорал:

– Луна-а, плыви в ночном просторе, лучи купая в море...

Конечно, ему было нелегко здесь, как человеку южному.

Я тоже человек южный, из Краснодар, но за восемь лет (три года армии и пять лет на гражданке) я тут порядком акклиматизировался. Возможно, летом я поеду в отпуск и проведу его у матери в Краснодаре. Известно каждому, что в Краснодаре самые красивые девчата в Союзе. Причем это не свист, а если бы еще наших девчат приодеть получше, то все: пришлось бы пустить в Краснодар еще несколько железных дорог, шоссе и построить международный аэропорт. Я часто думаю о Краснодаре и о краснодарских девчатах, и мысли эти появляются в самые тяжелые дни. В пятьдесят девятом на Устье-Майе, когда замело перевал и мы три дня лежали в палатке и на зубариках играли, я представлял себе, как я, отпускник, ранним летним утром гуляю себе по краснодарскому колхозному рынку, и грошей у меня полно, и есть не хочется, а впереди еще вечер, когда я пойду на танцплощадку, где тоненькие и рослые девчата уставятся на меня – какой я стильный, и видно, что не дурак и самостоятельный, в общем, парень-гвоздь.

Сейчас, спускаясь к лагерю на дно распадка, я тоже думаю о Краснодаре, о женщинах, о горячих пляжах, об эстрадных концертах под открытым небом, о джазе Олега Лундстрема...

Мне приятно думать, что все это есть, что на земном шаре имеется и еще кое-что, кроме этого потрясающего, волшебного, вонючего распада.

На кухне мы здорово наелись и сразу осоловели, захотели спать. Леня Базаревич, по своему обыкновению, отправился купаться, а мы влезли в палатку и, значит, водрузили свои тела на закрепленные за каждым койки.

Когда наша смена одновременно стаскивает валенки, тут хоть святых выноси. Свежему человеку впору надеть кислородную маску, но мы ничего, смирились, потому что стали вроде бы как братья.

Юра, Миша и Володя как бухнулись на свои плацкарты, так сразу и загудели, запели, засопели. Это они только настраивались. Потом началось! Когда они храпят, кажется, что работают три перфоратора. Причем комедия: как один перестанет храпеть, так и второй прекращает и третий – стоп! А по новой начинают тоже одновременно. Если бы я жил в капиталистической стране, я бы этих трех ребят зверски эксплуатировал – показывал бы их в цирке и заработал бы кучу фунтов стерлингов или лир.

Мне тоже хотелось спать, но надо было сделать еще одно дельце. Я зажег карманный фонарик и под его тусклый свет стал писать письмо одной краснодарской девчонке, которая в этот момент, можешь себе представить, находилась в каких-нибудь семидесяти четырех километрах от меня. Девчонку эту звали обыкновенно – Люся Кравченко. Познакомился я с ней прошлой весной, когда «Кильдин» привез сезонниц на рыбокомбинат. Обычно к приезду сезонниц все ребяташки в радиусе двухсот километров начинают наводить блеск на свою амуницию, стригутся под канадскую полечку и торопятся в порт Петрово на всех видах транспорта, а то и на своих на двоих. Еще бы, ведь для нас это сенсация – сразу двести или триста новых невест!

В тот раз тоже много парней понаехало в Петрово. Все гуляли по главной улице в ожидании парохода и делали вид, что попали сюда случайно, или по делам, или с похмелья. Однако все эти мудрецы оказались на причале, когда «Кильдин» стал швартоваться, и все смотрели, как невесты сходили по трапу, а потом повалили за ними на главную улицу, а к вечеру все «случайно» оказались на рыбокомбинате.

Там я и заметил Люсю Кравченко. Ну, сделал два-три виража, а потом пошел на сближение. «Откуда, землячка?» – спрашиваю. Это у меня такой прием. А она вдруг – бац: «Из Краснодара». Каково? Даже врать не пришлось. Весь вечер мы с ней гуляли, и мне было грустно смотреть в ее черные глаза, а ее загорелые руки вызвали в моей памяти пионерский лагерь на Кубани. И я думал о том, что мне уже двадцать седьмой год, а у меня ни кола ни двора, и я весь вечер заливал ей про космические полеты и про относительность времени, а потом полез к ней в тамбуре обниматься. Ну, она мне врезала по шее.

Потом мы ушли в экспедицию, и в экспедиции я о ней не думал, а думал, по обыкновению, о краснодарских девчатах, но почему-то все краснодарские девчата на этот раз были похожи на Люсю. Просто сто тысяч Люсь Кравченко смотрели на меня, когда я, красивый, умный и самостоятельный, парень-гвоздь, поднимался на танцплощадку в парке над Кубанью.

Осенью я ее встретил на вечере отдыха в Доме культуры моряков в порту Талый. Честно, я был удивлен. Оказалось, что она решила остаться на Дальнем Востоке, потому что здесь, дескать, сильнее ощущается трудовой пульс страны. Она работала каменщицей и жила в общежитии в поселке Шлакоблоки. Ну, там, училась заочно в строительном техникуме, ну, там, танцевала в хореографическом кружке – все как полагается. Она была расфуфырена черт знает как, и за ней увивались один морячок, по имени Гера, совсем молоденький парнишка, года так с сорок второго, и знаменитый «бич» (так здесь, на морских берегах, называют тунеядцев) из Петровского порта по кличке Корень. Я их отшил. Весь вечер я заливал ей про Румынию: какой в Трансильвании виноград, и какой скачок там сделала

текстильная промышленность, и про писателя Михаила Садовяну. Потом я провожал ее в автобусе в эти знаменитые Шлакоблоки и смотрел искоса на ее профиль, и мне было грустно опять, а иногда я злился, когда она тоненько так улыбалась. Уж не знаю, из-за чего она здесь осталась – может быть, из-за трудового пульса страны, но ей, видно, было не очень противно смотреть, как все мужики, весь автобус, сворачивают себе шеи из-за нее.

Возле барака я ее обжал. Ну, для порядка она мне врезала пару раз по шее. Ладонки у нее стали твердыми за это время. Потом оказалось, что мне негде ночевать, и я всю ночь, как бобик, сидел на бревнах возле ее барака, а тут еще пошел мокрый снег, и я всем на смех подхватил воспаление легких. Месяц провалялся в Фосфатогорске в больнице, а потом ушел вот в эту знаменитую экспедицию под командованием «гениального ученого» Айра-пета Кичекяна.

Значит, надо было мне сделать еще одно дельце перед тем, как шмякнуться на койку и тоненько, деликатно засвистеть в две ноздри в противовес этим трем перфораторам.

Я писал Люсе, что она, конечно, может меня презирать, но должна уважать как человека, а не собаку, и, поскольку у нас уже установились товарищеские отношения, пусть все-таки ответит на мои письма и сообщит об успехах.

Я написал это письмо, вложил в конверт и задумался. Боже ты мой, мне стало страшно, что жизнь моя вдруг пойдет под откос! Боже ты мой, а что, если в мире нет ничего, кроме этого распрекрасного распадка? Боже ты мой, а вдруг все, что было раньше в моей жизни, мне только снилось, пока я спал двадцать семь лет на дне этого распадка, и вот сейчас я проснулся, и ковыряю его все это время уже третий раз, и ничего не нахожу, и так будет теперь всегда? Вдруг это какой-нибудь астероид, затерянный в «одной из весьма отдаленных галактик», и диаметр у него семьдесят три километра, а на семьдесят четвертом километре вместо поселка Шлакоблоки пропасть, обрыв в черное космическое пространство? Такое было со мной впервые. Я испугался. Я не знал, что со мной происходит, и не мог написать адреса на конверте.

Я прильнул к нашему маленькому окошечку, размером со школьную тетрадку, и увидел, что Ленка Базаревич все еще купается в серебристых снегах. Нагишом барахтается под луной, высовывает из снега свои голубые полные ноги. Ну и парень этот Базаревич, такой чудик! Он каждый день это проделывает и ходит по морозу без шапки и в одном только тонком китайском свитере. Он называет себя «моржом» и все время агитирует нас заняться этим милым спортом. Он говорит, что во многих странах есть ассоциации «моржей», и переписывается с таким же, как и он сам, психом из Чехословакии. У них с этим чехом вроде бы дружеское соревнование и обмен опытом. К примеру, тот пишет: «Дорогой советский друг! Вчера я прыгнул в прорубь и провел под водой полчаса. Выйдя из воды и как следует облещенев, я лег на снег и провел в нем час. Превратившись таким образом в снежную бабу, я медленно покатылся по берегу реки в сторону Братиславы...» Конечно, получив такое письмо, наш Леня раздевается и бежит искать прорубь, чтобы дать чеху несколько очков вперед. Я сначала пугался, честно. Идешь в палатку, метель, пурга, и вдруг видишь: на снегу расprostерто полное и волосатое тело.

Базаревич встал, потянулся, потер себе снегом уши и стал надевать штаны. Я написал на конверте адрес: «Поселок Шлакоблоки. Высоковольтная улица, фибролитовый барак № 7, общежитие строителей, Кравченко Л.».

Если она не ответит мне и на это письмо, то все – вычеркну тогда ее из своей личной жизни. Дам ей понять, что на ней свет клином не сошелся, что есть на свете город Краснодар, откуда я родом и куда я поеду летом в отпуск, и вообще она не такой уж стопроцентный идеал, как воображает о себе, есть и у нее свои недостатки.

Вошел Базаревич и, увидев на табуретке конверт, спросил:

– Написал уже?

– Да, – сказал я, – поставил точки над «и».

Базаревич сел на свою койку и стал раздеваться. Он только и делал в свободное от работы время, что раздевался и одевался.

– Тонус потрясающий, Витька, – сказал он, массируя свои бицепсы. – Слушай, – сказал он, массируя мышцы брюшного пресса, – как хоть она, твоя Люся? Твоя знаменитая Люсь-Кравченко?

– Да как тебе сказать, – ответил я, – ростом мне вот так, метр шестьдесят пять, пожалуйста...

– Хороший женский рост, – кивнул он.

– Ну, здесь вот так, – показал я, – и здесь в порядке. В общем, параметры подходящие...

– Ага, – кивнул он.

– Но и не без недостатков принцесса, – с вызовом сказал я.

Базаревич вздохнул.

– А карточки у тебя нет?

– Есть, – сказал я, волнуясь. – Хочешь, покажу?

Я вытащил чемодан и достал оттуда вырезку из районной газеты. Там был снимок, на котором Люся в украинском костюме танцевала среди других девчат. И надпись гласила: «Славно трудятся и хорошо, культурно отдыхают девушки-строители. На снимке выступление хореографического кружка».

– Вот эта, – показал я, – вторая слева.

Базаревич долго смотрел на снимок и вздыхал.

– Дурак ты, Витька, – наконец сказал он, – все у нее в порядке. Никаких недостатков. Полный порядок.

Он лег спать, и я выключил свой фонарик и тоже лег. В окошке был виден кусочек неба и мерцающий склон сопки. Не знаю, может, мне в детстве снились такие подернутые хрустящим и сверкающим настом сопки, во всяком случае, гора показалась мне в этот момент мешком Деда Мороза. Я понял, что не усну, снова зажег фонарик и взял журнал. Я всегда беру с собой в экспедицию какой-нибудь журнал и изучаю его от корки до корки. Прошлый раз это был журнал «Народная Румыния», а сейчас «Спортивные игры». В сотый раз, наверное, я читал статьи, разглядывал фотографии и разбирал схемы атак на ворота противника.

«Поспешность... Ошибка... Гол!»

«Как самому сделать клюшку».

«Скоро в путь и вновь в США, в Колорадо-Спрингс...»

«Как использовать численный перевес».

«Кухня Рэя Мейера».

«Японская подача».

Я, центральный нападающий Виктор Колтыга, разносторонний спортсмен и тренер не хуже Рэя Мейера из университета Де-Поль, я отправляюсь в путь и вновь в Колорадо-Спрингс, с клюшкой, сделанной своими руками... Хм... «Можно ли играть в очках?» Ага, оказывается, можно – я в специальных, сделанных своими руками очках прорываюсь вперед; короткая тактическая схема Колтыга – Понедельник – Месхи – Колтыга, вратарь проявляет поспешность, потом совершает ошибку, и я забиваю гол при помощи замечательной японской подачи. И Люся Кравченко в национальном финском костюме подъезжает ко мне на коньках с букетом кубанских тюльпанов.

Разбудили нас Чудаков и Евдошук. Они, как были, в шапках и тулупах, грохотали сапогами по настилу, вытаскивали свои чемоданы и орали:

– Подъем!

– Подъем, хлопцы!

– Царствие небесное проспите, ребята!

Не понимая, что происходит, но понимая, что какое-то ЧП, мы сели на койку и уставились на этих двух безобразно орущих людей.

– Зарплату, что ли, привез, орел? – спросил Евдошука Володя.

– Фигушки, – ответил Евдошук, – зарплату строителям выдали.

В Фосфатогорске всегда так: сначала выплачивают строителям, а когда те все проедят и пропьют и деньги снова поступят в казну, тогда уж нам. Перпетуум-мобиле. Чего ж они тогда шум такой подняли, Чудаков с Евдошуком?

– Ленту, что ли, привезли? – спросил я. – Опять «Девушку с гитарой»?

– Как же, ленту, дожидайся! – ответил Чудаков.

– Компот, что ли? – спросил Базаревич.

– Мальчики! – сказал Чудаков и поднял руку.

Мы все уставились на него.

– Быстренько, мальчики, подымайтесь и вынимайте из заглазников гроши. В Талый пришел «Кильдин» и привез апельсины.

– На-ка, разогни, – сказал я и протянул Чудакову согнутый палец.

– Может, ананасы? – засмеялся Володя.

– Может, бананы? – ухмыльнулся Миша.

– Может, кокосовые орехи? – грохотал Юра.

– Может, бабушкины пироги привез «Кильдин», – спросил Леня, – тепленькие еще, да? Подарочки с материка?

И тогда Евдошук снял тулуп, потом расстегнул ватник, и мы заметили, что у него под рубашкой с правой стороны вроде бы женская грудь. Мы раскрыли рты, а он запустил руку за пазуху и вынул апельсин. Это был большой, огромный апельсин, величиной с приличную детскую голову. Он был бугрист, оранжев и словно светился. Евдошук поднял его над головой и поддерживал снизу кончиками пальцев, и он висел прямо под горбылем нашей палатки, как солнце, и Евдошук, у которого, прямо скажем, матерщина не сходит с губ, улыбался, глядя на него снизу, и казался нам в эту минуту магом-волшебником, честно. Это была немая сцена, как в пьесе Николая Васильевича Гоголя «Ревизор».

Потом мы опомнились и стали любоваться апельсином. Я уверен, что никто из ребят, принадлежи ему этот апельсин, не сожрал бы его. Он ведь долго рос, и наливался солнцем где-то на юге, и сейчас был такой, как бы это сказать, законченный, что ли, и он был один, а ведь сожрать его можно за несколько секунд.

Евдошук все объяснил. Оказалось, что он добыл этот апельсин в Фосфатогорске, ему уступил его в обмен на перочинный нож вернувшийся с Талой экспедитор Парамошкин. Ну, Евдошук с Чудаковым и помчались сюда, чтобы поднять аврал.

Мы повскакали с коек и завозились, вытаскивая свои чемоданы и рюкзаки. Юра толкнул меня в спину:

– Вить, я на тебя надеюсь в смысле денег.

– Ты что, печку, что ли, топишь деньгами? – удивился я.

– Кончай, – сказал он, – за мной не заржавеет.

Мы вылезли из палатки и побежали в гору сообщить Кичекьяну насчет экскурсии в Талый. Бежали мы быстро, то и дело сваливаясь с протоптанной тропинки в снег.

– Значит, я на тебя надеюсь, Вить! – крикнул сзади Юра.

На площадке возле костра стоял Кичекьян и хлопал рукавицами.

– Бросьте заливать, ребята, – сказал он, – какие там апельсины! Выпить, что ли, захотелось?

Тогда мы все обернулись и посмотрели на Евдошука. Евдошук, небрежно глядя на луну и как бы томясь, расстегивал свой тулуп. Кичекьян даже заулыбался, увидев апельсин. Евдошук бросил апельсин Айрапету, и тот поймал его одной рукой.

– Марокканский, – сказал он, хлопнув по апельсину рукавицей, и бросил его Евдошуку, а тот метнул обратно. Такая у них произошла перепасовочка.

– Это вам, – сказал Евдошук, – как южному человеку.

Кичекьян поднял апельсин вверх и воскликнул:

– Да будет этот роскошный плод знамением того, что мы сегодня откроем нефть! Езжайте, ребята. Может быть, и мы туда на радостях заявимся.

Мы ничего ему на это не сказали и побежали вниз. Внизу Чудаков уже разогревал мотор. Когда едешь от нашего лагеря до Фосфатогорска и видишь сопки, сопки без конца и края, и снег, и небо, и луну, и больше ничего не видишь, невольно думаешь: куда это ты попал, Витек, думал ли ты, гадал ли в детстве, что попадешь в такие края? Сколько я уже плутаю по Дальнему Востоку, а все не могу привыкнуть к пустоте, к огромным пустым пространствам. Я люблю набитые ребятами кузова машин, бараки и палатки, хоть там топор можно повесить. Потому что, когда один храпит, а другой кушает мясную тушенку, а третий рассказывает про какую-нибудь там деревню на Тамбовщине, про яблоки и пироги, а четвертый пишет письмо какой-нибудь невесте, а приемник трещит и мигает индикатор, – кажется, что вот он здесь, весь мир, и никакие нам беды не страшны, разные там атомные ужасы и стронций-90.

Чудаков гнал машину на хорошей скорости, встряхивал нас на славу. Мы стукались друг о друга и думали об апельсинах. В своей жизни я ел апельсины не один раз. В последний раз это было в Москве года три назад, в отпуске. Ничего, прилично я тогда навитаминился.

Наконец мы проехали Кривой Камень, и открылся лежащий внизу Фосфатогорск – крупнопанельные дома, веревочки уличных фонарей, узкоколейка. В центре города, голубой от лунного света, блестел каток.

Скатились мы, значит, в этот «крупный промышленный и культурный центр», в котором жителей как-никак пять тысяч человек, и Чудаков на полной скорости начал крутить по совершенно одинаковым улицам среди совершенно одинаковых четырехэтажных домов. Может, и мне придется жить в одном из этих домов, если товарищ Кравченко найдет время оторваться от своей общественной деятельности и ответить на мои серьезные намерения. Не знаю уж, как я свой дом отыщу, если малость выпью с получки. Придется мету какую-нибудь ставить или надпись: «Жилплощадь занята. Глава семьи – Виктор Колтыга».

Вырвались мы на шоссе и ждем по нему. Здесь гладко: грейдеры поработали. Юра мечтает:

– Разрежу его, посыплю песком и съем...

– Чудак, – говорит Базаревич, – посыпать апельсины сахаром – это дурной тон.

– Витька, – обратился ко мне Миша, – а правда, что в апельсинах солнечная энергия?

– Точно, – говорю, – в каждом по три киловатта.

– Вить, так я на тебя надеюсь, – говорит Юра.

– Кончай, – говорю, – резину тянуть. Надеешься, так и молчи... Надеяться надо молча.

В это время нагоняет нас самосвал «Язик», а в нем вместо грунта или там щебенки полным-полно ребят. Веселые, смеются. Самосвал идет наравне с нами, на обгон норовит.

– Эй! – кричим. – Куда, ребята, катаетесь?

– В Талый, за апельсинами!

Мы заколотили по крышке кабины: обидно было, что обогнал нас дряхлый «Язик».

– Чудаков! – кричим. – Покажи класс!

Чудаков сообразил, в чем дело, и стал было показывать, но самосвал в это время вильнул, и мы увидели грейдер, весь облепленный ребятами в черных городских пальто. Через секунду и мы стали обходить грейдер, но Чудаков сбросил скорость. Ребята на грейдере сидят, как галки, синие носы трут.

– Куда, – спрашиваем, – торопитесь?

– В Талый, – говорят, – за апельсинами.

Ну, взяли мы этих парней к себе в кузов, а то ведь они на своем грейдере поспеют в Талый к одним только разговорам о том, кто больше съел. Да и ребята к тому же были знакомые, из авторемонтных мастерских.

Тогда Чудаков стал показывать класс. Мы скорчились на дне кузова и только слушали, как гудит, ревет воздух вокруг нашей машины. Смотрим, самосвал уже сзади нас. Ребята там встали, стучат по кабине.

– Приветик! – кричим мы им.

– Эй! – кричат они. – Нам-то оставьте малость!

– Все сожрем! – кричим мы.

Дорога начала уходить в гору, потом пошла по склону сопки, а мы увидели внизу, в густой синеве распадка, длинную вереницу красных огоньков, стоп-сигналов машин, идущих впереди нас на Талый.

– Похоже на то, что в Талом сегодня будет карнавал, – сказал Леня Базаревич.

На развилке главного шоссе и дороги, ведущей в зверосовхоз, стояла под фонарем плотная группа людей. Они «голосовали». Видно было, что это моряки. Чудаков притормозил, и они попрятались в кузов. Теперь наша машина была набита битком.

– Куда, – спрашиваем, – путь держите, моряки?

– В Талый, – говорят, – за апельсинами.

Они, оказывается, мчались из Петровского порта на попутных. Это был экипаж сейнера «Зюйд» в полном составе, за исключением вахтенного. Смотрю, а среди них сидит тот самый парнишка, который на танцах приударял за Люсей. Сидит, мичманку на уши надвинул, воротник поднял, печальный такой паренек.

– О, – говорю, – Гера! Привет!

– А, – говорит, – здорово, Витя!

– Ну, как, – спрашиваю, – рыбка ловится?

– В порядке, – отвечает.

Так, значит, перекинулись, вроде мы с ним добрые знакомые, не то, что дружки, а так.

Едем мы, мчимся, Чудаков класс показывает, обгоняем разную самодвигающуюся технику: машины, бортовые и «ГАЗ-69», тракторы с прицепами, грейдеры, бульдозеры, мотоциклы. Черт, видно, вся техника в радиусе ста километров поставлена на ноги! Господи ты Боже, смотрим: собачья упряжка шпарит по обочине! Одна, другая... Нанайцы, значит, тоже решили повитаминиться.

Сидим мы, покуриваем. Я ребятам рассказываю все, что знаю про цитрусовые культуры, и иногда на Геру посматриваю. И он тоже на меня нет-нет да взглянет.

Тут я увидел, что нас нагоняет мотоцикл с коляской, а за рулем Сергей Орлов, весь в коже, и в очках, и в мотоциклетном шлеме. Сидит прямо, руки в крагах расставил, как какой-нибудь гвардейский эскорт. Сзади, вижу, сидит бородатый парень – ага, Николай Калчанов. А в коляске у них девушка, тоже в мотоциклетных очках. Это парни из Фосфатогорска, интеллектуалы, а вот девчонка что-то незнакомая.

Взяли они на обгон, идут с нами вровень.

– Привет, Сережа! – крикнул я им. – Ник, здорово!

– А, Витя, – сказали они, – ты тоже за марокканской картошкой спешишь?

– Точно, – говорю. – Угадали.

– Закурить есть? – спрашивает Калчанов.

Я бросил ему пачку, а он сразу сунул ее девчонке в коляску. Смотрю, девчонка спрятала голову за щиток и закуривает за щитком. Тут я ее узнал – это была Катя, жена нашего Айрапета Кичекьяна, учительница из Фосфатки. Катя закурила, помахала мне рукавицей и улыбнулась, показала все-таки свои зубки. Когда они с мужем приехали к нам с материка,

самого Айрапета никто не замечал – так была красива его жена. Такая блондинка, прямо Барбара Квятковская из журнала «Экран». Тоже паника у нас тогда началась, вроде как сейчас, с апельсинами. Все норовили съездить в Фосфатогорск посмотреть на нее. Ну, потом привыкли.

Зверь, а не машина у Орлова! Он легко обогнал нас и стал уходить. Чудаков пытался его достать, но дудки. Мы их догнали на семьдесят третьем километре, они вытаскивали машину из кювета. Коля Калчанов хромал, а Катя, смеясь, рассказывала, как она вылетела из коляски, пролетела в воздухе метров десять – нет, двадцать, ну, не двадцать, а пятнадцать, в общем, метров пять она летела, ну ладно, пять – и зарылась головой в снег. Орлов в своем шлеме и по пояс в снегу выглядел прямо молодцом. Мы помогли им вытащить машину, и они поехали теперь уже потише, держась за нами.

В общем, дорога была веселая, все шоссе грохотало десятками двигателей, а перед самыми Шлакоблоками мы встретили рейсовый автобус Талый – Фосфатогорск, из которого какой-то типчик бросил нам в кузов горсть оранжевой апельсиновой кожуры.

На большой скорости мы ворвались в Шлакоблоки, домики замелькали в глазах, я растерялся и даже не мог определить, в какой стороне Люсин барак, и понял, что через несколько секунд он уже останется сзади, этот поселочек, моя столица, как вдруг Чудаков затормозил. Я увидел Люсин барак, чуть ли не по крышу спрятанный в снег, и белый дым из трубы. Чудаков вышел из кабины и спросил меня:

– Зайдешь?

Я посмотрел на Геру. Он смотрел на меня. Я выпрыгнул из машины и зашагал к бараку.

– Только по-быстрому! – крикнул мне вслед Чудаков.

Я услышал за спиной, как ребята попрыгали из машины. Вовремя, значит, произошла остановка.

Небрежно, как бы мимоходом, я зашел в комнату и увидел, что она пуста. Все десять коек были аккуратно застелены, как это всегда бывает у девчат, а в углу на веревке сушилась разная там голубая и розовая мелочишка, которую я предпочел не разглядывать. Вот записки на столе я просмотрел.

«Шура, мы уехали в Талый. Роза», – прочел я.

«Игорь, мы уехали за апельсинами. Нина», – прочел я.

«Слава, продай билеты и приезжай в Талый. И.Р.», – прочел я.

«Эдик, я уехала в Талый за апельсинами. Извини. Люся», – прочел я.

«Какой же это Эдик? – подумал я. – Уж не Танака ли? Тогда мне хана».

Да, попробуй потягаться с таким орлом, как Эдуард Танака, чемпион Дальневосточной зоны по лыжному двоеборью – трамплин и равнина.

Я вынул свое письмо, положил его на стол и вышел. В дверях столкнулся с Герой.

– Ну, как там девчата? – промямлил он.

– Уехали в Талый, – сказал я. – Небось уже рубают апельсинчики.

Мы вместе пошли к машине.

– Ты, случаем, не знаком с Танакой? – спросил я.

– Это чемпион, что ли?

– Ага.

– Нет, не знаком. Видел только, как он прыгает. В кино.

– Он и не в кино здорово прыгает.

– Ага, хорошо прыгает.

Снег возле машины был весь разукрашен желтыми затейливыми узорами. Мы влезли в кузов и поехали дальше.

2. Николай Калчанов

На комсомольском собрании мне предложили сбрить бороду. Собрание было людное, несмотря на то что сегодня в тресте выдавали зарплату. Все знали, что речь будет идти о моей бороде, и каждый хотел принять участие в обсуждении этой жгучей проблемы или хотя бы посмеяться.

Ну, для порядка поговорили сначала о культурно-массовой и спортивной работе, а потом перешли к кардинальному вопросу повестки дня, который значился в протоколе под рубрикой «О внешнем виде комсомольца».

Ерофейцев сделал сообщение. Он говорил, что большинство комсомольцев в свободное от работы время имеет чистый, опрятный и подтянутый вид, однако (но... наряду с этим... к сожалению, следует заметить...) имеются еще комсомольцы, пренебрегающие... и к ним следует отнести молодого специалиста инженера Калчанова.

– Я понимаю, – сказал Ерофейцев, – если бы Коля – ты меня, Коля, прости (я покивал), – если бы он был геологом и зарос, так сказать, естественным порядком (смех), но ты, Коля, прости, ты даже не художник какой-нибудь, и, извини, это пижонство, а у нас здесь не Москва и не Ленинград.

В зале начался шум. Ребята с моего участка кричали, что борода – это личное дело мастера и уж не будет ли Ерофейцев контролировать, кто как разными такими личными делами занимается, что это, дескать, зажим и все такое. Другие кричали другое. Особенно старались девушки из Шлакоблоков. Одна из них была определенно недурна. Она заявила, что внешний облик человека свидетельствует как-никак о его внутреннем мире. Такая, грубо говоря, смугляночка. Тип Сильваны Пампанини. Я подмигнул ей, и она встала и добавила мысль о том, что дурные примеры заразительны.

Проголосовали. Большинство было против бороды.

– Хорошо, сбрею, – сказал я.

– Может, хочешь что-нибудь сказать, Коля? – спросил Ерофейцев.

– Да нет уж, чего уж, – сказал я. – Решено, значит, так. Чего уж там...

Такую я произнес речь. Публика была разочарована.

– Мы ведь тебя не принуждаем, – сказал Ерофейцев. – Мы не приказываем, тут некоторые неправильно поняли, не осмыслили. Мы тебя знаем, ты хороший специалист и в быту, в общем, устойчив. Мы тебе ведь просто рекомендуем...

Он разговаривал со мной, как с больным.

Я встал и сказал:

– Да ладно уж, чего там. Сказано – сделано. Сбрею. Считайте, что ее уже нет. Была и сплыла.

На том и закончилось собрание.

В коридоре я встретил Сергея. Он шел с рулоном чертежей под мышкой. Я прислонился к стене и смотрел, как он идет, высокий, чуть-чуть отяжелевший за эти три года после института, элегантный, как какой-нибудь гид с французской выставки.

– Ну что, барбудос, плохи твои дела? – спросил он.

Вот это в нем сохранилось – дружеское, но немного снисходительное отношение старшекурсника к салаге.

Я подтянулся.

– Не то чтобы так, начальник, – сказал я. – Не то чтобы очень.

– Это тебе не кафе «Аэлита», – тепло усмехнулся он.

– Точно, начальник. Верно подмечено.

– А жалко? Сознайся, – подмигнул он и дернул меня за бородку.

– Да нет уж, чего уж, – засмутился я. – Ладно уж, чего там...
– Хватит-хватит, – засмеялся он. – Завелся. Вечером придешь?
– Очень даже охотно, – сказал я, – с нашим удовольствием.
– У нас сейчас совещание. – Он показал глазами на чертежи. – Говорильня минут на сорок – на час...

– Понятно, начальник, мы это дело понимаем, со всем уважением...

Он улыбнулся, хлопнул меня чертежами по голове и пошел дальше.

– Спроси его насчет цемента, мастер, – сказал мне мой тезка Коля Марков, бригадир. Сергей обернулся уже в дверях директорского кабинета.

– А что с цементом? – невинно спросил он.

– Без ножа ведь режете, гады! – крикнул я с маленькой ноткой истерии.

За спиной Сергея мелькнуло испуганное лицо директорской секретарши.

– Завтра подбросим, – сказал Сергей и открыл дверь.

Я вышел из треста и посмотрел на огромные сопки, нависшие над нашим городом. Из-за одной сопки выглядывал краешек луны, и редкие деревья на вершине были отчетливо видны, каждое деревце в отдельности. Я зашел за угол здания, где не было никого, и стал смотреть, как луна поднимается над сопкой, довольно быстро, надо сказать, и как на сопки и на распадки ложатся резкие темно-синие тени и серебристо-голубые полосы света, и как получается Рокуэлл Кент. Я подумал о том, на сколько сотен километров к северу идет этот потрясающий рельеф и как там мало людей, да и зверей немного, и как на какой-нибудь метеостанции сидят двое и топят печь, два человека, которые никогда не надоедают друг другу.

За углом здания был топот и шум. Кто-то сговаривался насчет «выпить-закусить», кто-то заводил мотоцикл, смеялись девушки.

Из-за угла вышла группа девиц, казавшихся очень неуклюжими и бесформенными в тулупах и валенках, и направилась к автобусной остановке. Это были девицы из Шлакоблоков. Они прошли мимо, стрекоча, но одна обернулась и заметила меня.

Она вздрогнула и остановилась. Представляю, как я выглядел один на фоне белой, освещенной лунной стены.

Она подошла и остановилась в нескольких шагах от меня. Это была та самая Сильвана Пампанини. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга.

– Ну, чего это вы так стоите? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Значит, из Шлакоблоков? – спросил я, не двигаясь.

– Переживаете, да? – уже другим тоном, насмешливо спросила она.

– А звать-то как? – спросил я.

– Ну, Люся, – сказала она, – но ведь критика была по существу.

– Законно, – сказал я. – Пошли в кино?

Она облегченно засмеялась:

– Сначала побрейтесь, а потом приглашайте. Ой, автобус!

И побежала прочь, неуклюже переваливаясь в своих больших валенках. Даже нельзя было представить, глядя на нее в этот момент, что у нее фигура Дианы. Высунулась еще раз из-за киоска и посмотрела на Николая Калчанова, от которого на стену падала огромная и уродливая тень.

Я вышел из-за угла и пошел в сторону фосфатогорского «Бродвея», где светились четыре наши знаменитые неоновые вывески: «Гастроном», «Кино», «Ресторан», «Книги» – предметы нашей всеобщей гордости. Городишко у нас гонористый, из кожи вон лезет, чтобы все было, как у больших. Даже есть такси – семь машин.

Я прошел мимо кино. Шла картина «Мать Иоанна от ангелов», которую я уже смотрел два раза, позавчера и вчера. Прошел мимо ресторана, в котором было битком. Из-за шторы

виднелась картина Айвазовского „Девятый вал“ в богатой раме, а под ней голова барабанщика, сахалинского корейца Пак Дон Хи. Я остановился посмотреть на него. Он сиял. Я понял, что оркестр играет что-то громкое. Когда они играют что-нибудь громкое и быстрое, например, „Вишневый сад“, Пак сияет, а когда что-нибудь тихое, вроде «Степь да степь кругом», он сникает – не любит он играть тихое. В этот раз Пак сиял, как луна. Я понял, что ему дали соло. И он сейчас руками и ногами выколачивает свой чудовищный брек, а ребята из нашего треста смотрят на него, раскрыв рты, толкают друг друга локтями и показывают большие пальцы. Нельзя сказать, что джаз в нашем ресторане старомодный, как нельзя сказать, что он моден, как нельзя подвести его ни под какую классификацию. Это совершенно самобытный коллектив. Лихие ребята. Просто диву даешься, когда они с неслыханным нахальством встают один за другим и солируют, а потом как грянут все вместе – хоть стой, хоть падай.

Насмотревшись на Пака и порадовавшись за него, я пошел дальше. У меня немного болело горло, видно, простудился сегодня на участке, когда лаялся с подсобниками.

В «Гастрономе» было полно народу. Наш трест штурмовал прилавки, а шахтеры, автомеханики и геологи стреляли у наших трешки и пятерки. Дело в том, что нам сегодня выдали зарплату, а до других еще очередь не дошла.

У меня тоже стрельнул пятерку один знакомый парень. Шофер из партии Айрапета.

– За мной не заржавеет, – сказал он.

– Как там ваши? – спросил я.

– Все возятся, да толку мало.

– Привет Айрапету, – сказал я.

– Ага.

Он врезался в толпу, и я полез за ним.

«Подольше бы вы там чикались!» – подумал я.

Я люблю Айрапета и желаю ему удачи, но у меня просто нет сил смотреть на него и на Катю, когда они вместе.

Я взял две бутылки «Чечено-ингушского» и килограмм конфет под аппетитным названием «Зоологические». Засунул все это в карманы куртки и вышел на улицу.

«Бродвей» наш упирается в сопку, в заросли кустарника, над которыми круто поднимается прозрачный лес – черные стволы, синие тени, серебристо-голубые пятна света. Ветви деревьев переплелись. Все резко, страшновато. Я понимаю, почему графики любят рисовать деревья без листьев. Деревья без листьев – это вернее, чем с листьями.

А за спиной у меня была обыкновенная добропорядочная улица с четырьмя неоновыми вывесками, похожая на обыкновенную улицу в пригороде Москвы или Ленинграда, и трудно было поверить, что там, за сопкой, город не продолжается, что там уже на тысячи километров к северу нет крупноблочных домов и неоновых вывесок, что там необозримое, предельно выверенное и точное царство, где уж если нечего есть, так нечего есть, где уж если ты один, так один, где уж если тебе конец, так конец. Плохо там быть одному.

Я постоял немного на грани этих двух царств, повернул налево и подошел к своему дому. Наш дом последний в ряду и всегда будет последним, потому что дальше – сопка. Или первым, если считать отсюда.

Стаськи дома не было. Я поставил коньяк на стол, поел баклажанной икры и включил радио.

– В Турции непрерывно растет стоимость жизни, – сказала радио.

Это я слышал еще утром. Это была первая фраза, которую я услышал сегодня утром, а потом Стаська сказал:

– Куда эта бородатая сволочь спрятала мои гантели?

Он почти всегда так «нежно» меня величает, только когда не в духе, говорит «Коля», а если уж разозлится, то – «Николай».

Не люблю приходить домой, когда Стасика нет. Да, он очень шумный и рубашки носит на две стороны, удлиняет, так сказать, срок годности, а по ночам он жует пряники, запивая водопроводной водой, и чавкает, чавкает так, что я закрываюсь одеялом с головой и тихо, неслышно пою: «Га-а-дина, свинья-я, подавись ты своим пря-я-ником...» Но зато, если бы он сейчас был дома, он отбросил бы книжку и спросил: «Откуда появилась эта бородастая сволочь?» А я ответил бы: «С комсомольского собрания».

А когда мы выпьем, я говорю с ним о Кате.

Я встал и плотно прикрыл скрипучие дверцы шкафа, придвинул еще стул, чтобы не открывались. Не люблю, когда дверцы шкафа открыты, и прямо весь содрогаюсь, когда они вдруг открываются сами по себе с тихим, щемящим сердце скрипом. Появляется странное ощущение: как будто из шкафа может вдруг выглянуть какая-нибудь рожа или просто случится что-нибудь нехорошее.

Я взял свой проект и расстелил на столе, приколот кнопками. Закурил в отошел немного от стола. Он лежал передо мной, будущий центр Фосфатогорска, стеклянный и стальной, гармоничный и неожиданный. Простите, но когда-то наступает пора, когда ты сам можешь судить о своей работе. Тебе могут говорить разное, умное, и глупое, и середка-наполовинку, но ты уже сам стоишь как столб и молчишь – сам знаешь.

Конечно, это не мое дело. Я мастер. В конце концов, я кончил всего только строительный институт. Мое дело – наряды, цемент, бетономешалка. Мое дело – сизый нос и щеки стекольного цвета, мое дело – «мастер, скинемся на полбанки», и, значит, туда, внутрь – «давай-давай, не обижу, ребята, фирма платит».

Мое дело – находить общий язык. Привет, мое дело – это мое дело. Мое дело – стоять как столб у стола, курить, и хвалить себя, и знать, что действительно добился успеха.

Я размазня, я никогда не показываю своей работы, даже Сергею. Все это потому, что я не хочу лезть вверх. Вот если бы мой проект приняли, а меня бы за это понизили в должности и начались бы всякие мытарства, тогда мне было бы спокойно. Я не могу, органически не могу лезть вверх. Ведь каждый будет смотреть на твою рожу и думать: «Ну, пошел парень, в гору идет!» Только Стаська и знает про эту штуку, больше никто, даже Катя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.